

Дэвид Дрейк Уильям Дитц Командир звездной системы

Кризис Империи – 2

«Кризис Империи»: Армада; Москва; 1997

Дэвид Дрейк, Уильям Дитц

Командир звездной системы

(Кризис Империи – 2)

«1»

Мерикур вздрогнул, когда стеклянный шарик ударил в стену рядом с его головой. Он нырнул за угол. Черт! С каких это пор ПИТЭКи оснащены пульсаторами? Что ж, с этим ничего не поделаешь. Мерикур плотнее сжал рукоятку пистолета. Этих проклятых штук – по меньшей мере пять, а то и больше. В полумраке ПИТЭКи могли беспрепятственно пробираться через лабиринт переходов и коридоров.

Позади него что-то скрипнуло. Переборка? Мерикур крутанулся и вскинул пистолет, держа его обеими руками, как и было предписано в наставлении по огневой подготовке.

Этот экземпляр был огромным даже для ПИТЭКа. Ростом за два метра и весом явно больше, чем полтораста килограммов. Крошечные красные глазки светились из-под выступающего надбровного гребня, на чешуйчатом лице были ясно видны высокие скулы. Три перепончатых ноздри, одна над другой, открывались и закрывались в непрерывной последовательности. ПИТЭК открыл свой широкий тонкогубый рот и завизжал:

– Умри!

Мерикур нажал на спуск. Визг перешел в предсмертный хрип, когда струя стеклянных шариков поразила ПИТЭКа. Энергетический импульс превращал алюминиевое покрытие каждого шарика в плазму, когда те ускорялись в стволе пульсатора. Шарiki вылетали со сверхзвуковой скоростью и взрывались, поражая цель. Огромные дыры появились в ПИТЭКе. Он упал лицом вниз и ударился с каким-то чавкающим звуком об пол.

Пистолет-пульсатор флотского образца вывалился из мертвых пальцев и заскользил по полу.

Мерикур упал, схватил его и откатился в сторону. Стеклянные шарiki рубанули по настилу там, где он только что стоял, и высекли бетонную крошку. Вот дерьмо! ПИТЭКи зашли к нему в тыл!

Он выстрелил, лежа на спине. Цели он не видел, поэтому взял пониже и просто стрелял в темноту из обоих пистолетов. Два ПИТЭКа упали, когда шарiki пульсаторов отсекали у них ноги.

ПИТЭКи продолжали стрелять, и на лицо Мерикура сыпались осколки настила и переборок.

Он бросил один пистолет и вырвал из нагрудного держателя мини-бомбу. Сделал, как написано в инструкции: «Дважды сдавить, бросить и плотно зажмурить глаза, чтобы их не повредила яркая вспышка». Мини-бомба взорвалась со страшным грохотом. Части тел ПИТЭКов застучали по стенам и потолку; попало и Мерикуру.

Он вовремя открыл глаза, чтобы увидеть, как стопятидесятикилограммовый ПИТЭК

прыгает напрямик вниз с нависающей крыши. Мерикур перекатился вправо и услышал, как ПИТЭК хрюкнул, приземлившись рядом с ним, – узловатые колени существа согнулись, чтобы погасить силу удара. Широко расставленные пальцы ног удерживали его туловище в вертикальном положении, а мускулистые руки занесли над головой огромный меч.

Мерикур выстрелил в упор, и выстрел разорвал ПИТЭКа пополам. На ноги ему вывалились кольца сине-черных внутренностей. А потом ПИТЭК упал на Мерикура. Он попытался оттолкнуть тело, но ничего не вышло.

Мертвый ПИТЭК вдруг начал спазматически дергаться – это его товарищ принялся стрелять по нему из пульсатора. Оставшийся в живых ПИТЭК использовал свое оружие, чтобы прорубиться через тело напарника и добраться до Мерикура.

Мерикур затолкал пистолет до упора в еще теплый разорванный живот ПИТЭКа и нажал на спуск. По отдельности каждый стеклянный шарик имеет слабую проникающую способность, но целый их поток разнес в клочья спину твари и залил коридор смертью. Стоявший в коридоре ПИТЭК пошатнулся, взвизгнул и умер.

Настил на полу намок от крови ПИТЭКа, и Мерикуру удалось выскользнуть из-под придавившей его туши. Он встал, обшаривая глазами окружающий его полумрак и ожидая следующей атаки. Раскаленный добела шар боли взорвался у него между лопаток. Последнее, что он почувствовал, – это боль от удара лицом о настил пола.

«Черт! Снайпер!..» – успел подумать Мерикур и провалился во мрак.

Освещение стало заметно ярче, света все прибавлялось, и Мерикур медленно поднялся на ноги.

Те из подбитых ПИТЭКов, которые получили не слишком серьезные повреждения, принялись собирать части собственных тел и зашаркали по направлению к ремонтному цеху. Разбросанные там и сям куски, которые ПИТЭКи не подобрали, ползли в том же направлении. Им никогда туда не добраться без посторонней помощи, но они были запрограммированы на попытку.

Из двери ремонтного цеха вышел унтер-офицер Нистер, высохший маленький человек. Его наплечные нашивки украшали скрещенные кинжалы Мастера Оружия. Офицерская трость была зажата под мышкой одной руки, в другой руке он держал планшет.

Нистер носил форменную фуражку сдвинутой на затылок, но во всем остальном он являлся живым воплощением устава. Его форма была безупречно отутюжена. К моменту рождения Мерикура Нистер уже успел отслужить полный срок в морской пехоте, и то, чего он не знал о рукопашном бое, можно было написать на булавочной головке. У него были яркие маленькие глазки, огромный нос и рот, который не раз доставлял ему неприятности.

– Очень грязная работа, капитан третьего ранга Мерикур.

Мерикур улыбнулся:

– Грязная? С каких это пор вы начали ставить баллы за опрятность?

Нистер в ответ улыбнулся.

– Ну, мы, конечно, не ставим баллы за это, но грязное, кровавое поражение цели занимает больше времени, и это может выйти тебе боком. Как сейчас, например.

Он пнул ногой тело последнего «противника для использования в тренировочно-экзаменационном курсе» – ПИТЭКа, которого убил Мерикур.

– Когда он вас придавил, вы сделали единственное, что было возможно, стреляя сквозь тело. Это четкая работа, и вы получили достаточно очков за хладнокровие и еще чуть больше – за проворство. Его улыбка стала жестче. – Но при этом вы мертвы. Вы дали снайперу достаточно времени, чтобы он занял позицию на соседней крыше. Вы встали – он вас и прихлопнул.

Мерикур пожал плечами:

– Я не могу спорить с вашей оценкой, унтер. Но будь я проклят, если знаю, как мне поступить в следующий раз в подобной ситуации.

– Что ж, сэр, это дело опыта. Но если мои слова, сэр, вас не обижают, то вы, палубные офицеры, не проходите тренировочный курс так часто, как следовало бы. А теперь добавим

сюда вот это.

Пальцы Нистера забегали по клавишам планшета; унтер-офицер то неодобрительно хмыкал, то удовлетворенно усмехался.

– Что ж, сэр, могло быть и хуже.

Мерикур терпеливо улыбнулся:

– Итак, каков мой итог?

– Восемьдесят шесть из ста возможных, сэр. Вы набрали много очков за счет того, как действовали в неожиданной ситуации. Мы вообще-то подсунили вам хорошенький сюрприз, когда заменили у некоторых ПИТЭЖов мечи пульсаторами, и вы задали им жару, когда схватили этот второй пистолет. Конечно, вы потеряли кучу очков, позволив им насесть на себя, и были вынуждены применить мини-бомбу. Не хотел бы я там оказаться.

Он повел плечами.

– И все же восемьдесят шесть очков – это очень прилично для палубного офицера.

– Мертвого палубного офицера, – весело уточнил Мерикур.

– Капитан третьего ранга Мерикур, – позвала оружейный техник, просунув голову в дверь.

– Здесь, – ответил Мерикур. Интересно, кто это его ищет?

– Послание из штаб-квартиры базы, сэр. Вам предписано явиться в комиссию флота по назначениям к пятнадцати ноль-ноль.

– Проклятье! – Мерикур взглянул на часы. Он без толку мозолил глаза комиссии уже несколько недель, но как только собрался освежить свои навыки на полигоне табельного оружия...

Было почти четырнадцать ноль-ноль. Он окинул взглядом свой замызганный камуфляжный костюм. Если действительно поторопиться, то он успеет принять душ и надеть мундир класса А. За десять минут он доберется от холостяцкого общежития офицеров до штаба. Он помахал Нистеру и отправился к себе.

Старший адмирал Ориана откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и уставился на бронзовую рельефную панораму Афин, над которой на потолке висела скульптурная голова Зевса.

Ориана был привлекательным мужчиной: сухощавый, с длинными руками и ногами. Его курчавые черные волосы были подстрижены «аэродромом»- с плоской макушкой, в соответствии со стилем, модным в последнее время у флотских офицеров. У адмирала была глянцево-черная кожа, высокие скулы и выразительный рот, в данный момент сжатый в тонкую линию.

Он сделал свой выбор, но был ли капитан третьего ранга Ансон Мерикур подходящим человеком? Комиссия полагает, что да, но она-то только рекомендует, решение же принимать ему, адмиралу. Ему же и отвечать за последствия.

Из послужного списка было видно, что Мерикур – уверенный в себе, надежный офицер, который размеренно продвигался по служебной лестнице. Ничего яркого, ничего блестящего – просто хороший, компетентный офицер.

Короче, тот самый тип, который требовался Ориане и его начальству.

Имелся, правда, один выходящий из ряда вон случай, когда Мерикур еще был младшим лейтенантом. Он самовольно покинул пост на орбите Алексиса – 2 ради преследования пиратского рейдера. Подобные случаи, если оканчиваются неудачей, кладут конец карьере.

Но молодым везет, и Мерикур схватил мерзавцев. Есть на флоте неписанный закон, гласящий, что ты можешь *нарушить приказ и избежать последствий*, если ты прав и если ты действительно удачлив. К счастью для Мерикура, у него было и то и другое.

Трюм рейдера был набит похищенным оружием, но более важным для Мерикура оказалось то, что на борту находилась дочь вице-адмирала. Она была захвачена во время рейда, и за нее хотели получить выкуп. В результате юный лейтенант заслужил публичное похлопывание по плечу и личную благодарность некоторых весьма влиятельных лиц.

Больше подобных инцидентов не было. И хорошо. Не самая лучшая идея –

прикомандировать к сенатору Энтони Хильдебранту Виндзору какого-нибудь искателя славы, бросающегося сломя голову во всякие авантюры. На самого-то сенатора нельзя полагаться! У любого, кто верит во всю эту чепуху об инопланетном равенстве, в голове явно не хватает нескольких винтиков. На взгляд Орианы, сенатор представлял серьезную угрозу Скоплению Гармония – и самому Пакту!

Раздалось мягкое гудение. Ориана ткнул кнопку на подлокотнике кресла.

– Да?

– Комиссия в сборе. Капитан третьего ранга Мерикур присутствует, сэр.

– Благодарю, Перкинс. Сейчас буду.

Мерикур попытался расслабиться. Он уже проходил через это, но всякий раз решения комиссии по назначениям были подобны броску игровой кости. Иногда тебе выпадало что-то приличное... Но чаще всего – нет.

– Адмирал Ориана сейчас появится, капитан третьего ранга Мерикур. Могу я вам что-нибудь предложить? Может быть, хотите кофе или чаю? – спросил стюард-инопланетянин, представитель расы дридов, худых и высоких гуманоидов, обладающих способностью к языкам и инстинктом понимать бюрократические процедуры. Дриды занимали видное место в администрации и даже оттеснили некоторых обленившихся чиновников Пакта.

Мерикур вежливо улыбнулся:

– Как вас зовут?

Он не был особо расположен к инопланетянам, но пытался запоминать их имена. Иногда за это ему воздавалось сторицей – информацией, например.

– Люди зовут меня Снайдер, сэр. Это довольно близко к истинному звучанию моего имени. – Тяжелые губы инопланетянина изогнулись в улыбке, его водянистые глаза блеснули.

– Спасибо, Снайдер. Чашечка кофе не повредит.

Когда инопланетянин засеменил прочь, волоча концы накидки по полу, Мерикур воспользовался моментом и огляделся.

Свет струился сквозь высокие стрельчатые окна и ярко освещал стены и пол. Большие кабинеты были обильно уставлены мебелью, как и полагалось штаб-квартире сектора. Мерикур сидел на стуле с украшенными затейливой резьбой ножками. На возвышении напротив него стоял полукруглый стол. Он был вырезан из такого темного дерева, что казался почти черным. За столом сидели шесть старших офицеров, перешептывались друг с другом и иногда посмеивались.

«Скорее всего, обсуждают счет в игре ноло или такие же важные проблемы», – подумал Мерикур. Седьмой стул стоял пустой.

В одном из комфортабельных кресел, которые стояли по левую и правую руку от Мерикура, сидела женщина. Она была красива и, несомненно, хорошо это сознавала. Но в ее красоте не было женственности, присущей многим представительницам ее пола. Скорее, она использовала свою внешность в чисто утилитарных целях, как некий вид одежды, которую она надевала в случае необходимости, а затем оставляла пылиться в шкафу. Ей было тридцать пять или сорок лет. Он не увидел знаков различия на ее флотской форме.

Но он ощутил ауру власти вокруг нее. Эта аура проявлялась в ее расслабленной позе, в сардонической улыбке и в легком кивке, когда их глаза встретились.

Кто это? Она здесь явно из-за него. Мерикур озабоченно шевельнулся.

– Прошу, сэр. Сливки, сахар?

– Спасибо, не надо, Снайдер. Я пью черный кофе.

Слегка поклонившись, дрид отошел и исчез в одном из служебных коридоров, которых тут было полно. Мерикур отхлебнул кофе и поднял голову, когда прозвучал сигнал.

– Всем встать! – объявил другой дрид, одетый в ливрею. Зашаркали подошвы, зашелестели бумаги, все встали и повернулись лицом к центру помещения. Открылась дверь, адмирал вошел, сделал несколько быстрых шагов по направлению к столу и занял свое место, кивнув офицерам.

– Прошу садиться.

Ориана смотрел на Мерикура. Были ли у него недостатки, тайные пороки? Слабости, скрытые от компьютеров, но видимые простому глазу? Ранняя, не по возрасту, седина сделала волосы Мерикура абсолютно белыми, он стриг их коротко, с плоской макушкой.

По контрасту с волосами, лицо Мерикура загорело дочерна. Неудивительно – ведь он только что отслужил срок на Калвине, пустынной планете Скопления Омега.

Мерикур сел на свое место достаточно быстро и грациозно, отметил про себя Ориана. Значит, не тыловая крыса, всю жизнь просидевшая за столом. Хорошо. У него будет чертовски мало времени, чтобы сидеть за столом в Скоплении Гармония.

– Адмирал, – обратился к Ориане Перкинс, его помощник-дрид.

Ориана небрежно махнул рукой.

– Занесите в протокол, что данное заседание комиссии флота по назначениям открыто и все такое прочее.

Он улыбнулся Мерикуру, как бы говоря: «Во всем этом много бюрократического вздора, но что от нас зависит?» Вслух же он сказал:

– Добро пожаловать, капитан третьего ранга. После стольких недель бомбардировки моего штаба просьбами о назначении, думаю, вы должны быть счастливы присутствовать здесь.

– Всегда приятно вернуться к живой работе, – ответил Мерикур. Лицо его оставалось, бесстрастно.

– И работы вам хватит, капитан. – Ориана посмотрел на экран компьютера, откашлялся и зачитал официальный текст: – «Капитан третьего ранга Мерикур, вы немедленно отправляетесь в Скопление Гармония. По прибытии вы примете командование всеми силами Пакта и представитесь губернатору указанного Скопления, сенатору Энтони Виндзору. Вам надлежит повиноваться приказам губернатора Виндзора в соответствии и согласно действующим законам, постановлениям и оперативным правилам, установленным командованием Пакта и известным вам». – Ориана поднял глаза и улыбнулся: – Вам все ясно?

– Так точно, сэр.

– Хорошо, – чуть заметно улыбнувшись, адмирал продолжал: – В соответствии с вашим назначением и его ответственностью, имею честь объявить о повышении вас в звании. Вы переводитесь из состава военного флота Пакта в корпус морской пехоты с присвоением вам звания бригадного генерала. Полный текст приказа загружается в ваш ПИР.

Подобно всем офицерам, Мерикур носил на поясе прибор искусственного разума – ПИР. Помимо стандартной программы, загружаемой в них при «рождении», ПИРы могли самообучаться во время функционирования и иногда развивались в какое-то подобие личности. Мерикуровскому ПИРу было уже пятнадцать лет, и он был слегка непочтителен. Хотя ПИР часто действовал Мерикуру на нервы своими неуместными замечаниями и не щадил при этом самолюбия своего хозяина, он был очень проницателен, и Мерикуру не хотелось стирать его память и начинать все сначала. А кроме того, ему нравился этот маленький нахал. Услышав упоминание о себе, ПИР настроил звуковой имплантант, вживленный в ухо Мерикура, и сказал:

– Приказы получены, твое генеральство!

Адмирал Ориана эхом отозвался:

– Поздравляю, генерал Мерикур... И желаю удачи на новом посту!

Мерикура охватили самые разные противоречивые эмоции. Переход из флотской табели о рангах в морскую пехоту не беспокоил его, это довольно обычное дело, но из капитанов третьего ранга в генералы – за один мах! Это было чертовски удивительно, ведь его послужной список не содержал ничего такого, что могло подвигнуть комиссию присвоить ему это звание.

Времени раздумывать не было. Адмирал ждал.

– Благодарю вас, сэр. Я не подведу.

– Уверен, что не подведешь, сынок. Уверен, – ободряюще произнес Ориана. Он встал и сошел с возвышения. – Прежде чем ты нацепишь себе на плечи генеральские кометы, я хотел бы тебя кое с кем познакомить.

Женщина встала со своего кресла, приблизилась и протянула руку.

– Позвольте и мне присоединиться к поздравлениям адмирала. Меня зовут Меган Рита.

– Да, – добавил адмирал Ориана неловко, будто внезапно потерял уверенность в себе, – гражданка Ритт проделала весь этот путь с Земли, чтобы вас проинструктировать.

Что-то холодное засосало у Мерикура под ложечкой. Кона Татцу, секретная служба Пакта. Женщина работала в самой штаб-квартире Земли! Ему следовало давно это понять: сотрудники Кона Татцу носили военную форму без знаков различия и пользовались обращением «гражданин», хотя это совершенно не соответствовало степени демократичности секретной службы.

Мерикур почувствовал мягкое жужжание в ухе и услышал, как его имплантант произнес: «Она таскает на себе достаточно экранированной электроники, чтобы открыть целый магазин. Сто шансов из ста, что тебя пишат на стерео».

– Благодарю вас. Для меня большая честь познакомиться с вами, гражданка Ритт. Полагаю, путешествие было приятным? – вежливо сказал Мерикур.

– Вполне приятным, спасибо. Флот был очень любезен.

Мерикур представил себе несчастного капитана, потеющего от страха дни и ночи напролет – до той последней минуты, когда секретный агент покинул борт его корабля, в самом ли деле она здесь просто по пути в штаб-квартиру сектора? Или тут кроется какой-то замысел? А может, штаб-квартира – просто прикрытие, а на самом деле она вынюхивает, что из корабельного имущества капитан стащил в прошлом году? Да, большинство капитанов в такой ситуации были бы крайне любезны.

– Ну что же, – сказал адмирал Ориана и весело подмигнул: – Оставляю вас наедине. Я уверен, найдется достаточно государственных секретов, чтобы вы обсудили их. Удачи, генерал. Хотел бы я вырваться отсюда и потряхнуть стариной, вместе с вами разнести в пух и прах пару вражьих корветов... Но на это чертовски мало шансов. Слишком много писанины, требующей моего личного внимания. Гражданка Ритт, было приятно с вами познакомиться. Дайте знать Перкинсу, если понадобится.

– Благодарю вас, адмирал. Непременно.

– Очень хорошо.

Сказав это, адмирал оставил их вдвоем.

Мерикур чувствовал себя покинутым. Ориана был солдатом, и Мерикуру было понятно, как с ним следует себя вести. Ритт же воплощала нечто совсем иное, темное и политическое. «Государственные секреты? Какого черта тут происходит?»

– Прошу вас, следуйте за мной, генерал. Я взяла на себя смелость заранее зарезервировать для нас конференц-зал.

Ритт даже не пыталась вести учтивую беседу, пока они спускались в поблескивающий холл. Хотела ли она вывести его из равновесия, или это была просто манера ее поведения? Так или иначе, дурные предчувствия Мерикура росли с каждым его шагом. Подобно большинству боевых офицеров, Мерикур не доверял шпионам.

– Вот мы и пришли, – сказала Ритт, открыла дверь и пропустила его вперед. – Присаживайтесь.

Мерикур окинул конференц-зал быстрым взглядом и сел. Помещение с густо навошенным паркетным полом было почти пустым, здесь стояли только круглый стол и четыре стула – в самом центре. Мерикур уселся на один из них.

Ритт тоже села, посмотрела на Мерикура и улыбнулась. Внезапно он заметил, что глаза у нее ярко-голубые.

– Надеюсь, я вас не напугала, – проворковала она.

– Вовсе нет, – соврал Мерикур.

– Рада это слышать. Если не возражаете, я перейду сразу к делу. Как говорится, время – деньги. Думаю, вы уже поняли, что ситуация не совсем обычная.

– Да, мэм. – «Даже раньше, чем твоя Кона Татцу начала инструктировать меня», – подумал Мерикур.

Сложив пальцы домиком, она произнесла:

– Скажите мне, генерал, как бы вы описали общую политическую ситуацию в Пакте и перспективы на будущее? И пожалуйста, будьте откровенны. Этот разговор совсем не для записи.

Мерикур почувствовал мягкое жужжание имплантанта. «Ее ПИР совершенно забил помехами мой сканер. Представь себе – она пишет каждое твое слово».

Мерикур не удивился. Так как его мнение Ритт легко могла узнать заранее, он решил быть откровенным. Он разделял широко распространенные взгляды, которые были далеки от измены. Пожав плечами, он сказал:

– Пакт прекратил усиление своего влияния много веков назад. Целые Скопления выскользнули из-под его правления. Мультипланетные конгломераты, корпоративные картели и инопланетяне – все борются за власть. Через несколько сотен лет, максимум – тысячу, Пакт рухнет в анархию.

Ритт кивнула, рассматривая его сквозь длинные ресницы.

– Изложено сжато, генерал, и, по мнению многих социальных и политических исследователей, абсолютно правильно. Вопрос в том, что нам следует с этим делать?

Мерикур решил воспользоваться случаем.

– Положение на данный момент кажется довольно стабильным. Почему бы нам просто не делать свое дело и надеяться, что все изменится к лучшему?

Ритт наклонилась вперед.

– Это возможно. Но что, если все пойдет вкривь и вкось? И как насчет боли и страданий, когда Пакт будет медленно распадаться и превращаться в хаос?

Ее голубые глаза сверкали. «Господи ты Боже мой! – подумал Мерикур. – Мало того, что она шпионка, так еще и фанатичка!»

– Пакт может быть спасен, – сказала она, – если у нас хватит смелости это сделать.

– Рад это слышать, – ответил Мерикур. – Я посвятил всю свою жизнь его защите.

Черты ее лица смягчились.

– У меня и в мыслях не было предположить иначе, генерал. Простите мою вспышку эмоций. Видите ли, я очень интересуюсь данным вопросом. Скажите, что вы знаете о сенаторе Виндзоре?

Мерикур задумался. Сенатор Виндзор. Человек, чьим приказам он будет повиноваться в Скоплении Гармония. События развивались так быстро, что у него не было времени подумать о своем новом боссе.

Имя было смутно знакомым – из новостей, конечно, – но больше ничего Мерикур вспомнить не смог.

– О Виндзоре я мало что знаю. Он родом из семьи сенаторов. Следовательно, богат и обладает властью.

– Вполне корректно, – сказала Ритт. – Он также молод, имеет приятную внешность и отчасти радикал.

Верно ли Мерикур уловил следы задумчивости в том, как она произнесла последнюю фразу? Наверно нет, она была суха и деловита, когда продолжала:

– Как раз это последнее качество мы и должны здесь с вами обсудить, генерал. Суждения сенатора по многим вопросам вы найдете вполне консервативными. Большинство из тех, кого я знаю, соглашается, что он превосходный администратор. Только в области человеческих или, я бы сказала, нечеловеческих отношений его идеи становятся радикальными.

– Радикальными? Каким образом?

Ритт улыбнулась и принялась изучать свой безупречно наманикюренный ноготь.

– Сенатор Виндзор верит в полное равенство инопланетян.

Мерикур был поражен. Сенатор Виндзор сочувствует инопланетянам? Черт! И как же начальство прикажет работать с подобным человеком? Вслух он произнес:

– Полное равенство... И почему это кому-то надо выступать за полное равенство? Особенно сенатору. Даже если это и не противоречит закону, разве это не политическое самоубийство?

Мгновение Ритт разглядывала потолок.

– Это хороший вопрос. Если бы сенатор Виндзор был здесь, то он, вероятно, ответил бы так.

Теперь она смотрела на флотского офицера сурово, возможно, рассердилась и, несомненно, была тверда и решительна.

– Несколько последних столетий мы использовали инопланетян для поддержания нашей экономики, – продолжала она. – Сначала для сбыта наших товаров, а затем как дешевую рабочую силу, чтобы производить эти самые товары. Постепенно инопланетяне заняли те рабочие места, которые нам не нравились. Трудились на тяжелых и опасных производствах, например, или шли в прислугу. А мы почему-то продолжаем считать, что занимаем господствующее положение и держим все под контролем.

– Но мы и держим все под контролем, – сказал Мерикур, слишком изумленный, чтобы сдержаться.

– Не мы, – отрезала Ритт. – С каждым годом мы все больше и больше зависим от знания, умения инопланетян, от их количества, наконец. Зависим так, что многие экономисты задают себе вопрос, сможем ли мы выжить без них. А тем временем мы отрицаем право инопланетян на участие в местном самоуправлении, право иметь представителей в нашем Сенате или право на участие в правительстве.

Она сделала паузу, но не сводила глаз с Мерикура.

– Я согласен с вами, гражданка, – спокойно сказал он. Нечего было проявлять эмоции – надо взять себя в руки. Даже генералы не вправе возражать Кона Татцу, потому что это опасно.

Ритт слегка расслабилась.

– Итак, если бы сенатор был здесь, он бы сказал, что у нас есть два пути. Мы можем либо уменьшить нашу зависимость от инопланетян, убрав их из всех отраслей нашей экономики, либо же предоставить им полноценное гражданство. Как раз это, по мнению сенатора Виндзора, нам и следует сделать. Чтобы вдохнуть в Пакт новую жизнь, полагает он, мы должны уравнивать в правах человеческую и нечеловеческие расы.

Инопланетяне, эти вонючки или уроды – и их равенство с человеком? Это шло вразрез со всем, чему учили Мерикура, но он вынужден был признать, что в позиции сенатора была определенная логика. Военных не поощряли задавать вопросы о раз и навсегда заведенном порядке вещей, но у Мерикура был живой ум, и аргументы сенатора, по крайней мере в том виде, в каком они были изложены этой опасной женщиной, отлично сочетались с его собственными наблюдениями.

– Я полагаю, – сказал Мерикур, тщательно подбирая слова, – что многие другие политические деятели не согласны с сенатором. Что они говорят по этому поводу?

– Что сенатор дурак, – раздраженно ответила Ритт. – Многие даже не признают существования самой проблемы, а те, кто признает, скорее позволяют рухнуть экономике, чем поделятся властью с инопланетянами. Они указывают, что многие расы имеют более высокую рождаемость, чем наша. Если мы сегодня предоставим им все гражданские права, завтра они превзойдут нас своей численностью, и это мы будем угнетаемым меньшинством.

– Так кто же здесь прав?

Ритт пожала плечами:

– Я не знаю. Никто не знает. Но по общему мнению, сенатору Виндзору следует позволить поэкспериментировать. Если его теория сработает в Скоплении Гармония, то, возможно, за ним последует весь Сенат. Какое ироничное название: Гармония.

– Да, – задумчиво отозвался Мерикур. – Ироничное. Очень многим этот эксперимент не понравится.

Она кивнула:

– Вот почему мы посылаем к Виндзору генерала. Надежного генерала.

– Но это не единственная причина, не так ли?

Ритт покачала головой:

– Да, вы правы. Мы хотим дать сенатору Виндзору шанс, но существуют потенциальные проблемы. В Скоплении Гармония много рабочих с Церны, и Цернианская Федерация «интересуется» их благополучием. Этот «интерес» растет пропорционально размеру цернианского флота. Что, если они нападут на Скопление? Прикажет ли вам Виндзор начать военные действия? Или он будет готов на уступки цернианам ради продвижения вперед инопланетно-человеческого «равенства»?

Мерикур внезапно обнаружил, что стоит лицом к лицу с кошмарной для любого офицера перспективой: противоречивые приказы, исполняя которые ты становишься либо изменником, либо мятежником.

Церниане были такой могущественной расой, что их внутренние миры смогли сдержать Пакт во время его распространения. До сих пор они избегали давать вызов силам Пакта, но что, если они выбрали Скопление Гармония в качестве испытательного полигона для проверки его силы и решимости? В конце концов Виндзор был психом, которому нравились инопланетяне. Он может слишком долго колебаться, применять ли ему военную силу, или, что еще хуже, прикажет Мерикуру не открывать огонь, пока он будет притворяться, что ведет переговоры.

Неповиновение приказам Виндзора положит конец карьере Мерикура, а учитывая то, что сказала Ритт, повиновение приведет к тому же. Командование Пакта использует его в качестве подстраховки, гарантии, что Виндзору не будет дозволено нанести непоправимый ущерб, проводя свои социальные эксперименты.

– Вы понимаете, что это ставит меня в трудное положение? – сказал Мерикур.

– Да, – ответила Ритт без малейшего намека на сочувствие. – Я понимаю. Но я согласна с адмиралом Орианой, что вы и есть самый подходящий человек для этой работы. И дела обстоят не так плохо, как кажется. Когда Виндзор узнает вас получше, он будет держать свой энтузиазм под контролем. В вашем распоряжении будет целый флот, и у сенатора не останется выбора.

Мерикур знал, что его надули, но все же чувствовал себя польщенным.

– Что ж, это еще предстоит увидеть – не так ли, гражданка Ритт? Во всяком случае, вы были откровенны со мной, благодарю вас за это. – Он кашлянул. – Полагаю, это все?

– Ну, есть еще один вопрос, – сказала Ритт, откинулась в кресле и улыбнулась.

– Да? И что же это?

– Племянница сенатора.

Мерикур не понял.

– Вы собираетесь на ней жениться.

«2»

В тот самый момент, когда Мерикур и Ритт покинули конференц-зал, Снайдер открыл служебную дверь и проскользнул внутрь. Если бы в зале кто-нибудь еще остался, то он предложил бы кофе или чай. Но в помещении было пусто, так что его «легенда» не понадобилась.

Длинное одеяние дрида волочилось по полу, подметая плюшевый ковер. Снайдер провел плоской трехпалой рукой под крышкой стола и нащупал крохотную выпуклость. Миниатюрное записывающее устройство осталось незамеченным. Произошло так, как и сказал человек, который позвонил ему накануне и имени которого он не знал. Эта женщина, Ритт, была настолько уверена в антиподслушивающих устройствах, спрятанных в ее одежде,

что даже не потрудились обыскать комнату.

Снайдер положил крошечный прибор в чехольчик и засунул его во внутренний карман. Иногда дрид раздумывал над тем, кто же были его работодатели. Но поскольку ему не позволялось встречаться с ними лично, он никогда этого не узнает.

Пилот аккуратно вывел шаттл на орбиту, и перелет на корабль, ожидавший Мерикура, прошел очень гладко, однако новоиспеченный генерал так кипел от злости, что не обратил на это внимания. Мерикур вырос в состоятельной семье, но он был провинциалом и, следовательно, консерватором. Он знал, что семьи сенаторов считали политические браки самым обычным делом. Но он этого не одобрял и сам чертовски не хотел участвовать в подобных мероприятиях. Он так и сказал гражданке Ритт.

– Это возмутительно! Забирайте назад ваши генеральские кометы. Я отказываюсь.

– Генерал Мерикур, – сладко ответила она, – отказ повиноваться имперскому декрету, любому имперскому декрету, – расценивается как измена.

По крайней мере, он получил представление, на каком уровне обсуждались теории Виндзора.

В бешенстве от всех этих Ритт, Виндзоров и командования Пакта в том числе он вернулся в общежитие несемейных офицеров и обнаружил, что Лизы нет. Ее выставили за дверь с той же военной четкостью, с какой был прислан комплект формы морской пехоты и ординарец, который уже начал упаковывать личные вещи Мерикура.

Конечно, Мерикура и Лизу мало что связывало, и рано или поздно они бы расстались, но все же «до свидания» можно было и сказать. Единственный светлый момент во всей этой чехарде событий – пара золотых наплечных комет в маленьком черном футляре.

Итак, когда генерал Мерикур вышел из шлюза шаттла, его настроение нельзя было назвать приподнятым, оказанный прием нисколько его не улучшил. Вместо звуков волынки и двойной шеренги блестящих мундиров, которые были положены ему по званию, Мерикура приветствовал прыщавый младший лейтенант, с огромным кадыком, такой унылый, будто его приговорили к смертной казни. Позади него стояли двое рядовых – как и положено, с бесстрастным выражением на лице.

– Генерал... э-э... Мерикур? – Младший лейтенант сверился со шпаргалкой, которую держал перед собой.

Мерикур вскипел, но, как мог, постарался это скрыть.

– Да.

– Сенатор шлет вам свои наилучшие пожелания, сэр, и просит вас как можно скорее присоединиться к нему в кают-компании.

– О, вот как! Что ж, передайте сенатору что-нибудь от моего имени. С его позволения, я прежде всего приму рапорт командира корабля, посетую свою флагманскую каюту и, может быть, даже схожу в галюн, прежде чем я присоединюсь к нему. Все ясно?

– Т-так точно, сэр. Думаю, да, сэр. Что-нибудь еще, сэр?

Мерикур видел, что оба рядовых чуть не лопались от едва сдерживаемого смеха. Слух о его выходе обойдет весь корабль за час.

– Да. Прикажите одному из рядовых взять мой багаж и показать мои апартаменты.

– С-слушаюсь, сэр. Нолте, ты слышала генерала. Помогите ему с вещами и проводите в каюту. Это номер четыре на палубе «Б».

Мерикур услышал жужжание имплантанта. «Бремертон»- стандартный крейсер класса «Порт». Если хочешь получить его полную схему, подключи меня к любому принтеру «Хорошо зная расположение корабля вплоть до последнего трюмного колодца, Мерикур решил не пользоваться схемой ПИРа. Он произнес:

– Ваше имя, младший лейтенант?

– Полански, сэр.

– Благодарю, младший лейтенант Полански. Можете идти.

– Слушаюсь, сэр. – Полански попрощался почти по уставу и поспешил прочь. Второй рядовой, страшно довольный представлением, следовал за ним, как на буксире.

Мерикуру хотелось знать, как младший лейтенант Полански справится с ситуацией. Если этот малый не полный идиот, он» пригладит» ответ Мерикура. Сенатор Виндзор тем не менее получит его. Это был хорошо рассчитанный ход. Чтобы выполнять свою работу хотя бы с небольшим шансом на успех, Мерикуру нужна будет определенная доля власти и независимости. Раболепствуя перед Виндзором, этого не достигнешь.

– Сюда, сэр. – Рядовой, молодая женщина с нашивками специалиста-оружейника, кивнула на лифт. Она держала его баулы и дипломат, широкая улыбка освещала ее простоватое лицо. – Если вы не имеете ничего против моих слов... Добро пожаловать на борт, сэр.

Мерикур улыбнулся. Некоторые офицеры полагали, что любые человеческие отношения с нижними чинами быстро переходят в фамильярность, а фамильярность неизбежно ведет к презрению. Однако Мерикур смотрел дальше. Фамильярничай не фамильярничай, рядовой состав прекрасно различает плохих и хороших офицеров, и никакими штучками его не проведешь. А кроме того, как же командовать людьми, сводя все отношения с ними только к уставу?

– Спасибо, Нолте. Мне здесь нравится.

Нолте провела его в шахту лифта, поставила баул на палубу и нажала на кнопку «Б».

– Прошу прощения за то, как вас встретили, сэр. Обычно у нас на борту действует четкий распорядок, но сенатор и его свита поднялись на корабль всего полчаса назад, и у нас сейчас здесь легкая суматоха.

Платформа плавно остановилась.

– Сюда, сэр.

Мерикур следовал за Нолте по мерцающему коридору и обдумывал ее слова. Если Нолте была типичным экземпляром здешнего служаки, то настроен экипаж хорошо, что, несмотря на оказанный ему прием, говорило в пользу командира. Это женщина по имени Ямагучи, если он правильно помнил. Ясно также, что Виндзор и его свита полностью нарушили военный распорядок на борту «Бремертон». Это придется исправлять.

– Ваши флагманские апартаменты, сэр.

Мерикур переступил через порог и оказался в просторной каюте. Но как бы она ни была просторна, огромная груда багажа, сваленная в самом центре, значительно уменьшала ее размеры.

Он взглянул на Нолте. Та покачала головой и сказала:

– Это номер четыре на палубе «Б», как и сказал младший лейтенант, сэр.

Мерикур кивнул и, обогнув груду багажа, подошел к люку, который вел в смежное помещение. Едва он просунул туда голову, как увидел округлые ягодицы, гладкую спину и копну волос. Ошарашенный, он не мог вымолвить ни слова.

В то же самое мгновение женщина заметила его и встала, повернулась к нему лицом и уперлась руками в свои бедра. Ее красота поразила его, почти как ударила. Длинные каштановые волосы, спадая, обрамляли овальное лицо. Грудь у женщины были маленькие и упругие. Белая кожа, прекрасный живот, темный курчавый треугольник между длинных стройных ног...

– Генерал Мерикур, полагаю?

Он тупо кивнул.

Она кивнула в ответ, как если бы он подтвердил ее самые худшие опасения. Ее тон был спокойным, но ледяным.

– Я вижу. Офицер, но не джентльмен. Что ж, мы пока еще не состоим в браке, генерал, поэтому я предлагаю вам выйти и проинспектировать вашу собственность после, когда будем женаты!

Она ткнула пальцем в кнопку, и крышка люка захлопнулась перед самым носом Мерикура.

Униженный и разозленный, Мерикур выскочил из каюты и понесся вдоль по коридору. Завтра и эта история тоже будет известна всему кораблю.

Инстинктивно Мерикур направился на мостик. Может, там он придет в себя. Изумленные члены экипажа разбегались при виде нового командующего силами Скопления, который вышагивал по переходам и взбирался по трапам.

Когда Мерикур достиг мостика, гнев его уже немного поутих. Он был все еще на взводе и был готов излить раздражение на любого, кто даст для этого хотя бы малейший повод.

Например, на командира корабля, который – или которая – не находился там, где следовало.

На свое счастье, капитан третьего ранга Ямагучи появилась на мостике лишь на несколько секунд раньше его и знала, что настроение у Мерикура было неважное. Полански ей уже отрапортовал, как генерал поставил всех на место. Прием Мерикура на борту, или вернее, отсутствие такового, представлял собой серьезное нарушение военного этикета.

Все началось с того, что вахтенный офицер принял шаттл Мерикура за лихтер снабжения. Когда он осознал свой промах и доложил Ямагучи, было слишком поздно, Мерикур уже находился на борту. Не имело значения, что шаттл и был лихтером снабжения, который послали за генералом в самый последний момент, и что пилот, видимо, сам не понял, чем управляет – пассажирским катером или грузовым баркасом.

Это была глупая ошибка, которая, однако, могла серьезно повредить капитану – если бы Мерикур этого захотел. Фактически, если Мерикур на самом деле рассердится, он отстранит ее от командования и спишет с корабля и уберет к чертовой матери на ближайшую планету на том же самом шаттле, который его сюда и доставил.

Она могла свалить всю вину на вахтенного офицера, и так поступили бы многие командиры, но это было не в стиле Ямагучи. «Сердечный» разговор с вахтенным с глазу на глаз будет позже.

Если она еще будет тогда командовать. Она от всей души желала сенатору провалиться в преисподнюю. Видимо, он получил сообщение о приезде генерала прямо с базы и соизволил проинформировать ее, как и младшего лейтенанта, уже после того, как командующий силами Скопления прибыл на борт.

А пока она старалась исправить положение как могла:

– На мостике, смирно!

Те члены экипажа, кто стоял, вытянулись по стойке «смирно», те, кто сидел – застыли на своих местах.

Как бывший флотский офицер, Мерикур знал: на стационарной орбите опасно давать экипажу мостика команду «смирно», но он понимал, что пыталась сделать Ямагучи. Она отдавала дань тому уважению, в котором ему было отказано по прибытии на борт, и одновременно демонстрировала выучку своей команды.

Смысл был ясен, но экипаж мостика должен делать свою работу.

– Вольно. Благодарю, капитан.

Рост Ямагучи не превышал полутора метров, но это не мешало ей быть прекрасным командиром.

– Капитан третьего ранга Мэри Ямагучи, сэр. От своего имени и от имени команды корабля приношу извинения за мое отсутствие во время вашего прибытия на борт. Прикажете вызвать старшего помощника?

Мерикур улыбнулся. Ямагучи сама предлагала отстранить ее от командования. Кто-то оплошал, и она брала ответственность на себя. Он даже зауважал ее.

– В этом нет необходимости, капитан.

Мерикур заметил, как члены экипажа облегченно вздохнули. Они любили Ямагучи и стояли за нее горой. И чем дальше – тем сильнее.

– Но от чашки кофе я не откажусь.

Несмотря на все усилия казаться бесстрастной, Ямагучи обрадовалась: она встретила генерала не по уставу и осталась жива.

– Конечно, сэр. Прошу в мою подвахтенную каюту.

Как и на любом крейсере класса «Порт», подвахтенная каюта капитана находилась на корме мостика. Войдя, Мерикур заметил на стене прозрачный ящик, заполненный морскими раковинами, и остановился полюбоваться. Еще одна сторона личности Ямагучи.

– Прелестно.

– Благодарю, сэр. Мое хобби.

Она отдала распоряжения насчет кофе, а Мерикур подошел к креслу. Едва он сел, как цернианский стюард принес кофе. Как и все церниане, он был невысок, не выше Ямагучи, и кожу имел оливково-зеленую. Многие люди звали церниан троллями. Их короткие сплюснутые головы не имели шеи и, казалось, сливались с туловищем. Черты их лиц на первый взгляд казались грубыми и безобразными. Только потом человек замечал умный интеллигентный взгляд и выразительные губы. Подобно большинству церниан, стюард был одет в короткую куртку и юбку.

Припомнив рассуждения Ритт о возможном конфликте с цернианами, Мерикур сказал себе: надо выяснить, сколько их находится на борту. Он подул на кофе и сделал глоток.

– Хороший кофе.

– Благодарю вас, сэр.

Мерикур поймал себя на том, что смотрит в блестящие карие глаза капитана. Он прекрасно знал, о чем она сейчас думает. Звание Ямагучи – капитан третьего ранга – было то самое, что у него – вчера. Очевидно, она прослышала о его скачке в генералы через два звания и хотела выяснить, что же в нем такое особенное. Он не мог ответить на этот вопрос – ответа он и сам не знал. Но он мог разъяснить суть вещей.

– Давайте расчистим фарватер, капитан.

– Буду вам очень признательна, сэр.

– Мне понадобится любая помощь, какую смогу найти, чтобы выполнять те приказы, которые получу. Значит, я должен знать и настроения моих старших офицеров. Поэтому, когда мы одни, давайте отбросим всю эту чушь – «да, сэр», «нет, сэр»- и будем просто беседовать. Меня зовут Ансон.

Она широко улыбнулась:

– А мое имя – Мэри.

– Хорошо, – сказал Мерикур. – О'кей, Мэри. В каком состоянии корабль? Он может дать самый полный ход? И что гораздо важнее – он может принять бой?

Ямагучи отхлебнула из своей чашки.

– Корабль хорош настолько, насколько вообще может быть хороша любая посуда двадцатилетней давности, а что касается вашего вопроса, то он воюет лучше, чем летает. Современные корабли куда быстрее этого.

– Достаточно откровенно. Теперь о сенаторе. Он что, брызжет слюной из-за того, что я не побежал к нему на полусогнутых?

Ямагучи рассмеялась:

– Нет, слюной он не брызжет, если верить моему лейтенанту, но его глава администрации, некий тип по имени Тенли, несомненно это делает. Я думаю, что сенатора такая ситуация скорее забавляет. Как бы то ни было, вы, вероятно, отыграли у него несколько очков.

– Хорошо. – Мерикур допил кофе. – Я, пожалуй, пойду навещу его. Когда мы сходим с орбиты?

Ямагучи посмотрела на часы:

– Примерно через три стандартных часа. Сенатор спешит.

Мерикур встал:

– Ну, это можно понять. Спасибо за кофе, Мэри.

– Пожалуйста, Ансон. Заходите в любое время.

Она выговорила его имя осторожно, как будто оно было хрупким.

– И еще, Ансон...

Мерикур задержался у двери.

– Да?

– Добро пожаловать на борт.

Он кивнул и вышел. Ямагучи откинулась на спинку кресла и торжествующе подняла свою чашку:

– За комиссию флота по назначениям! Похоже, эти идиоты сделали наконец правильный выбор.

Кают-компания оказалась довольно велика – крейсера класса «Порт» были кораблями крупными – и заполнена людьми. Стоял невероятный гвалт. Гражданские разговаривали друг с другом, офицеры входили и уходили, и каждый из присутствующих выкрикивал распоряжения небольшой армии инопланетян и нижних чинов, которые и делали всю работу.

Вспомнив дипломат, который остался у Нолте, Мерикур остановил проходившего мимо чернианина и сказал:

– Простите, я оставил дипломат в своей каюте. Номер четыре на палубе «Б». Не могли бы вы его принести?

– Конечно, генерал. С удовольствием.

Чернианин хлопнул ладонями в уставном приветствии и исчез в толпе. Как раз в этот момент главный корабельный старшина заметил Мерикура, вспомнил, кто он такой, и проревел:

– На палубе – смирно!

Все, кто носил форму, вытянулись по стойке «смирно», а гражданские завертели головами – посмотреть, что это там за суета. Мерикур произнес:

– Я – генерал Мерикур. Прошу выйти вперед старшего по званию в этом помещении.

Вперед с тревогой на лице вышел капитан-лейтенант. Заметив на правом плече капитан-лейтенанта красный аксельбант, Мерикур сделал вывод, что перед ним находится один из военных адъютантов Виндзора. И ставший им совсем недавно – судя по его явному смущению. Мерикуру он понравился.

– Думаю, я здесь старший, сэр.

– Превосходно. Ваше имя?

– Москоун, сэр.

– Благодарю, капитан-лейтенант Москоун.

Мерикур повернулся к умолкнувшей толпе.

– С этой минуты вы все будете обращаться со своими вопросами к капитан-лейтенанту Москоуну. Будете делать это в порядке очереди. Он разберется с вашими просьбами и определит, кто будет их выполнять. Прошу помнить, что это боевой корабль, а не круизный лайнер. Хотя экипаж приложит все старания, чтобы обеспечить вам достаточный комфорт, воинский долг может в любой момент заставить его вернуться на свои места. Если такое произойдет, прошу отнестись к этому с пониманием. А сейчас я вижу, что бар кают-компаний открыт. У кого нет неотложных дел, приглашаю выпить за мой счет. Благодарю за внимание.

Толпа разделилась. Одни направились к бару, другие выстроились в очередь к Москоуну. Позади себя Мерикур услышал голос:

– Генерал Мерикур?

– Да? – Повернувшись, он увидел стоящего рядом человека в ливрее – облегающей тунике с высоким стоячим воротником. У человека были маленькие бегающие глазки, крупный нос, а лоб, казалось, с детства покрылся морщинами. На правом виске пульсировала вена. Прежде чем человек собрался что-то сказать, Мерикур его опередил:

– Глава администрации Тенли, не так ли?

«Он набит электроникой под завязку, – подал голос ПИР Мерикура. – Гражданка Ритт – мелкий фразер по сравнению с ним».

Тенли был удивлен и разочарован:

– Все правильно, генерал, я...

– Вы хотели бы представить меня сенатору. Показывайте дорогу.

Тенли раздраженно повел его через кают-компанию, и толпа расступалась перед ними. Сенатора Мерикур увидел издалека. В этом человеке было нечто особенное, что всегда выделяло таких людей.

Сенатор в полной мере обладал этой трудно поддающейся описанию харизмой. Кроме того, он был привлекательным мужчиной: густые черные волосы, быстрые карие глаза, великолепные зубы. Если Виндзор и имел какой-нибудь недостаток, так это ястребиный нос. Но даже это работало на образ сенатора и придавало ему слегка хищный вид. Когда Мерикур приблизился, Виндзор встал и, проигнорировав Тенли, протянул руку.

Вынужденный отойти в сторону, глава администрации сердито сверкнул глазами.

– Сенатор Виндзор, разрешите представиться: генерал Мерикур. Для меня большая честь служить под вашим командованием, сэр.

Сенатор крепко пожал его руку и кивнул на противоположный конец кают-компания, где капитан-лейтенант Москоун вполне успешно справлялся с ситуацией.

– Вы умеете разговаривать с людьми, генерал. Вам следует попробовать себя в политике.

– А я слышал, что вы умеете добиваться выполнения поставленных задач, сенатор. Армии необходимы такие офицеры.

Виндзор засмеялся:

– Один – один, ничья. Присаживайтесь, генерал. Нам с вами нужно многое обсудить.

Мерикур сел за стол, который в нормальные времена был обычным обеденным столом, а сейчас служил и письменным столом для Виндзора, и столом для совещаний его штата. Виндзор указал на поднос с закусками.

Мерикур отрицательно покачал головой:

– Спасибо, сенатор, я только что выпил кофе с капитаном Ямагучи.

– Ах да. Солдат должен прежде всего следить за своим оружием.

Виндзор улыбнулся, но Мерикур намек уловил. Виндзор поставил вопрос о субординации, кому Мерикур должен докладывать и с кем должен встречаться в первую очередь, а затем сменил гнев на милость, как бы говоря: «На этот раз я вас прощаю, но советую в дальнейшем черту не переступать».

Мерикур решил сразу расставить точки над «i»:

– Могу я говорить откровенно, сэр?

– Я искренне желаю этого, генерал. Добрые деловые отношения крайне необходимы для нашего успеха. Что у вас на уме?

– Я вот что хотел сказать, сенатор... Или мне следует называть вас губернатором?

– Я принесу присягу в качестве губернатора, когда мы достигнем Скопления Гармония.

– Тогда я буду пока придерживаться обращения «сенатор». В идеале наши с вами отношения должны быть простыми и понятными: вы отдаете приказы, а я их выполняю. И я хочу надеяться, что так оно и будет. Но должен вас предупредить, что при определенных обстоятельствах мне приказано действовать по собственной инициативе.

Сенатор задумчиво кивнул:

– И что же это за обстоятельства?

Мерикур широко улыбнулся:

– Вот это-то и поставило меня в полнейшее недоумение, сэр. Я должен следить, чтобы вы не зашли «слишком далеко». Но что это значит, эти ублюдки не сказали.

Сенатор откинул голову и захохотал:

– То есть, если вы правы, вам дадут медаль. А если вы ошиблись, то с вас спустят шкуру. Ей-богу, генерал, у нас с вами много общего.

Мерикур улыбнулся. Сенатор сейчас походил на сделанный по заказу пистолет, изукрашенный гравировкой и весь позолоченный, но от этого не менее смертоносный. Мерикуру сенатор понравился.

– Похоже на то, сэр.

Виндзор хлопнул его по плечу.

– Давайте с вами договоримся. Если вы почувствуете, что меня понесло не туда, куда надо, вы мне скажете об этом. Ну а если мы не сможем найти общий язык и не сумеем все наладить... Вы поступите, как сочтете нужным. Вас устраивает?

– Вполне, сэр, – ответил Мерикур, однако про себя сделал некоторые оговорки.

– Хорошо. О чем еще вы бы хотели поговорить со мной?

– Мне сказали, что существует возможность конфликта с цернианами.

– Извините. – Это был слуга-цернианин с атташе-кейсом Мерикура. – Ваш портфель, сэр.

– Ага, насчет этого давайте спросим у эксперта. Генерал Мерикур, разрешите представить моего ближайшего советника, Эйтора Сенду.

Мерикур почувствовал, что краснеет. Он послал ближайшего советника сенатора Виндзора за своим дипломатом! Он открыл было рот, но внезапно осознал, что не знает уважительной формы обращения к инопланетянам вообще и к цернианам в частности. Насколько он знал, у церниан не было воинских званий, и советник не являлся просто «гражданином»... Так кто же он такой?

Сенда улыбнулся и ответил на незаданный вопрос:

– Мой народ не пользуется титулами так, как это принято у людей, генерал. Прошу вас, зовите меня Эйтором.

Мерикур не заметил в речи инопланетянина какого-либо гнева или негодования по поводу его оплошности. Тем не менее он извинился перед ним.

– Не думайте об этом, – весело ответил цернианин. – Я привык к таким ошибкам еще на Земле. Вы, генералы, тоже похожи друг на друга как две капли воды.

Мерикур засмеялся и почувствовал себя немного лучше. К ним подошел еще один цернианин и подал Сенде какое-то металлическое приспособление странной формы. Сенда оперся на него, и Мерикур понял, что приспособление было чем-то вроде стула.

Заметив любопытство Мерикура, Сенда произнес:

– На Церне мы используем человеческую мебель в камерах пыток.

Вокруг засмеялись, и Виндзор сказал:

– Кстати, насчет Церны... Почему бы вам не дать генералу ее краткое описание? Уверен, так он уснет быстрее.

«В моих файлах есть самые последние данные разведки, – неПРОШЕННО вмешался ПИР Мерикура, – но вряд ли они принесут много пользы, если ты не соизволишь их прочитать».

– Что ж, – задумчиво произнес инопланетянин, – мы, церниане, являемся только частью очень сложной проблемы, в центре которой стоит Хайкен Мару.

Подобно большинству флотских офицеров, Мерикур был в определенной степени знаком с конгломератом Хайкен Мару. Конгломерат начинал с простой судоходной линии, но постепенно его мощь росла, так что с течением времени, он разросся в гиганта, контролирующего целые звездные системы, а его политическое влияние простиралось глубоко в Сенат. Несмотря на веские доказательства, что конгломерат был вовлечен в контрабандные операции и незаконную торговлю с пиратами, корабли военного флота постоянно получали приказы «не беспокоить без нужды» транспорты Хайкен Мару.

– Подобно многим другим конгломератам, Хайкен Мару имеет собственные силы безопасности, – продолжал Сенда.

– Что далеко не безразлично Скоплению Гармония, – добавил Виндзор.

– Да, – терпеливо согласился Сенда. – Хайкен Мару занимает довольно сильные позиции в Скоплении Гармония, и поскольку там широко используют инопланетную рабочую силу, то, вероятно, будут и противодействия реформам сенатора. Планета Теллер, специализирующаяся на добыче руды, может служить примером. Насколько мы знаем, рабочие там протестуют против ужасных условий труда и жизни. Они там ведут нечто вроде партизанской войны.

– Тут-то и появляются церниане, – с готовностью добавил Виндзор.

Инопланетянин бросил на Виндзора взгляд, который можно было бы расценить как

выражение досады, хотя Мерикур не так хорошо разбирался в выражениях цернианских лиц, чтобы уверенно делать выводы.

– Да, тут появляемся мы, церниане. Рабочая сила Теллера состоит частично из церниан.

– Поэтому вооруженные силы Церны и могут вмешаться?

Сенда закрыл и открыл оба глаза – цернианский эквивалент пожимания плечами.

– Может быть. Как и люди, разные церниане имеют разные мнения. Я надеюсь, мы получим больше оперативной информации, когда достигнем Скопления.

– И что вовсе не означает, что у нас не будет других проблем, – бодро добавил Виндзор. – Пираты, неурожай, эпидемии и прочее.

– Я просто дрожу от нетерпения, – сухо ответил Мерикур.

– Однако, – с улыбкой добавил Виндзор, – есть кое-что, о чем нам следует побеспокоиться прямо сейчас.

– И что же это?

– Ну как же! Я хочу, чтобы вы обвенчались с моей племянницей до того, как мы сойдем с орбиты.

«3»

Свадьба представляла собой короткое и гнетущее мероприятие. Бетани Виндзор была красива, но глаза ее покраснели от слез.

Мерикур стоял мрачный и угрюмый и кратко отвечал на вопросы капитана Ямагучи. Он покраснел от смущения, когда ему предложили надеть кольцо на тонкий палец невесты.

Даже с кольцом, которое предоставил Тенли, были проблемы, и Бетани сняла его, как только закончилась церемония.

Сенатор Виндзор тем не менее излучал энтузиазм, кивал в такт традиционному тексту, который зачитывала Ямагучи, и похлопал Сенду по спине, когда все закончилось.

– Превосходно, просто превосходно! Ну, ладно, вы, двое! Марш в свою каюту – я уверен, вам есть чем заняться! – выразительно подмигнул он Мерикуру.

Пытаясь сохранить подобие достоинства, Мерикур проигнорировал подмигивание сенатора и подал руку своей молодой жене. К его громадному облегчению, она ее взяла. Они шли в молчании до того самого момента, пока люк их каюты с шипением не закрылся за ними.

Бетани пересекла каюту и остановилась лицом к переборке. Она опустила голову, ее голос дрожал от едва сдерживаемых слез.

– Генерал, я хочу извиниться за свое поведение. Это было непростительно. Если бы я хотела остаться одна, мне следовало закрыть люк. Вы принимаете мои извинения?

Она выглядела такой несчастной, такой подавленной, что Мерикуру захотелось ее утешить. Но все, на что он оказался способен, это выдать из себя несколько неловких фраз.

– Конечно. Я могу себе представить, что вы чувствуете, я...

– Можете представить? – Она стремительно обернулась. – Вы можете представить, каково это, когда некто вроде Тенли появляется в твоём доме и говорит, что твой брак аннулирован? Что муж, которого ты любишь, получил назначение на другое место службы на краю Скопления? Что брат твоего отца отдаёт тебя какому-то генералу в обмен за оказанные услуги? Можете ли вы на самом деле представить себе, на что это похоже? Нет? Я вам вот что скажу, генерал Мерикур: это так больно, что я предпочла бы умереть.

Некоторое время они не двигались – она в истерике от горя, а у него пропал дар речи от ощущения полной несправедливости всего произошедшего. Она была замужем? За другим офицером? Почему Виндзор ему ничего не сказал?

Потому что Виндзор не считал это важным. В конце концов, что такое личные желания двоих или троих людей по сравнению с будущим всей человеческой расы? Сенатор так хорошо видел далекие перспективы, что он был слеп ко всему остальному.

Но ей не стоило винить и Ансона Мерикура. Он хотел этой свадьбы не больше, чем

она. Он женился на ней по долгу службы, под угрозой – черт возьми, так же, как и она вышла за него. И уж ей-то не обязательно вести себя так, будто он какое-то животное, собирающееся насильно затащить ее к себе в постель.

Мерикур расправил плечи и откашлялся.

– Извините меня. Будьте уверены, я не собираюсь... воспользоваться своими правами. Давайте-ка я буду спать здесь, а вы – в спальном отсеке каюты. Считайте нас обоих товарищами по несчастью. Если я чем-нибудь смогу вам помочь и облегчить ваше путешествие, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. А теперь, если не возражаете, я займусь работой.

– Нет, – произнесла Бетани, разглядывая свои ногти. – Есть еще одно дело, касающееся нас обоих.

– Простите, не понял, – сказал Мерикур. Он уже сделал шаг к люку, но остановился и повернулся к ней.

Она провела пальцем по сенсорной застежке под левой рукой и, потянув за подол, сняла платье через голову.

– Мы должны завершить свадьбу как положено. – Ее голос был слегка заглушен тканью.

– Это абсурд! – взорвался Мерикур. Он машинально оглянулся, чтобы удостовериться, что люк заперт.

Под платьем Бетани носила тончайшее облегающее трико, настолько прозрачное, что только легкий блеск позволил Мерикуру отличить его от покрытой загаром обнаженной кожи своей жены. Грудь Бетани были такими упругими, что не нуждались ни в малейшей поддержке...

– Абсурд, генерал? – холодно спросила она, швырнула платье в угол, запустила пальцы под резинку трико и сделала глубокий вдох. – Что может быть более абсурдным, чем позволить моей... назовем это моей жизнью, – она сердито глянула на него – в первый раз, – да, скажем так: моей жизни оказаться разрушенной политическим браком. И не принести этим никакой пользы только потому, что я не захотела его узаконить.

Сверкая глазами, она медленно спустила трико и поочередно высвободила свои красивые ноги.

– Вот это действительно будет абсурдом, не правда ли?

Мерикур закусил нижнюю губу.

– Э-э-э... никому до этого нет никакого...

И остановился. Конечно, они узнают, Кона Татцу и их политические руководители. Они с Бетани могут, конечно, лежать рядом, как два полена...

Нет. Существовали способы...

– О, ну же, генерал, – произнесла она. Ее лицо ничего не выражало: даже если Бетани и обуревали какие-то чувства, она сумела это скрыть. – Не обязательно тратить на это много времени. Или вы...

Тут глаза Бетани расширились в неподдельном ужасе.

– Если только вы не... О нет, они бы не выдали меня за мужчину, который...

– Ничего подобного! – с отвращением сказал Мерикур. Он разозлился, рывком расстегнул пояс форменных брюк и только мгновением позже осознал, что сначала стоит снять ботинки. «Чертova баба!»

На полпути следовавшего за этим процесса Мерикур стал подозревать, что его жена больше не думает только о нуждах Пакта.

Ко времени завершения процесса он уже сожалел, что, кроме одного этого раза, данная обязанность от него больше требоваться не будет.

После свадьбы Мерикур с головой погрузился в работу. Ее оказалось достаточно, чтобы Мерикур был под завязку занят все время – от момента схода корабля с орбиты и до прибытия в Скопление Гармония.

Прежде всего ему надо было просмотреть последние записи его ПИРа, то есть

внимательно, строка за строкой, изучить все полученные им официальные приказы и прочесть множество справок и докладов разведки, касающихся Скопления Гармония. Поскольку других способов передачи данных, кроме доставки на кораблях, не существовало, то, скорее всего, имеющиеся материалы уже устарели. Но они помогали ему создать базу, на основе которой можно будет судить о более свежей информации, когда она станет доступной.

Часть времени Мерикур посвятил тренировкам по военной стратегии – в компьютерном классе. Он уже давным-давно окончил офицерское училище, но там больше занимались тактикой, чем стратегией.

Генералам же по уставу полагается мыслить стратегически, а не тактически.

Этого многие старшие офицеры так и не усвоили, отсюда и результат: бедственное положение войск под их командованием и успехи неприятеля.

Мерикур сформировал элитный отряд телохранителей для Виндзора и старших чиновников его администрации. Это произошло почти случайно, а толчком послужило желание получше узнать церниан. «Познай своего врага», – гласит древняя боевая заповедь, и это верно. Именно так и подумал Мерикур и решил пригласить Сенду потренироваться в корабельный спортзал. Когда Сенда пришел, Мерикур был уже там.

– Привет, Эйтор. Как дела?

– Прекрасно, генерал. Спасибо за приглашение.

– Скажите, Эйтор, вы владеете боевыми искусствами?

– Да, – ответил Сенда, повернулся всем телом и оглядел зал. – Почему мы встречаемся именно здесь?

Мерикур улыбнулся. Он был одет в камуфляжную форму морских пехотинцев.

– Потому что если мы будем драться в кают-компании, то учиним там погром.

Улыбка Сенды немного сбивала Мерикура с толку, потому что уголки его рта опускались вниз, а не поднимались вверх.

– Драться? А зачем нам драться, генерал? Разве мы уже не союзники?

– Конечно, мы союзники, Эйтор, и это одна из причин, по которой мы должны драться. Попробовать друг с другом врукопашную. Как можем мы сражаться бок о бок, не зная сильных и слабых сторон напарника? И, по вашему собственному признанию, не все церниане разделяют вашу веру в Пакт. Может быть, сейчас вы научите меня таким вещам, которые потом помогут мне драться с этими цернианами.

– Что ж, неплохая идея.

Сказав это, цернианин снял куртку и обнажил свой мощный торс и тугие мускулы. Глядя на них, Мерикур подумал, что сделал серьезную ошибку, но идти на попятную было поздно.

– Мы возьмем оружие или будем драться голыми руками?

– Думаю, голых рук будет вполне достаточно, Эйтор. Не знаю, как вы, а я хотел бы остаться в живых после нашей встречи.

– Я тоже этого хочу, генерал. Прошу вас, начинайте.

– Какие-либо правила или ограничения?

– А разве на войне бывают правила?

– Я таких не знаю.

– Тогда – вперед!

С этими словами Сенда ринулся в атаку.

Мерикур полагал, что хоть физически инопланетянин и сильнее, у него, человека, будет преимущество в дистанции – и рост выше, и подвижность больше. Но он ошибся. Присев на мощных ногах, Сенда сделал сальто вперед и приземлился всего в нескольких сантиметрах от изумленного Мерикура. Инопланетянин рывком вытянул руки и чуть развел их в стороны. Потом он свел их вместе, и у Мерикура появилось ощущение, что ему дали по голове кувалдой.

Если бы Сенда вложил в удар всю силу, Мерикур был бы мертв. Он упал на колени,

голова гудела, как колокол. Мерикур скорее угадал, чем увидел, как инопланетянин сложил руки в замок и занес их над его головой. Мерикур боднул Сенду головой в живот. Цернианин хрюкнул и упал на спину. Мерикур встал и попытался воспользоваться своим преимуществом, но головокружение было слишком сильным, чтобы он смог двигаться. Чтобы дать себе передышку, он был вынужден ожидать следующей атаки. Долго ждать ему не пришлось.

Лишь на мгновение оглушенный, в следующую секунду цернианин был уже на ногах и двигался так быстро, что уследить за ним было просто невозможно. Он напал на Мерикура и обхватил его руками и ногами. Тому все-таки удалось высвободить ногу, и он ударил Сенду в пах. Когда колено Мерикура соприкоснулось с гениталиями Сенды, они внезапно втянулись в тело инопланетянина. Несколько мгновений Мерикур молотил коленом по пустому месту. Перед глазами у него плыла розовая пелена.

Беспомощно задыхаясь, он расслабился, и воздух ушел из его грудной клетки, крепко сжатой в объятиях Сенды. Задыхающийся Мерикур понял, что не способен даже просигнализировать, что сдается. Какого черта, решил он и впился зубами в мясистое ухо цернианина.

Завопив от боли, Сенда поджал ноги, уперся ими в живот Мерикура и мощным толчком отбросил человека к ближайшей переборке. Мерикур с громким стуком ударился о нее и соскользнул на пол.

Некоторое время оба сидели неподвижно. Сенда держался за ухо, а Мерикур, заново освоив искусство дыхания, пытался понять, что же у него болит сильнее – голова или живот. Затем уголки рта Сенды опустились вниз в его характерной усмешке.

– Итак, представитель расы людей, чему вы научились?

Мерикур секунду подумал:

– Никогда не пытайся врезать цернианину по яйцам.

Некоторое время человек и инопланетянин молчали, изредка усмехаясь и покачивая головами. Потом оба расхохотались, хлопнули друг друга по плечам и, кое-как встав на ноги, отправились за медицинской помощью и за хорошей, крепкой выпивкой.

Позже, как следует поразмыслив, Мерикур решил, что в схватке он получил важный урок. Он научился уважать силу коренастых цернианских тел и, что более важно, цернианский разум.

Итак, подумал он, что может быть лучше в деле воспитания расового равенства, чем объединенные военные отряды? Конечно, создать их за один день нельзя, особенно если вспомнить, что у него под рукой вообще не было такого цернианского отряда, с которым можно было бы иметь дело. Однако путь к подобному начинанию все же существовал. Этот путь и привел к возникновению «губернаторской сотни».

Мерикур поспрашивал кое-кого и узнал, что на борту корабля есть небольшой отряд морской пехоты, который находится в полном его распоряжении.

Ого-го! Ничто не может сравниться с властью, которую дает высший ранг! Если бы ту же идею предложил какой-нибудь младший офицер, то его осадили бы с самого начала.

Теперь, когда Мерикур добыл необходимых ему морских пехотинцев, он нуждался в цернианах, готовых воспринять его идею. Он подошел к Эйтору Сенде и объяснил задачу. Инопланетянин с энтузиазмом откликнулся. Так как проводимая сенатором спорная политика многим не нравилась, Виндзору понадобятся телохранители. И есть ли у него лучший способ продемонстрировать приверженность к полному равенству? Доверив инопланетянам свою драгоценную жизнь, сенатор покажет, что твердо придерживается собственных принципов, а также прибавит скандальной славы своей и без того сомнительной репутации. И то и другое очень много значит для любого политика.

Виндзор тоже пришел в восторг от предложения Мерикура и обещал свою поддержку. Он просто обожал очевидные политические выгоды. Кроме того, ему понравилась инициативность Мерикура – впрочем, и его приверженность делу межрасового равенства тоже. Когда Мерикур вышел из кают-компании, Виндзор повернулся к Сенде и сказал:

– Думаю, нам повезло с генералом. Он, кажется, способен мыслить, а не только отдавать команды.

С помощью офицеров Мерикур отобрал пятнадцать из сорока морских пехотинцев, составлявших десантную группу крейсера. В свою очередь, Сенда нашел такое же количество церниан. Как оказалось, большинство церниан из «обслуги» проходили службу в вооруженных силах Церны и уволились, когда срок их контрактов закончился. Они вовсе не стремились опять надеть военную форму, но соблазнились повышенным жалованьем и обещанием, что с ними будут обращаться как с равными. И пятнадцать добровольцев нашлись.

Мерикур подумал, что, когда они придут в Скопление Гармония, церниан надо будет набрать побольше. Под видом поиска новых рекрутов он сможет проверить множество церниан на предмет выявления шпионов и саботажников.

В конце концов то, чего Виндзор и Сенда не знают, не может им повредить. Но может убить.

Равенство – это одно, глупость – совсем другое, размышлял Мерикур. Любопытно, что так много цернианских ветеранов решили связать свою судьбу с Пактом. Принимая во внимание их статус здесь, жизнь на Церне, видимо, легкой не назовешь.

Когда в первый день совместных тренировок Мерикур вошел в спортзал, он сразу заметил, что, за исключением двоих, все добровольцы придерживались каждый своей расовой группы. Увидев его, те двое, морской пехотинец и цернианин, прервали свой разговор и отошли друг от друга.

На какой-то миг Мерикур подумал, что стоит произнести речь. Он мог бы сказать, что охрана – это объединенный отряд, что люди и церниане равны между собой, что они должны работать рука об руку. Однако он быстро отказался от своего намерения, осознав, что его речь сейчас будет пустым сотрясанием воздуха. Все, кто здесь был, должны это сами сообразить, как раньше это сделал он. Поэтому он отдал команды «построиться» и «смирно» (такой подход понятен военным любой расы) и указал на тех двоих, которые разговаривали друг с другом.

– Ты и ты! Выйти на середину!

Оба добровольца вздохнули (впрочем, почти незаметно), вышли из строя и промаршировали к центру зала. В чем они таком виноваты? Оба вытянулись по стойке «смирно» перед Мерикуром, и цернианский сверхсрочник сделал это так же четко, как и морской пехотинец.

Цернианская версия стойки «смирно» была почти подобна принятой в морской пехоте. Отличалась же она тем, что цернианин скрестил руки на груди. Позже Мерикур узнал, что такое положение рук зависело от принятого в армии Церны размещения военного снаряжения: скрещенные руки обеспечивали быстрый доступ к оружию и символизировали личную готовность.

– Кругом!

Повернувшись через левое плечо, оба встали лицом к строю.

– Фамилии!

Цернианин отозвался первым:

– Меня зовут Вико Кедор, отче!

Мерикур уже знал из бесед с Сендой, что в старину цернианские отряды были организованы по кланово-семейному признаку. И хотя такой принцип военной организации давно уже не практиковался, в армии остались обращения к старшему по званию «отче» и «мать», в зависимости от пола, и означали они «командир».

Морской пехотинец эхом отозвался:

– Мое имя Мануэль Костас, сэр!

Мерикур кивнул и повернулся к отряду.

– А теперь слушайте меня. Вы только что познакомились со своими офицерами. У кого-нибудь есть монета?

– Вот, – Костас порылся в кармане, выудил монету и бросил ее Мерикуру.

– Спасибо. Орел – Костас, решка – Кедор.

Мерикур подбросил монету.

– Решка. Вико Кедор назначается капитаном элитной гвардии. Мануэль Костас – ее лейтенант. Если они окажутся достойны своих новых званий и сохранят их и дальше, эти два офицера представят рекомендации к повышению в звании и некоторым из вас. Те, с чьими кандидатурами я соглашусь, станут сержантами. А сейчас капитан Кедор и лейтенант Костас могут назначить исполняющих обязанности сержантов. Вы все будете повиноваться их приказам в соответствии с уставом вооруженных сил Пакта. Вы сможете получить копии требуемых инструкций и выдержки из устава. Я рекомендую прочитать их тем, кто этого еще не сделал.

Мерикур сделал рассчитанную паузу.

– Вы являетесь элитным подразделением. Вам доверены жизни губернатора и его администрации. За отличное выполнение своих обязанностей вы будете представлены к наградам. Если подведете, вас накажут. Если вы подведете из-за лени, нечестности или из-за наркотиков, то вы пожалеете, что вообще появились на свет. Все ясно?

В ответ донеслось жидкое: «Да, сэр!»

– Не слышу!

На этот раз по-прежнему нестройный отклик «так точно, сэр» и «да, отче» был гораздо громче.

– Так-то лучше. Теперь разбиться по парам – один человек к одному цернианину.

На секунду обе группы оцепенело смотрели друг на друга, удивленные приказом Мерикура и неуверенные, что делать дальше. Затем, немного поколебавшись, Кедор и Костас взяли дело в свои руки. Голос Кедора напоминал рев нугианского болотного буйвола, и он хорошо умел им пользоваться.

– Слушай мою команду! Вы все слышали отче Мерикура! Живо, по парам! Один тролль к одному гувоту!

Позже оказалось, что слово «гувот» приблизительно означает «куча дерьма на ходулях». Так между собой церниане называли людей.

На мгновение воцарилась полная тишина, пока представители обеих рас усваивали слова Кедора и размышляли, как им поступить. Затем один из морских пехотинцев расхохотался, какой-то цернианин издал странный кашляющий звук, и весь отряд присоединился к ним.

Мерикур перевел дыхание. Рискованная игра Кедора себя оправдала. Но она могла вызвать и совсем другую реакцию.

Когда все разбились по парам, Мерикур вновь заговорил:

– Важно, чтобы вы узнали друг друга. Поэтому проведем небольшое ознакомительное занятие. Смысл упражнения – одолеть своего противника. Правило только одно: если твой напарник окажется в лазарете, ты сам отсидишь в карцере, пока его не выпишут. Ваша цель – подчинить себе противника, а не убить его. Понятно?

– Так точно, сэр!

Мерикур обратил внимание, что на это раз и церниане использовали ответ, принятый среди людей.

– Хорошо. Начинайте.

Поначалу они двигались настороженно, выжидая, что предпримет противник, и надеясь использовать свое преимущество. Первым атаковал цернианин. Он нырнул вперед и сделал тот же самый кувырок, какой использовал против Мерикура Сенда. Мгновение спустя другой цернианин повторил прием, и вскоре все в спортзале перемешалось: тела, стоны боли и победные крики.

Мерикур подметил определенную закономерность. Церниане действовали довольно агрессивно, своими движениями напоминая гимнастов. Люди на первых порах защищались, применяя самые разнообразные приемы и стили, от боевых искусств до уличной потасовки.

Освоившись с манерой черниан, люди переходили в контратаку.

Когда атмосфера в зале стала накаляться, Мерикур дунул в свисток.

– Хорошо. Этого достаточно. Построиться в алфавитном порядке.

Пока солдаты строились, Мерикур обратил внимание, что некоторым из них досталось как следует, но серьезно раненных не было. В большинстве своем ущерб сводился к синякам, шишкам и ущемлению людской гордости. Некоторые солдаты обеих рас нетвердо держались на ногах, но, если он пошлет их в лазарет сейчас, ему придется посадить их партнеров в карцер. Лучше подождать и дать им возможность пойти в лазарет самим – или пусть лечат травмы сами, без медицинской помощи. Но это будет уже собственный выбор, который покажет отношение к своему партнеру.

Когда все построились, Мерикур шагнул вперед. Он обвел солдат стальным (во всяком случае, так он надеялся) взглядом.

– А теперь слушайте внимательно. Вы дрались друг с другом в первый и последний раз. Дальше это будут уже специально подобранные упражнения. Я надеюсь, вы поняли смысл этого единоборства. Вы входите в объединенный отряд. С вами будут обращаться, как с равными, и вы заслужите уважение друг друга. Кто возражает, шаг вперед. Он будет отчислен безо всякого взыскания. Кто останется, будьте готовы драться и умирать плечом к плечу.

Никто не двинулся с места. Мерикур улыбнулся:

– Добро пожаловать в «губернаторскую сотню»!

Когда Мерикур передавал «сотню» Кедору и Костасу для дальнейших тренировок, Бетани Виндзор наблюдала за ним с беговой дорожки, расположенной на втором ярусе спортзала. Обычно Бетани пробегала по пять миль в день, хотя и считала круговую дорожку невероятно скучной.

Она смотрела на Мерикура с почти болезненным восхищением. Он в конце концов был ее мужем и представлял собой силу, с которой приходилось считаться. Кем он был, этот человек с серьезными глазами и совершенно седой головой? Она обратила внимание на то, как он сумел завладеть вниманием отряда, отметила очевидный ум, светившийся в его глазах... спокойную силу его тела.

Она остановила себя. Нет, черт побери, нет! Как она могла?

Издав легкий взглас, в котором слышались боль и страдание, Бетани бросилась прочь и не останавливалась, пока не добежала до спального отсека своей каюты и не заперла за собой люк.

Нола Ранкоу сидела на веранде своей виллы и смотрела на ту часть собственности, которая открывалась ее взору. Если верить бумагам, ей принадлежало больше сотни квадратных миль превосходных сельскохозяйственных угодий. На самом же деле собственности у нее было гораздо больше, включая и огромные земельные наделы на Августине, столичной планете Скопления Гармония, да и значительная часть самого Скопления также принадлежала ей. Не напрямую, конечно – кроме нее Скоплением владела компания – а косвенно, поскольку она, Нола Ранкоу, являлась третьей по значимости фигурой в конгломерате Хайкен Мару.

Открывавшийся ее взору вид был действительно прекрасен. Пурпурные ряды кустов винной ягоды начинались прямо от веранды и уходили вдаль насколько хватало глаз. Аромат их цветов окутывал все вокруг.

Стояло ее любимое время дня, когда вечерние лучи мягко освещают землю, а солнце вот-вот скроется за горизонтом. Это время прекрасно подходило для умиротворенного созерцания. Ранкоу улыбнулась и пригубила вино из высокого бокала. Ей было от чего чувствовать себя счастливой.

По большей части, бизнес ее шел прекрасно. Ей следовало благодарить за это Виктора Трента – губернатора, уходящего в отставку. Заинтересованный только в спокойном окончании срока своего губернаторства и в скорейшем возвращении на Землю, Трент вел себя очень тихо, особенно когда это приносило ему личную выгоду. В результате Ранкоу не

имела никаких преград в своей погоне за прибылью.

Да, дела действительно шли прекрасно – пожалуй, планета Теллер тут единственное исключение. Постоянным источником напряженности на этой планете были рабочие, как церниане, так и люди. Ранкоу просила Трента послать туда морскую пехоту, но он отказался, сославшись на то, что ждет прибытия нового губернатора. Это конечно же полная чепуха, но именно здесь старый козел совершенно не хотел уступать. Несомненно, он опасается заработать плохой отзыв о своем губернаторстве.

Новый губернатор, как представлялось Ранкоу, мог стать источником беспокойства. Поговаривали, что он пылкий либерал и постоянно несет всякий вздор насчет предоставления инопланетянам полного равенства как единственного способа сохранения Пакта.

Новый губернатор может встать на сторону тех инопланетян, которых она пыталась покорить. И еще этот генерал... как там его... да, Мерикур. На чью сторону он встанет?

Миниатюрное записывающее устройство прибыло несколько часов назад на борту быстроходного курьерского корабля. Хотя Ранкоу уже дважды прослушала запись, она еще раз взяла устройство и слегка его сдавила. Послышался голос: «Если теория сенатора Виндзора о предоставлении полного равенства инопланетянам сработает в Скоплении Гармония, то, возможно, за ним последует весь Сенат».

Ранкоу нахмурилась и выключила запись. Любые перемены обычно означают дополнительную прибыль. Но этот Виндзор – радикал, да еще, судя по отзывам, вполне компетентный. Такая комбинация будет крайне плачевна для бизнеса.

Она услышала чьи-то мягкие шаги.

– Да?

Голос Коды звучал хрипло и степенно:

– Пора.

Мощное тело Коды сплошь состояло из тугих мышц. Кроме плавков и сандалий, на Коде ничего не было.

Ранкоу кивнула, допила свое вино и встала. Она была на голову выше Коды. Благодаря генной инженерии, без которой не выжить на их родной планете, по мощи мускулатуры она ему не уступала. У нее были широкие плечи, высокие твердые груди, узкая талия и сильные длинные ноги. Как и Кода, она родилась на планете с высокой гравитацией, которая называлась Свинец. Там требовалась недюжинная сила просто для того, чтобы встать со стула и сделать шаг. Поэтому на Августине с ее более слабой гравитацией и Ранкоу, и Кода казались суперлюдьми и беззастенчиво этим пользовались.

Подобно Коде, Ранкоу была одета только в узкие плавки и сандалии. Она с удовольствием заметила его голодный взгляд. Как всегда, она заставляла его ждать. Это только повышало его сексуальную активность.

– Я готова.

Кода кивнул, и они спустились по короткой лестнице, прошли вдоль стены виллы и направились к загону для скота. Приблизившись к воротам, Ранкоу увидела внутри загона четырех головорогов. Вес быков доходил до полутонны, зверюги были покрыты зеленоватой броней, которая состояла из перекрывающих друг друга костяных пластин, и обладали весьма скверным характером.

Каждый был вооружен тремя рогами. Два изгибались по бокам головы, третий рос из середины лба, подобно пике. Острия рогов напоминали бритву.

Ранкоу равнодушно спросила:

– На сегодня четверо?

По правде говоря, завалить сразу четырех таких бестий было чересчур даже для нее.

Но Коде нравилось подвергать свою жену таким испытаниям. Раз за разом он все больше убеждался в ее силе и получал все больше удовлетворения от того статуса, который он занимал благодаря ей. Он передал Ноле рукавицы, сделанные из стальной кольчуги.

– У нас осталось мало мяса.

Ранкоу натянула рукавицы и молча вошла в загон. Она направилась к самому крупному головоругу, не обращая внимания на остальных. На него потребуется больше всего сил, поэтому она убьет его первым. Ее мать всегда настаивала, чтобы она лично убивала свою добычу. Твой клан ест то, что ты убьешь. Поступать по-другому значило избегать ответственности и вызывать в других людях сомнение относительно твоей физической силы.

Кое-кто считал это пережитком первобытной охотничьей этики, но Ранкоу сделала это высказывание своим девизом. Для нее бизнес был просто усложненной версией охоты: сильный убивает, слабый погибает.

Животное бросилось в атаку. Она схватила его за боковые рога и наклонилась вперед, зарывшись пятками в землю и используя всю силу своих мощных ног. Отчаянно сопротивляющийся зверь постепенно смирился. Его единственный глаз с тремя зрачками смотрел на Ранкоу с безграничной ненавистью, зловонное дыхание царапало ей горло. Мгновение они стояли неподвижно, и каждый старался одолеть другого при помощи одной грубой силы.

Кода больше всего любил именно этот момент: голая сила Нолы против грубой мощи животного. Он почувствовал, как в его чреслах нарастает возбуждение, и улыбнулся. Как обычно, она заставила его ждать, но он не возражал: результат того стоил.

Очень медленно, почти незаметно для глаза, Ранкоу повернула голову зверя и одним мощным сокращением плечевых мускулов крутанула ее на полоборота вправо. Шейные позвонки быка с глухим треском переломились, и он замертво упал к ногам женщины.

С остальными зверями дело пошло легче. И когда она схватила следующую пару рогов и свернула быку шею, Ранкоу думала о сенаторе Энтони Виндзоре.

«4»

Когда корабль наконец достиг Августины и остался на орбите, спокойное существование подошло к концу. Шаттлы прилетали и улетали, сотрудники проводили совещания, неожиданно возникали и тут же разрешались всевозможные проблемы. Виндзор окунулся в водоворот встреч, аудиенций и приемов.

То же самое происходило и с Мерикуром. Как самый старший офицер в Скоплении Гармония, он находился в центре военной политики. Каждому офицеру, ожидающему повышения или желающему занять другую должность, требовалось получить одобрение Мерикура, поэтому возле него постоянно крутились сотни людей, требующих его личного внимания. В результате он с великим трудом мог урвать минутку, чтобы сосредоточиться на настоящей работе. И хотя решение кадровых вопросов было неизбежной частью его деятельности, он не привык этим заниматься, да и не любил.

Некоторые командиры обожали внимание такого рода, греясь в лучах собственной власти и раздавая милости, как дорогие подарки. Другие же, кто делал настоящее дело, избегали его, как чумы.

В свободное от совещаний и встреч время Мерикуру удалось узнать, что под его командованием находилось тридцать кораблей с тремя тысячами членов экипажей и обслуживающим персоналом, а также полторы тысячи морских пехотинцев. За исключением двух новых корветов, остальные корабли возраст имели довольно почтенный, их построили еще задолго до эпохи расширения Пакта.

Единственный линкор Пакта мог служить хорошим примером. «Найку» было двести пятьдесят шесть лет. Несмотря на возраст, как уверял Мерикура экипаж, линкор был вполне пригоден для несения службы. Будучи слишком велик, чтобы совершать посадки на планеты, имеющие атмосферу, «Найк» удачно избежал крупных сражений. Ему периодически обновляли вооружение, а отсеки находились в лучшем состоянии, чем у многих кораблей вдвое моложе его.

К несчастью, четыре с половиной тысячи солдат и офицеров под командованием Мерикура хорошим примером как раз служить и не могли. И сам Мерикур видел это, и

отчеты флота подтверждали: вооруженные силы Пакта в Скоплении Гармония вконец разболтались и обленились. Причина была ясна. Предшественник Мерикура, контр-адмирал Джордж Стендер, был закадычным приятелем старого губернатора. Они и на Землю-то собирались лететь на одном корабле.

Как и его босс, Стендер был покладистым и вполне удовлетворялся своим положением. Неудивительно, что за время его командования боевая готовность войск неуклонно снижалась. На взгляд Мерикура, это граничило с изменой. В год под исход один-два корабля отправлялись на учения или преследовали какого-нибудь пирата, который вконец обнаглел и отваживался подойти слишком близко к главным летным коридорам. Все остальное время корабли просто летали на орбите, и теперь только на это и годились.

Для борьбы с застоєм и для искоренения политической групповщины, процветавшей вокруг Стендера, Мерикур осуществил массированную ротацию кадров. Каждый офицер, прослуживший в штабе на поверхности планеты более одного местного года, был отправлен на корабль или в другое боевое подразделение.

Те офицеры, которые получили замену, заняли вакансии в штабе Мерикура. Среди них были мужчины и женщины, которых Стендер изгнал из штаб-квартиры по политическим причинам, и были люди, которым просто нравилось воевать. Все они стали как раз теми советниками, в которых нуждался Мерикур: они знали корабли, знали личный состав и знали, как всем этим управлять. Конечно, кто-то впоследствии окажется некомпетентным, кто-то психологически не впишется в систему штаба, но таких Мерикур выявит довольно быстро и избавится от них.

Затем Мерикур стал проверять своих офицеров и искать среди них кандидата на должность начальника штаба. Ему требовался офицер, который будет заниматься внутренними административными проблемами и тыловым обеспечением войск, пока сам он сосредоточится на внешних военных и политических вопросах. Поиск подходящего человека времени занял порядочно, но после бесконечных часов чтения личных дел Мерикур наконец его нашел. Проблемой оставалось убедить капитана первого ранга Уоллеса фон Оя принять предложение. До сей поры фон Ой неоднократно демонстрировал свое глубокое отвращение к разного рода административной возне.

Вместо того чтобы вызвать его к себе в офис, Мерикур лично отправился к фон Ою. Он поступил так по двум причинам. Во-первых, ему захотелось сделать фон Ою комплимент, во-вторых, он хотел посмотреть на человека в его привычной обстановке.

Обстановка оказалась тесноватой, поскольку корабль фон Оя, М – 2022, был самым маленьким в эскадре Мерикура.

Фактически это был буксир, который крутился на орбите вокруг Августины в течение девяти местных месяцев – как раз с того самого дня, когда фон Ой напился в стельку на военном балу у Стендера и высказался в том духе, что целью вооруженных сил Пакта было драться с врагами, а не трахаться с бабами.

Капитану первого ранга космического флота Пакта фон Ою полагалось командовать по меньшей мере тяжелым крейсером, – да он им и командовал до своей злополучной выходки, – но Стендер отправил его туда, где, на взгляд любого боевого офицера, находилась флотская версия преисподней.

М – 2022 состоял из огромных двигателей и мало из чего еще. Поскольку этот корабль не предназначался для посадок в атмосфере, разного рода теплообменники, антенны, раструбы излучателей силовых полей располагались на его поверхности самым причудливым образом.

Когда стыковочный узел шаттла плотно сомкнулся со шлюзом буксира, Мерикур попытался представить себе, что же он найдет на борту. То, что у фон Оя была хорошая (на взгляд Мерикура) характеристика, вовсе не означало, что он был таким на самом деле. Капитан мог плыть по алкогольному морю... Но как только люк открылся, Мерикур понял, что беспокоился напрасно.

Фон Ой встретил его у входа на корабль, построив весь экипаж из восьми человек, и

оказал Мерикуру полный набор почестей, положенных командующему вооруженными силами Скопления. Когда стихли звуки волынки, фон Ой щегольски отдал честь:

– От имени корабля и экипажа, добро пожаловать на борт, сэр!

Роста фон Ой был среднего, имел песочного цвета волосы и светло-голубые глаза. Свежевыглаженная форма сидела на нем как влитая, а когда он улыбался, зубы сверкали белизной.

– Если не возражаете, сэр, мы накрыли на стол. Предлагаю слегка перекусить.

Следуя за фон Оем на камбуз, Мерикур заметил надраенные до блеска приборы и свежеекрашенные переборки. Какие бы чувства ни одолевали фон Оя, он не позволил себе опуститься в заточении. В его тоне и осанке жалость к самому себе не проявлялась.

Мерикуру это понравилось. У парня была сила духа.

– Вот мы и пришли, сэр. Столовая маленькая, но уютная.

Когда Мерикур и фон Ой сели за стол, остальные члены экипажа исчезли и оставили их наедине. На таком маленьком корабле кают-компания отсутствовала, а каюта капитана размерами едва превосходила чулан. Уединение было почти невозможным и, если Мерикур хоть что-то понимал в небольших кораблях, абсолютно недостижимым. Экипаж услышит каждое слово.

В центре стола стоял кофейник и несколько чашек. Мерикур налил себе кофе.

– У вас отличный порядок на борту, капитан.

Фон Ой улыбнулся в ответ.

– У меня выдающийся экипаж, сэр.

Конечно, он сказал то, что думал, но знал, что их разговор доносится до всех остальных. Фон Ой хорошо усвоил истину, которой многие офицеры не понимали: делись лаврами со своими подчиненными, и однажды они спасут твою шкуру.

Мерикур отпил кофе.

– Как вам известно, контр-адмирал Стендер через несколько дней возвращается на Землю.

Фон Ой усмехнулся:

– Огромнейшая потеря для нашего флота.

Мерикур кивнул, на лице не дрогнул ни единый мускул.

– Да. И как новый командующий вооруженными силами Скопления Гармония, я сейчас провожу кадровые перестановки. И как бы я ни желал назначить офицеров вашего опыта и способностей на каждый корабль, эту роскошь я себе позволить не могу. Поэтому я прибыл сюда предложить вам работу.

Глаза фон Оя загорелись. Может быть, он опять получит под командование свой старый крейсер? А может быть, даже «Найк»? Сейчас, когда нет Стендера, все возможно...

– Мне это нравится, сэр. Каким кораблем вы прикажете мне командовать?

Мерикур тщательно подбирал слова.

– Я хочу назначить вас моим начальником штаба.

На камбузе воцарилась долгая тишина, потому что фон Ой потерял дар речи от неожиданности.

Мерикур сделал еще один глоток кофе и улыбнулся:

– Я знаю, о чем вы думаете, капитан фон Ой. О том, насколько никчемны все эти штабные крысы и как сильно вам хочется получить под командование корабль. Как раз такой начальник штаба мне и требуется. Мне нужен офицер с живым умом, который желает расчистить весь этот бюрократический завал, а не нагромождать его еще больше. Такой офицер, который знает, что цель флота – драться, а не трахаться.

От неожиданности фон Ой поперхнулся кофе и вытер рот рукой.

– Да, вы деретесь не по правилам, сэр. Мне это нравится. Тыловая крыса докладывает, что готова приступить к своим обязанностям, сэр.

Оба улыбнулись, услышав отдаленные приветственные крики и разочарованные проклятья. Экипаж фон Оя слышал все по включенному интеркому. Они приветствовали

повышение любимого командира в должности, а их проклятья проистекали из естественного пессимизма насчет его преемника.

Когда шаттл коснулся посадочной площадки, к трапу лихо подлетел аэрокар. Водителя, сержанта морской пехоты, звали Молли Нокс.

В первый день, как только Мерикур начал службу, она подъехала к штабу на длинном черном лимузине.

– Это еще что за штуковина? – спросил тогда Мерикур.

– Ваша машина, сэр. Фактически это запасной лимузин адмирала Стендера, но он предоставил его вам, сэр.

Мерикур вежливо покивал:

– Очень любезно со стороны адмирала. Но боюсь, этот лимузин слишком уж запылится во время полевых учений. Как насчет чего-нибудь более практичного? Скажем, командирского джипа?

И она нашла такой. Джип оказался не то новый, не то просто свежевывкрашенный. Он был вооружен двумя пулеметами-пульсаторами, а на его высокой антенне развевался флаг.

Поскольку сегодня день был солнечный и теплый, сержант Нокс убрала крышу. Она вырубил двигатель аэрокара и опустилась на бетон космодрома, пока Мерикур спускался по трапу. Когда он приблизился, сержант выпрыгнула из машины и отдала честь.

Мерикур козырнул в ответ и улыбнулся:

– Отличная работа, сержант. Я чувствовал бы себя курортным пижоном, разъезжая в том лимузине.

У Нокс было круглое симпатичное лицо, а в зеленых глазах всегда сверкали озорные искорки.

– Благодарю вас, сэр. Куда едем?

Мерикур вздохнул:

– Полагаю, в штаб. Там мне предстоит разгрести порядочную кучу накопившихся бумаг.

– Слушаюсь, сэр.

Мерикур забрался на заднее сиденье, Нокс включила пропеллеры, подняла машину над землей, развернула ее на 180 градусов и плавно повела к воротам. Двое часовых взяли на караул, когда командирский джип проплыл мимо и выезжал на дорогу.

Августина была красивой планетой. Мерикур знал, что к юго-востоку от Глории, столицы, находились трущобы, но Тролль-таун отсюда не просматривался, и живописные окрестности радовали глаз.

Низкие одноэтажные виллы располагались по обеим сторонам дороги, уютно устроившись в прохладной тени садов. Тут и там хорошо одетые люди отдыхали на верандах, ожидая, когда слуги подадут обед. Жизнь была прекрасна – для класса хозяев.

Дикие необжитые места Августины находились на севере и юге, а вдоль экватора простиралась широкая полоса умеренной зоны, и это было весьма приятно. Большую часть территории занимали сельскохозяйственные угодья, особенно плантации винной ягоды, и они придавали земле ухоженный вид.

К несчастью, другие способы землепользования были весьма неприглядны. К примеру, районы, которыми владела или которые контролировала Хайкен Мару. Хотя Мерикур еще не провел достаточно времени на планете, чтобы посетить их лично, он видел много передач по головизору. Эти отвратительные кадры постоянно стояли перед его взором.

Машины размером с небольшой город медленно ползли по поверхности планеты, пожирая ее плоть ради рынков, расположенных в сотнях световых лет. Когда рудники истощались, огромные карьеры оставались зиять, словно гигантские язвы. Природе потребуются тысячи лет на исправление нанесенного ей урона.

Мерикур был прагматиком. Он понимал, что руду нужно добывать. Но он также и знал, что карьеры можно благоустроить. Хайкен Мару отказывалась это делать. Контракты этого не требовали, так зачем уменьшать прибыли ради красивого внешнего вида?

Мерикур услышал, как в ухе зажуужал зуммер. Его ПИР. «У меня послание от твоей половины».

– Я хотел бы, чтобы ты перестал ее так называть, – вполголоса произнес Мерикур. – Она является моей женой только юридически. И даже если бы наши отношения не ограничивались этими рамками, ей все равно бы не понравилось, что ее называют «моей половиной».

«Ну хорошо, хорошо. Извини за неточную формулировку».

Тем не менее Мерикур удивился. Он не разговаривал с Бетани уже много дней. Он решил, что удобнее спать в комнате отдыха позади его кабинета, чем ежедневно возвращаться в их временную квартиру. Почему-то он чувствовал себя там самозванцем.

– Что еще за послание?

«Она просит тебя пообедать с ней. С твоего позволения, я сброшу координаты и адрес в бортовой компьютер джипа».

– Давай.

Мерикур представления не имел, зачем Бетани потребовалось его присутствие за обедом. Ну да ладно, все-таки это лучше, чем «бумажная работа» в офисе.

Его недоумение возросло, когда сержант Нокс стала выполнять команды ПИРа и направила машину не в город, а в пригородную зону. Постепенно пропали из виду заводы и фабрики, расстояние между виллами увеличилось, а шоссе сузилось с четырех полос до двух.

Местность стала холмистой. Свернув на проселочную дорогу, джип начал взбираться по узкому серпантину. Сверху открывались просто поразительные виды. На западе раскинулась Глория, высотные шпили делового центра города сверкали на солнце, а пригороды плавно переходили в цветущие сады и плодородные поля ферм.

Внезапно они свернули с дороги и въехали в ворота одной из вилл. Двор виллы был вымощен брусчаткой, и там стояла какая-то гражданская машина с откидным верхом.

Нокс опустила аэрокар на брусчатку и выключила двигатель. К аэрокару подбежал слуга-человек. Несмотря на белую одежду домашней прислуги, Мерикур сразу его узнал: Кевин Мацумото, солдат элитной гвардии. Мерикур открыл было рот, но едва заметное движение головы Мацумото остановило его.

Мацумото где-то вычитал, что в старину на Земле считалось: представители восточных наций должны иметь непроницаемое выражение лица, и лез из кожи вон, чтобы не уронить честь предков.

Значит, ситуация на вилле не из простых, понял Мерикур.

– Сюда, сэр. Сержант Нокс, будьте любезны подождать немного, и вам принесут что-нибудь перекусить, – вежливо сказал Мацумото.

Нокс посмотрела на Мерикура в ожидании инструкций. Он пожал плечами.

– Я сам ничего не понимаю, сержант. Если я не вернусь через час, пройди по двору из обоих крупнокалиберных пулеметов и вызывай подкрепление. Ну а пока – приятного аппетита.

Нокс засмеялась:

– Слушаюсь, сэр.

Мерикур проследовал за Мацумото через тщательно ухоженный сад и вошел в двери виллы. Стены внутри нее были покрыты удерживающей прохладу штукатуркой, комнаты заставлены комфортабельной мебелью. Вазы со свежими цветами прекрасно дополняли ландшафты настенных фресок.

Когда Мерикур поднялся на веранду, его приветствовали еще один член элитной гвардии, на этот раз чернианин, и Бетани, которая выглядела просто ошеломляюще в своей свободной блузе и брюках-саксах. «Господи, до чего же она прекрасна». Бетани улыбнулась, и сердце у Мерикура застучало.

– Добро пожаловать домой, генерал. Вы не против, если мы пообедаем вместе?

На мгновение Мерикур онемел, напоминая несмышленного школяра, сконфуженного и переполненного противоречивыми эмоциями. Наконец ему удалось выдавить из себя улыбку

и пробормотать учтивый ответ:

– А-а-а, спасибо, Бетани. Почту за честь.

«Что это мелькнуло в ее глазах? Облегчение?» Ему показалось именно так, но он не был уверен. Несколько мгновений спустя он уже сидел за покрытым полотняной скатертью столом, прихлебывал прохладное вино и наслаждался звуками ее голоса. Рядом из ниоткуда возник еще один цернианин, получил от Бетани краткие инструкции и удалился в сторону кухни.

– Я не была уверена, что вы приедете, поэтому обед будет подан немного позже.

Улыбаясь, Мерикур внимательно изучал ее лицо и искал на нем следы печали и гнева, которые он всегда видел там раньше. Ему показалось, что некая сдержанность все же присутствовала, какой-то барьер в самой глубине ее глаз, но другие признаки прошлой неприязни исчезли.

– Ничего страшного. Приятно побыть вдалеке от офиса. Эта вилла просто чудесна. Чья она?

Бетани улыбнулась:

– Наша, если хотите. Нам ведь нужно где-то жить, и я подумала – может, вам понравится что-нибудь более изысканное, чем комната позади кабинета.

«Комната позади кабинета? Откуда она это знает?»

– Вилла просто восхитительна, – повторил он и оглянулся трепетно и благоговейно. – А я смогу... мы можем себе ее позволить?

Бетани засмеялась:

– Вы и в самом деле ничего не знаете? Так уж повелось, что командующему силами Скопления полагаются по должности довольно приличные апартаменты, и – хотя вы, очевидно, совершенно об этом не думали – ваша жена владеет приличным состоянием.

Мерикур действительно не задумывался над этим и сейчас осознал, что она права. Его новое жалованье со всеми полагающимися надбавками довольно туго набило ему кошелек. И конечно, Бетани очень богата, хотя он и не думал об этом раньше...

Он смущенно засмеялся:

– Боюсь, что вы правы. Э-э, новая работа отнимает у меня все время.

Внезапно испугавшись, что может разрушить сложившуюся благожелательную атмосферу, он поспешно сказал:

– Да, вилла в самом деле восхитительна. Как вы ее нашли?

Бетани наклонилась, чтобы подлить ему в бокал еще вина, и он уловил ее запах, тончайший аромат чистой кожи с добавкой изысканных духов. Это подействовало на Мерикура, как валерьянка на кота. Он поймал себя на том, что не может оторвать глаз от плавного изгиба щек женщины и чувственной полноты ее губ.

– Это было нетрудно. Когда новый губернатор приходится тебе родным дядей, а твой муж – главный военачальник планеты, агенты по недвижимости просто стоят в очереди, желая помочь.

Он рассмеялся и отпил вина.

– Ансон...

Мерикур мысленно поставил восклицательный знак. Насколько он помнил, впервые она назвала его по имени. До этого момента Бетани всегда использовала обращение «генерал». Но сейчас он смотрел на нее, и ему было абсолютно все равно, как она его называла. Бетани была до боли красива.

– Да?

– Прости меня. Я знаю, тебе это далось нелегко. Прошу, прими мои извинения за все, что я тебе наговорила раньше. В том, что меня разлучили со Спенсером, нет твоей вины.

Она опустила глаза и разглядывала свои пальцы.

– Черт, у меня такое ощущение, что я постоянно извиняюсь перед кем-нибудь, а затем вытворяю глупости и опять приходится извиняться.

– Вовсе нет, – ответил Мерикур, – тебя насильно разлучили с твоим... бывшим мужем.

Это случилось, и лучше об этом поговорить, чем притворяться, что ничего не было.

– Ты и правда так считаешь? – Бетани внимательно посмотрела на него своими карими глазами.

– Правда. Наверно, мы сможем быть друзьями.

– О, Ансон, я надеялась, что ты чувствуешь именно так. Это много лучше, чем быть врагами, правда? Я, со своей стороны, тоже постараюсь не подкачать. У меня хорошие успехи в бизнесе, на самом деле хорошие, и наши отношения можно обозначить именно деловым термином – партнерство. А если ты захочешь завести себе кого-нибудь на стороне – что ж, почему бы и нет? У моего отца всегда имелась любовница, а то и две... Да и мать была притчей во языцех.

Она так искренне старалась пойти ему навстречу, что он только кивал и улыбался. Любовница, ну надо же! Ему не нужна была любовница, он не знал, как и когда это произошло, но он хотел только Бетани. Однако, несмотря на развод, воспоминания о бывшем муже были еще слишком свежи и удерживали ее от близости с Мерикуром даже на расстоянии сотен световых лет.

Мерикур улыбнулся вымученной улыбкой.

– Я в общем-то довольно занят, но если мне понадобится любовница, я дам тебе знать. Может, ты будешь так любезна, что найдешь мне кого-нибудь?

Бетани рассмеялась с видимым облегчением.

– Ну конечно! Это совсем не трудно. Ага, вот и обед!

Вскоре стало ясно, что Бетани будет ценным союзником.

Например, она уделяла внимание вещам, которые Мерикур склонен был игнорировать. Это проявилось с болезненной очевидностью, когда он спросил о двух членах «губернаторской сотни», находящихся на вилле.

Она удивленно посмотрела на него.

– А разве ты не знаешь? Ну конечно нет. Ты же цель номер один для террористов. Убив тебя, враги моего дядюшки сделают его более уязвимым. Я сказала об этом Эйтору, и он немедленно прислал сюда охрану.

– Полагаю, это правильно, – нехотя согласился Мерикур. – Но зачем использовать элитную гвардию? Вполне достаточно отделения морской пехоты.

Бетани печально покачала головой.

– Вовсе нет. Если здесь появятся морские пехотинцы, создастся впечатление, что ты боишься. Тогда они начнут охотиться за тобой всерьез.

– Или за тобой, – внезапно дошло до Мерикура. – Они могут попытаться напасть на тебя, чтобы добраться до меня.

– Или до моего дяди, – спокойно согласилась Бетани. – Именно по такой схеме.

Мерикур неожиданно обнаружил себя в мире, законов которого он не понимал. Невидимые враги, заговоры и контрзаговоры, подозрения и уловки. Бетани выросла в атмосфере сенаторских интриг, это стало ее второй натурой, но Мерикур всегда встречался с врагом лицом к лицу, с пульсатором в руке.

Они проболтали друг с другом весь день – частью о делах, частью нет. Когда вечерняя тень покрыла долину, они мирно сидели рядом на веранде и смотрели на закат, как добрые друзья.

«5»

Мерикур и Бетани вышли из лимузина и, кивая знакомым, начали подниматься по широкой лестнице, которая вела к особняку губернатора. Завтра особняк будет принадлежать уже Виндзору, а сегодня вечером его хозяином оставался губернатор Трент, и он устраивал прощальный вечер. Бетани держала Мерикура под руку, и, несмотря на то, что фактически жена ему не принадлежала, он гордо шел рядом с ней.

Они поднимались по лестнице, и толпа раздавалась перед ними. Офицеры уступали

Мерикуру дорогу, женщины вытягивали шеи, чтобы получше его рассмотреть, – и все присутствующие дружно глазели на Бетани.

Ее длинное вечернее платье переливалось оттенками розового и голубого. Казалось, оно играет со светом, то почти прозрачное, то, через мгновение, совсем плотное.

К немалому изумлению Мерикура, Бетани, казалось, знала всех и каждого, называла по именам и шептала свои комментарии ему на ухо: «Это жена капитана первого ранга Аста, она добивается его перевода в береговую службу, чтобы проводить с ним больше времени, а он не хочет списываться с корабля. Не могу сказать, что я его порицаю за это. О, вон тот мужчина, с седой бородкой. Это гражданин Солакофф. Важная шишка в здешней политике. Хочет с тобой встретиться. Однако будь с ним осторожен: он всю использует инопланетян в своих потогонных цехах. Ого-го! На эту парочку стоит посмотреть повнимательнее! Нола Ранкоу и ее муж Кода. Она заправляет делами Хайкен Мару на планете».

Мерикур бросил быстрый взгляд на женщину, возвышавшуюся на целую голову над толпой гостей. Рядом с ней стоял такой мускулистый мужчина, что его вечерний смокинг, казалось, вот-вот лопнет по швам. Парочка скрылась из виду, а Мерикур почему-то вспомнил о собственной безопасности.

Прием устраивал Трент, поэтому Виндзор и его команда не могли вносить изменения в список приглашенных. Ко всему прочему, бывший губернатор совсем не хотел идти на сотрудничество. Назвав все меры предосторожности «истерикой», он запретил службе безопасности осматривать особняк и крайне неохотно согласился пустить охрану внутрь здания.

Мерикур только и мог, что увеличить число охранников и надеяться на лучшее. На геостационарной орбите над особняком висел корвет, высоко в атмосфере барражировали аэрокосмические истребители, а штурмовые вертолеты кружили в нескольких сотнях метров над зданием.

На прилегающей к губернаторской резиденции территории залегла морская пехота, которой было приказано «не лезть на глаза». Еще пятьдесят человек заняли позиции в здании. Их переодели слугами, и хотя они и могли оказаться полезными в рукопашной схватке, но были совершенно беспомощны, если кто-нибудь вытащит оружие. Поскольку морских пехотинцев специально не обучали искусству обеспечивать безопасность гражданских лиц, оружия у них не было. Мерикур меньше всего хотел, чтобы какой-нибудь солдат уложил половину приглашенных наповал из автоматического пульсатора ради одного-двух предполагаемых убийц.

Ну и конечно, внутри самого особняка расположилась «губернаторская сотня». В отличие от рядовых морских пехотинцев, ее членов обучали действиям в такого рода ситуациях, поэтому они были вооружены до зубов. Шестеро, одетые в одинаковые серые гражданские костюмы, получили приказ не отходить от губернатора Виндзора ни на шаг. Мерикур надеялся, что они смогут запугать убийц просто одним своим видом. Если это не пройдет, остальные члены «сотни» будут близко, под видом слуг и гостей.

Проходя через огромную двустворчатую дверь, Мерикур знал, что замаскированные сканеры осмотрели его с головы до ног и обнаружили пистолет, спрятанный под мундиром. За долю секунды они проверили его сетчатку глаз и вдобавок послали запрос на идентификацию его ПИРу. Любой, кто не пройдет такую двойную проверку, будет задержан, нравится это Тренту или нет. Конечно, система не была совершенной, но это лучшее, что Мерикур смог придумать, не имея поддержки Трента.

– Генерал Ансон Мерикур с супругой Бетани Виндзор-Мерикур, баронессой Скида, – окончив представление, мажордом Трента ударил в пол церемониальным жезлом.

Пока они спускались по короткой лестнице в просторный зал, Мерикур улыбнулся и тихо спросил:

– Баронесса Скида? Ты – баронесса?

– Конечно. Я думала, ты знаешь. В наши дни это всего лишь почетный титул, который, однако, приносит добрых тридцать тысяч кредитов ежегодно.

Опять обнаружив, что очень мало знает о своей молодой жене, Мерикур перевел взгляд на зал и был поражен его пышным великолепием. Сотни людей и сотни инопланетян заполняли все огромное помещение. Вечерние платья ярких расцветок, аромат сотни видов духов, нестройный шум голосов...

Как всегда, ему захотелось убежать. Раньше, когда Мерикур был младшим офицером, он так и поступал – немного покрутившись среди гостей, незаметно исчезал. Теперь же золотые кометы на плечах весили целую тонну и пришили его к месту.

Длинные тонкие пальцы внезапно сжали его руку, а теплые губы коснулись уха.

– Успокойся, Ансон. Помни: они боятся тебя больше, чем ты их.

Она понимала! Он был ей не безразличен! Эта мысль на время согрела Мерикура, но толпа теснилась вокруг и увлекала его.

«Генерал Мерикур, я хотел бы представить вам такого-то и такого-то». – «Простите мой вопрос, генерал, но все дамы интересуются, почему у вас седые волосы». – «Не считите за оскорбление, генерал, но все эти разговоры о полном равенстве инопланетян – абсолютный вздор. Полагаю, вы поставите этих троллей на место?» – «Генерал, имею честь представить вам Нолу Ранкоу и ее мужа Коду».

Толпа отступила на второй план, когда Мерикур переключил все свое внимание на Нолу Ранкоу.

Поступить иначе было трудно. Настоящая великанша. На полметра выше Мерикура. Уложенные в башню волосы зрительно увеличивали рост. Вечерний наряд состоял больше из ее собственной кожи, чем из красной ткани, и открывал взгляду мускулистое тело. Приличествующее моменту выражение лица Ранкоу не скрывало ее сущности. Нола была именно такой, какой казалась.

Сильной и опасной женщиной.

И не только благодаря своему росту. Гораздо большая опасность таилась в ее взгляде. Она была врагом Мерикура, и оба это знали. Она сжала его руку и чуть не сломала кости.

– Добро пожаловать на Августину, генерал. Я так много о вас слышала.

Мерикур старался не обращать внимания на боль. Ранкоу хотела заставить его отпрянуть, признать свою слабость, но гордость не позволяла ему это сделать.

Криво улыбнувшись, он сказал:

– Только хорошее, надеюсь. О, какое прекрасное ожерелье! Вы позволите?

Наступив правым сапогом на левую туфлю Ранкоу, Мерикур сделал шаг вперед и всей своей тяжестью придавил ее ногу. Потом поднял руку и крепко сжал тяжелое ожерелье. Теперь он мог задушить Нолу одним поворотом кисти. Она вздрогнула.

Ранкоу отпустила его руку, и он шагнул назад. Кода набычился, но остановился, почувствовав прикосновение жены.

– Стой на месте, Кода. Мы с генералом просто познакомились друг с другом. Я получила большое удовольствие, генерал. Надеюсь, вы проживете достаточно долго, чтобы как-нибудь поужинать со мной.

– Ты произвел на меня впечатление, – сказала Бетани, когда Ранкоу и Кода удалились, – несомненно, ты умеешь обращаться с женщинами.

Мерикур только рассеянно кивнул. В уме он лихорадочно просчитывал варианты, подразумеваемые этим «надеюсь» Ранкоу.

Пыталась ли она им манипулировать, угрожая ему, чтобы поставить на место? Было ли это обещанием? Или пустой угрозой? Только Нола Ранкоу не была похожа на человека, раздающего пустые угрозы.

«Тогда прибегни к здравому смыслу. Попыткой манипулировать можно пренебречь. Значит, угроза убийства вполне реальна. Где и когда это может произойти? Надо полагать, покушение последует в любую минуту. И понятно, что врагам губернатора будет весьма сподручно убить генерала, а заодно и самого босса». Мерикур повернулся к Бетани.

– Пошли поищем твоего дядю. Думаю, ему грозит опасность.

Бетани удивленно распахнула глаза, но промолчала, только кивнула и последовала за

Мерикуром, который прокладывал себе путь сквозь толпу, направляясь к длинному фуршетному столу. Мерикур все время держал Виндзора в поле зрения. Губернатор стоял у дальнего конца стола рядом с Трентом. Тут же находился Эйтор Сенда. Их окружало множество гостей. Мерикур и Бетани добрались до середины стола, когда он услышал зуммер своего ПИРа. «Эй, твое генеральское превосходительство... Кто-то подает сюда модулированный сигнал. Источник в пределах пятидесяти метров».

«Когда это началось?»

«Только что».

Бесцеремонно оттолкнув какую-то пожилую матрону, Мерикур рванулся вперед и закричал:

– Сенатор, на пол!

Но было слишком поздно. События разворачивались как при замедленной киносъемке. Пока Мерикур доставал пистолет, он увидел, как слуга-цернианин запустил обе руки в торт и вытащил оттуда пистолет. Справа другой цернианин содрал обивку с кресла, и в руках у него появился автомат-пульсатор. Инопланетянин-дрид наклонился к столу и выхватил из-под него игольчатое ружье, прикрепленное под крышкой задолго до дня приема. Мерикур скорее ощущал, чем видел, что по всему залу происходит то же самое.

Чпок! Чпок! Чпок! Во всех направлениях полетели стеклянные шарики.

Завизжали женщины – хотя и не так громко, как некоторые из пышно разодетых военных-мужчин. Мерикур в мрачном оцепенении смотрел, как цепочка мини-взрывов прошла по всей длине уставленного яствами стола, как взлетали вверх фонтанчики пищи и крови и как цепь взрывов достигла наконец губернатора Трента. Трент умер мгновенно, и ошметки его разорванного на куски тела упали на пол. Двое охранников из «сотни» погибли, закрыв собой Виндзора, а потом Сенда швырнул его на пол и прикрыл своим телом.

Тенли проворно забрался под стол. Безоружные морские пехотинцы бросались на инопланетян с голыми руками и погибали один за другим.

Стеклянные шарики и иглы собирали кровавую дань. Иглы поражали почти бесшумно, а выстрелы пульсаторов сливались с разрывами стеклянных шариков, которые взрывались, как только попадали в цель. Убийцы пробивали в плотной толпе кровавые просеки, поливая зал смертоносным огнем.

Мерикур выхватил наконец пульсатор из-под мундира и выстрелил навскидку. Стеклянные шарики ударили в какого-то церинианина, который держал пистолет.

Бетани! Мерикур круто развернулся, чтобы бросить ее на пол, и обнаружил, что она прикрывала его с тыла, а небольшой пистолет в ее изящной руке сеял смерть. На лбу стоявшего позади нее дрида появилась дыра, и он упал на кричащих и стонущих людей. Мерикур подумал, что он очень многого не знает о своей жене.

Он выбрал новую цель и нажал на спуск. Чпок! Чпок! Чпок! Неряшливая работа. Его выстрелы раздробили правую руку цернианина, а уже после прошили ему грудь. Что бы на это сказал унтер-офицер Нистер? Чистое поражение цели означает «быстро», а скорость – это...

«Губернаторской сотне» потребовалось несколько секунд, чтобы взять убийц на мушку. После этого все кончилось. Когда стрельба прекратилась, на мгновение повисла тишина, потом раздались стоны и истерический смех.

Поодаль послышались проклятья Виндзора, который пытался сбросить с себя Сенду. Воины элитной гвардии взяли их в кольцо. Тенли вылез из-под стола и путался у всех под ногами.

Мерикур оглядел зал. Через открытые окна и двери сюда лезли и лезли солдаты. Боковым зрением Мерикур уловил какое-то движение, повернул голову и увидел, как с пола встают Нола Ранкоу и ее муж. Они прятались за стойкой бара, самым массивным предметом мебели в зале, а значит, наименее уязвимым для пуль. На них не было ни царапины. Встретив его пристальный взгляд, Ранкоу кивнула и улыбнулась. Затем, аккуратно обходя валявшиеся там и сям тела, они с мужем покинули зал.

Мерикур знал совершенно точно, что это Ранкоу спланировала и организовала покушение от начала и до конца. Но доказательств у него не было. Оглядывая залитое кровью помещение, Мерикур поклялся, что Нола Ранкоу заплатит за это.

Два дня спустя раненые находились на пути к выздоровлению, гости губернатора пришли в себя после шока, а пол банкетного зала был очищен от крови. Вдова Трента отбыла на Землю вместе с оказывающим ей повышенное внимание адмиралом Стендером и телом мужа (вернее, тем, что от него осталось) в корабельном трюме.

Воины «сотни» были похоронены, как они и жили – рядом друг с другом. Вместе с гвардейцами обеих рас, людьми и чернианами, похоронили и шестнадцать морских пехотинцев, бросившихся на террористов с голыми руками и тем самым посмертно заслуживших место в рядах элитной гвардии. По приказу Мерикура всех похоронили с полными воинскими почестями в той части военного кладбища, которая была выделена для «губернаторской сотни». Кое-кто из оставшихся в живых морских пехотинцев сомневался относительно погребения их товарищей вместе с инопланетянами, но честь принадлежать к гвардии преодолела все предрассудки.

Из-за странного образа мыслей солдат – да так происходит в любой части Галактики, не только в Скоплении – количество просьб о приеме в гвардию в течение нескольких последующих дней сначала удвоилось, а затем утроилось. Представители всех рас, живших на планете, хотели быть зачисленными в ряды гвардейцев.

Торжественная публичная церемония приведения нового губернатора к присяге была отменена из-за гибели Трента. Вместо этого состоялась спокойная процедура, на которой присутствовали только приближенные. Когда Виндзор поднял правую руку и поклялся защищать Скопление Гармония от всех внешних и внутренних врагов, Мерикуру пришла в голову мысль, что недостатка и в тех, и в других они испытывать не будут.

Виндзор назначил совещание со старшими членами своей команды в конференц-зале, который примыкал к его просторному кабинету.

Губернатор Трент не поскупился, чтобы сделать помещение удобным и привлекательным. Свет проникал сквозь ряд высоких прямоугольных окон. По всей длине зала проходил стол для совещаний, вырезанный из натурального полированного камня. Зачехленные кресла окружали стол и привносили атмосферу элегантного комфорта. Серая, с темно-синим бордюром, драпировка покрывала стены и скрывала от посторонних взоров куб головизора.

Губернатор Виндзор сидел во главе стола, Сенда по правую руку, Тенли по левую. Присутствовали Мерикур, капитан первого ранга фон Ой и капитан-лейтенант Москоун.

Как и всегда, Виндзор выглядел энергичным, бодрым, улыбался и поблескивал глазами. Узкая повязка над левым глазом придавала ему легкомысленный, почти пиратский вид. Несмотря на рьяные протесты Мерикура, Виндзор настоял, чтобы он сам и его команда разместились в правительственном небоскребе в самом центре столицы планеты.

– Я ценю вашу заботу о моей безопасности, генерал, но деятельность правительства состоит на две трети из переливания пустого в порожнее и только на одну треть из реальных дел. Это здание является символом. Работая здесь, а не на территории военной базы, я даю понять и друзьям и врагам, что ничего не боюсь.

Он ухмыльнулся и добавил:

– Хотя, по правде говоря, у меня поджилки трясутся от страха.

Мерикур признавал, что Виндзор был прав, но сильно подозревал, что новому губернатору нравился и чисто внешний антураж власти, с которым ему не хотелось расставаться. В любом случае решение Виндзора было окончательным. Мерикур мог только усилить меры безопасности и надеяться на лучшее. В который раз.

Совещание открыл Виндзор:

– Благодарю всех за то, что нашли время прийти сюда. Мне известно, как вы все заняты после убийства Трента. Особенно я хочу поблагодарить Эйдора Сенду за его мужество, проявленное в экстремальной ситуации, и генерала Мерикура за героическое поведение его

солдат и за его собственную доблесть. Мне доставляет большое удовольствие сообщить, что вместе с подробным отчетом о случившемся я направляю командованию Пакта представление к награждению генерала Мерикура орденом Доблести.

Обычно раз в десятилетие кто-нибудь из миллиарда с лишним солдат и офицеров вооруженных сил Пакта награждался этим орденом. Как правило, посмертно.

Присутствующие зааплодировали, а Мерикур покраснел и стал бормотать что-то такое про своих людей. Его никто не слушал – видимо, командующие силами Скопления, дерущиеся, как обычный окопный морпех, были редкостью.

– Итак, – продолжил Виндзор, когда стихли аплодисменты, – нам нужно многое обсудить. Если бы террористический акт полностью удался, то одним махом были бы уничтожены губернатор Трент, я сам и все старшие члены моей команды. До назначения и прибытия нового губернатора было бы далеко, и за это время Скопление оказалось бы крайне уязвимо как перед внешними врагами, так и перед внутренними.

Присутствующие закивали. Виндзор был прав – и он стоял у руля. Он поднял стакан с водой, сделал глоток и продолжал:

– Это все достаточно очевидно. Неочевидным является то, что, хотя террористический акт и провалился, он все же удался в другом плане.

Он по очереди поглядел на каждого из своих подчиненных.

– Я, конечно, имею в виду использование исключительно убийц-инопланетян. Целью было раздуть существующий расизм, а также дискредитировать лично меня. Те, кому это на руку, могут теперь сделать вывод, что я не только ошибался, проповедуя равенство людей и инопланетян, но совершил тем самым преступную ошибку. Они возьмут на вооружение девиз «хороший инопланетянин – мертвый инопланетянин».

– Или работающий в шахте инопланетянин, – спокойно добавил Сенда.

– Именно так, – согласился Виндзор и в раздумье сложил ладони домиком. – Однако среди всей этой мути есть и несколько светлых пятен. Например, преданность «губернаторской сотни» доказала, что некоторым инопланетянам можно доверять, я уж не говорю о готовности Эйтора пожертвовать собой ради меня. Кстати, Эйтор, когда в следующий раз будете спасать мне жизнь, постарайтесь делать это с меньшим энтузиазмом.

– Виндзор осторожно потрогал повязку на голове.

Сенда улыбнулся обычной своей «перевернутой» улыбкой.

– Будет вам, губернатор! Как вы, люди, говорите, – это все дерьмо собачье.

Виндзор рассмеялся:

– Иногда я думаю, что мы плохо на вас влияем.

Повернувшись к остальным, он сказал:

– Сразу после приземления Эйтор начал работу с архивами Скопления. Я попросил его доложить о потенциально опасных проблемах. Эйтор?

– Благодарю вас, губернатор. Любому ясно, что Скопление Гармония, подобно другим, имеет свой набор проблем. Я упомяну только некоторые, такие, как сильный неурожай на Сискенсе – 2, пиратский рейд на астероид 568 Б-Икс, маленькие симпатичные гражданские волнения на Малом Мекторе, просто чтобы дать вам представление о положении дел. Так или иначе, нам придется с этим справляться. Но гораздо более насущную проблему представляет планета Теллер.

Поднявшись со своего странного цернианского стула, Сенда направил небольшой пульт дистанционного управления на стену и нажал на кнопку. Зажужжал скрытый мотор, драпировка скользнула в сторону и открыла огромный куб головизора.

– Наши сведения о происходящем на Теллере вполне точные, хотя и далеко не полные. Нет сомнений, что на планете назревает крупномасштабный кризис.

– Верно, – согласился Виндзор, – и то, как мы справимся с ситуацией на Теллере, может предрешить успех или поражение всей политики нашей администрации.

Сенда с характерным для него терпением ждал, когда Виндзор закончит. Мерикур уже достаточно хорошо знал цернианина, чтобы понять: тот раздосадован вмешательством

губернатора. Виндзор наконец умолк, и инопланетянин продолжил:

– Как многим из вас известно, Теллер представляет собой планету одной из главных систем Скопления, специализирующуюся на добыче разных руд.

Сенда нажал на другую кнопку. В центре головизора появилось трехмерное изображение планеты, которое медленно вращалось. В самой планете не было чего-нибудь особо примечательного: несколько длинных горных цепей, много облаков и один небольшой океан.

– Планета находится ближе к оси влияния Церны, чем Земли, но населена представителями обеих рас, которые живут там бок о бок уже довольно долго. Теллер принадлежит Хайкен Мару по праву первой заявки, согласно законам Пакта.

Изображение планеты замигало и исчезло, уступив место небольшому городу, застроенному стандартными бетонными зданиями вперемежку с деревянными лачугами. К окраинам города подбирались джунгли.

– Это крупнейший город планеты, очаровательное местечко, называемое Порт-Сити. Пока мы тут совещаемся, город фактически находится в осаде у повстанцев.

Город уступил место трехмерной типовой схеме управления. Вертикально выстроенная структура возглавлялась генеральным менеджером, советом глав департаментов, заведующими секторами и прочими функционерами.

– Правительство планеты можно лучше определить как менеджмент планеты, поскольку состоит оно исключительно из командированного персонала Хайкен Мару. Он управляет планетой так, чтобы максимально увеличить прибыль и уменьшить издержки. Если за время командировки прибыль значительно возрастает, управляющие получают повышение и улетают с планеты. Если нет, они остаются на месте или ссылаются в какую-нибудь дыру еще хуже этой. В результате проводимую правительством политику нельзя назвать «просвещенной».

Экран головизора замерцал, и на нем появились фотографии оборванных церниан, бредущих ко входу в шахту. На заднем плане можно было разглядеть надзирателя Хайкен Мару с винтовкой-пульсатором на плече, прислонившегося к стене небольшой хижины.

– И церниане, и люди, чьи предки приехали на планету работать по контракту, пребывают сейчас в состоянии фактического рабства.

– Но рабство объявлено вне закона, – возразил капитан-лейтенант Москоун. – Несомненно, губернатор Трент предпринял бы что-нибудь.

Сенда моргнул обоими глазами – для цернианина это было равносильно пожатию плечами.

– Вы правы, капитан-лейтенант, рабство находится вне закона. Но обратите внимание на определение «фактическое». Рабочие должны платить Хайкен Мару за еду, квартиру, медобслуживание... за все. Если какой-нибудь рабочий до скупости бережлив или чрезвычайно удачлив, он может выплатить свой долг в течение пятнадцати – двадцати лет. Но как ему выбраться с планеты? Хайкен Мару контролирует абсолютно все, в том числе стоимость проезда на своих кораблях. Единственная альтернатива тому, кто выплатил свой долг Хайкен Мару, это опять наняться на работу в шахту, и на тех же условиях. Что касается бывшего губернатора, его представитель на Теллере семь месяцев назад возвратился на Августину для лечения. Никто его не заменил.

– Давайте вернемся к повстанцам, – нетерпеливо сказал Тенли. – Не будем затягивать время.

Но торопить Сенду было бессмысленно.

– Погодите. Прежде всего нам необходимо понять, зачем вообще Хайкен Мару доставила на Теллер и людей, и церниан. Как я уже сказал, предки обеих рас были доставлены на Теллер в качестве контрактных рабочих. Церниане – чтобы работать на шахтах, люди – чтобы работать на фермах. И это не случайный выбор. Хайкен Мару потратила много времени и тщательно исследовала все стороны вопроса.

Головизор стал показывать пейзажи и ландшафты Церны.

– Церна вращается вокруг темно-красного солнца, большая часть ее поверхности покрыта густыми лесами. Как следствие – представители моей расы могут очень недолго пребывать на открытом солнце. Мы эволюционировали под густыми кронами деревьев, даже приобрели зеленый цвет кожи, как защитную окраску. Из-за низкой освещенности мы развили превосходное ночное зрение. Все это плюс невысокий рост и низкий процент заболеваемости клаустрофобией повлияло на выбор церниан в качестве шахтеров.

Головизор опять мигнул, сменив изображение Церны на снимки истощенных людей, обрабатывающих поля ручными орудиями.

– Мы, церниане, вегетарианцы, но так как на открытых местах работать не можем, Хайкен Мару привез людей, которые выращивают для нас пищу. Люди всегда успешно занимались сельским хозяйством и могут переносить большие дозы прямого солнечного света. Поначалу людям больше платили и обращались с ними лучше – в сравнении с цернианами. Постепенно эти привилегии сошли на нет, и сегодня фермеры-люди прозябают так же, как и шахтеры-церниане. Хайкен Мару считает обе группы низшим классом, утверждая, что они настолько мутировали и выродились, что теперь мало чем отличаются от животных.

Он сделал паузу, затем продолжил:

– Разумеется, это абсурдное утверждение. Обе группы имеют более чем достаточный объем генофонда.

– К тому же существуют веские доказательства, что местный генофонд периодически пополняется со стороны, – сухо добавил Мерикур.

Углы рта у Сенды опустились вниз.

– Генерал Мерикур прав. Имеются доказательства общения правительства Церны с шахтерами-цернианами. Также, насколько нам известно, фермеры-люди ведут широкую торговлю с пиратами.

– Все это приводит нас к повстанцам, – нетерпеливо вклинился Тенли.

– Как вам будет угодно, – неспешно согласился Сенда. – На самом деле в повстанческом движении нет ничего нового. В течение долгого времени представители обеих рас убегали на волю в джунгли. Хотя термин «убегали на волю» неадекватно описывает перемещение из одного вида преисподней в другой.

Картинка в головизоре сменилась: теперь показывали джунгли, снятые движущейся камерой, когда оператор шел по звериной тропе. Густая растительность закрывала обзор, со всех сторон раздавались странные звуки, где-то наверху смутно угадывалось присутствие солнца.

– Враждебная окружающая среда частично обязана своим существованием собственной экосистеме Теллера и включает в себя как животные, так и растительные виды. Гораздо хуже, однако, некоторые формы жизни, импортированные Хайкен Мару с других планет. Вот хороший пример.

Джунгли сменило вполне невинное с виду растение с широкими листьями.

– Его название – накада, что на языке Церны означает «болезненная смерть». Легкое прикосновение к этому растению вызывает тяжелое заболевание, а длительный контакт приводит к смерти. Хайкен Мару завезла это растение с Церны и засеяла с воздуха огромные пространства.

Картинка опять изменилась. На этот раз головизор показал большую змею.

– Те из вас, кто родился и вырос на Земле, наверняка знают, что это болотный щитомордник, довольно большая и ядовитая рептилия, опасная для обеих рас, но для людей ее укус смертелен. Это только примеры. Хайкен Мару завезла и другие враждебные формы жизни. И, несмотря на все это, повстанцы не только выжили, но, судя по всему, процветают.

Сенда нажал на кнопку. Изображение пропало, серая драпировка скользнула на место и скрыла головизор.

– Я упомянул об этом по трем причинам. Во-первых, нам известно, что Хайкен Мару действует безжалостно. Во-вторых, мы знаем, что повстанцы – парни крепкие. И в-третьих,

мы здесь сидим по уши в дерьме. Общую неприглядную картину значительно усугубляет еще и тот факт, что за последние несколько лет повстанцы получили немало помощи извне.

Сенда поднял брови – у людей жест соответствовал поджатым губам – и продолжал:

– Не секрет, что правительство Церны расколото на два лагеря. К одному принадлежат те, кто хочет добиться независимости от Пакта и чувствует неизбежность войны. В другом лагере находятся те, кто – подобно мне – приветствует членство в Пакте, если оно основано на полноправном партнерстве.

На некоторое время в комнате повисло молчание. Каждый догадывался, о чем умолчал Сенда. Правда заключалась в том, что, хотя Конфедерация Церны и была крепким орешком, силы Пакта в конечном счете победят, превратив Церну в расплавленный камень. Пусть и ослабленный, Пакт был все же сильнее Конфедерации. Преданность Сенды Виндзору основывалась на этой правде больше, чем на всем остальном. Молчание прервал сам Сенда:

– Нет сомнений, что именно сторонники независимости Церны снабжают своих соотечественников на Теллере оружием, боеприпасами и прочим снаряжением. У службы безопасности Хайкен Мару недостаточно людей, чтобы их остановить, а предшественник генерала Мерикура даже и не пытался. Вдобавок я подозреваю, что на Теллер с Церны был направлен специалист по партизанским операциям по кличке Джому. Его руководство плюс контрабандное оружие явно склонили баланс сил в пользу повстанцев. Джому принадлежит к той фракции правительства, которая верит в неизбежность войны. Она собирается признать Теллер независимым государством, а затем присоединить его к Конфедерации Церны. После размещения на Теллере военной базы она считает, что сможет противостоять не только силам Скопления, но и эскадрам центрального флота. И даже если эти расчеты ошибочны, Теллер сможет послужить хорошей картой в будущих переговорах. Но, – добавил Сенда со своей перевернутой ухмылкой, – мы, церниане, не единственная проблема Теллера. Как однажды показал мне генерал Мерикур, некоторые люди никогда не сдаются, и фермеры планеты очень хорошо это демонстрируют. Похоже, что повстанцы-люди ухитрились год назад похитить груз редкой руды и с тех пор закупают на нее оружие у пиратов. Они тоже саботируют деятельность Хайкен Мару и даже берут поселки в осаду. Фактически обе группы повстанцев заключили союз, пусть и не слишком прочный. Своими совместными действиями им удалось почти остановить производство. Как я упомянул раньше, Порт-Сити находится в осаде и поддерживает отношения с дальними шахтами и фермами посредством вооруженных транспортных колонн, поскольку воздушное сообщение слишком уязвимо перед огнем с поверхности планеты.

Сенда обвел комнату взглядом.

– Подводя итог вышесказанному, ситуация на Теллере достигла критической точки и требует нашего вмешательства. Губернатор?

Сенда занял свое место. Виндзор встал.

– Спасибо, Эйтор. Вы проделали прекрасную работу и создали цельную картину из разрозненных кусков. Осталось обсудить только один фактор, а именно: Хайкен Мару.

Он взял со стола толстую папку и поднял, чтобы все ее увидели.

– Я получил это два часа назад. Все могут это прочитать, но сейчас я сообщу только самую суть. Хайкен Мару требует от меня послать морскую пехоту и восстановить мир на Теллере.

Капитан-лейтенант Москоун нахмурился:

– Если мы восстановим мир, а судя по сообщению Эйтора задача будет не из легких, мы тем самым поддержим моральный эквивалент рабства.

– И почти гарантированную войну с Церной, – задумчиво добавил фон Ой.

– Закон есть закон, – вмешался Тенли. – Наша работа – претворять его в жизнь, а не создавать. Если Церна хочет войны, она ее получит. Простите, Эйтор... но это мое мнение.

Виндзор степенно кивнул и улыбнулся:

– Вы все указали на болевые точки этой проблемы. Должен признаться, у меня пока нет ответа на эти вопросы.

Он повернулся к Сенде:

– Эйтор, я хочу, чтобы вы с Ансоном немедленно отправились на Теллер. Попробуйте найти решение, которое устроит всех. Ансон, я не могу поставить Эйтора во главе миссии, потому что большинство людей его не воспримут, но я прошу вас прислушиваться к его советам по политическим вопросам. Ясно?

– Так точно, сэр.

– Превосходно. Я бы и сам полетел, если бы мог. К несчастью, существуют и другие проблемы. Мы с капитаном первого ранга фон Оем будем некоторое время заниматься ими. Как только мы справимся хотя бы с частью из них, я загляну к вам на Теллер.

– Сэр, – обратился к нему Мерикур.

– Слушаю, Ансон.

– Кто подписал обращение Хайкен Мару?

– Некто по имени Нола Ранкоу.

– Она пыталась убить вас, сэр.

– Она пыталась убить нас всех, – кивнул Виндзор, – но у нас нет доказательств. Или ваше расследование выявило что-то новое?

Двое инопланетян, захваченных живыми после резни в банкетном зале, получили легкие ранения. Контрразведка Мерикура интенсивно их допрашивала, но результат был нулевой.

Не то чтобы инопланетяне молчали – наоборот, они выболтали все, что знали, – но их информация ничего не стоила. Один из нападавших оказался наемником, другой был политическим сумасбродом и нес всякую дребедень. Оба ничего не знали ни про организатора покушения, ни про то, кто его оплачивал. Они свято верили, что люди участия в подготовке этого акта не принимали. Нола Ранкоу и ее агенты хорошо спрятали концы в воду.

– Ничего нового, сэр, – ответил Мерикур. – Боюсь, что это тупик.

Виндзор покачался на носках туфель.

– Это очень плохо. Я с огромным удовольствием прибил бы ее шкуру к стене. Что вы собираетесь делать с этими двумя мерзавцами?

Мерикур посмотрел Виндзору прямо в глаза.

– Зароем их.

«6»

Мерикур выделил для отправки на Теллер тысячу из имевшихся у него морских пехотинцев и семь кораблей из тридцати. Остальные силы он отдал под командование фон Оя, которому нужно было поддерживать порядок в Скоплении в отсутствие Мерикура.

Свой вымпел Мерикур поднял на «Бремертоне», крейсере капитана третьего ранга Ямагучи, и сделал его флагманом. В эскадру вошли два транспорта, два корвета, эсминец и разведчик. Они были уже в двух часах лета от Августины, когда разведчику нашлось применение. Капитан-лейтенант Москоун прошел два шага по каюте Ямагучи, вытянулся по стойке смирно и отпрапортовал:

– Капитан-лейтенант Москоун прибыл по вашему приказанию, сэр!

Мерикур улыбнулся:

– Кончайте с этой чепухой, Пол, и садитесь. Кофе вон там.

Когда Москоун расположился на диване с чашкой кофе в руке, Мерикур перешел к делу.

– Пол, я приготовил для вас небольшую работенку. – Мерикур побарабанил пальцами по опечатанному плоскому ящику, в каких обычно пересылались важные документы. – Я хочу, чтобы вы доставили это адмиралу Ориане на базу Скорпион. Тут содержится отчет обо всем, что произошло до этого момента, и просьба прислать подкрепление в тысячу морских пехотинцев. Судя по тому, что мы слышали о Теллере, они нам понадобятся.

Москоун вопросительно поднял бровь.

– Как прикажете, сэр, но почему бы не отправить их торпедой связи?

Мерикур отрицательно покачал головой.

– Потому что Хайкен Мару имеет слишком эффективную разведывательную сеть. Если мы отправим послание обычным способом, слишком велик шанс, что его перехватят. Именно поэтому я и ждал, пока мы покинем пределы системы Августины. Никто не узнает, что вы направляетесь в штаб-квартиру сектора. Возьмите разведчика. И приложите максимум стараний, чтобы никто, кроме Орианы, не видел этого рапорта. Договорились?

Москоун залпом допил кофе.

– Слушаюсь, сэр. Я пропущу в офицерском клубе стаканчик за вашу удачу.

Мерикур кивнул:

– И налейте его до краев.

Часом позже небольшой разведывательный корабль покинул свое место в строю и направился в штаб-квартиру сектора. Мерикур наблюдал за его отлетом по штурманскому головизору крейсера. Красная точка разведчика отошла от остальных кораблей и легла на курс, набирая скорость. «Удачи, Пол, – подумал Мерикур, – нам всем она понадобится».

Через несколько минут Мерикур прошел в свою каюту – те же самые флагманские апартаменты, которые они с Бетани делили по пути в Скопление Гармония. По крайней мере, уж теперь-то каюта будет в его полном распоряжении.

Люк скользнул в сторону, открывая взору Мерикура груды багажа. Мерикур переступил порог и огляделся.

– Бетани, какого черта ты здесь делаешь?

Бетани вышла ему навстречу из спального отсека.

– Ансон, как можно разговаривать таким тоном со своей преданной женой?

Боже, до чего она прекрасна! Она даже не прилагала усилий выглядеть красивой – она такой была. Мерикур постарался напустить на себя суровость.

– Мы же договорились, что ты останешься на Августине... Ну а как тебе вообще удалось пробраться на борт?

– Я передумала, – улыбнулась Бетани. – А что до того, как я пробралась на борт... это было легко. Я просто сказала вахтенному офицеру, что ты так захотел.

Она сделала паузу.

– Ведь ты хочешь, чтобы я была рядом, правда?

Мерикур пристально глядел на нее и искал на ее лице саркастическую усмешку, но ничего подобного не было. Ответ вырвался помимо его воли.

– Конечно же хочу. Добро пожаловать на борт. Спальный отсек в полном твоём распоряжении.

На какой-то момент он подумал, что, может быть, она, она... Но Бетани просто улыбнулась и сказала:

– Я уберу весь этот багаж за час или полтора.

Путешествие к Теллеру проходило без особых событий и было довольно приятным. Мерикур регулярно тренировался вместе с Эйтором в корабельном спортзале, и на этот раз он не только не страшился возвращения в свою флагманскую каюту, как это было во время перелета к новому месту службы, а, наоборот, стремился туда.

Каюта стала для него землей обетованной, убежищем, куда можно скрыться от напряжения и стрессов, связанных с его ответственной должностью, и где они с Бетани проводили вместе долгие часы. Они разговаривали обо всем – о своем детстве, о том, что им обоим нравится и не нравится – да обо всем, за исключением ее предыдущего замужества.

Перелет подошел к концу слишком скоро.

Эскадра сбавила сверхсветовую скорость на безопасном расстоянии от Теллера и полным ходом рванула к планете. Быстрый осмотр не обнаружил на орбите ничего опасного – вообще ничего, кроме старого сухогруза да нескольких спутников. Тем не менее Мерикур приказал своему единственному эсминцу и одному корвету вести патрулирование на

расстоянии половины светового года от планеты.

Если какая-нибудь неприятность свалится ему на голову из глубокого космоса, он хотел быть предупрежденным заранее. В этом случае крейсер и оставшийся корвет успеют обеспечить достаточную защиту его двум транспортам.

Мерикур мог высадиться на планету двумя различными способами. Дружеским – «привет, просто пролетал мимо и решил заскочить на огонек посмотреть, чем могу помочь», и задиристым – «слушайте, я тут высадился с тысячей отборных морпехов. Чей зад хочет первым получить пинка?» Мерикур размышлял целых десять секунд, прежде чем остановиться на втором варианте.

Как и все горожане, Арта Нугумбе выбежала на улицу, когда в небе послышался грохот. Это летели на сверхзвуковой скорости огромные корабли. Поначалу Арта испугалась. Кто это был? Друзья или враги? Все ее страхи испарились, когда низко летящий ПДШ (посадочно-десантный шаттл) заложил вираж и на фюзеляже открылись опознавательные знаки Пакта.

Итак, у нового губернатора хватило смелости послать морскую пехоту. Хорошо. Значит, еще не все потеряно.

Она вернулась к себе и начала собирать свои донесения. Может быть, кто-нибудь найдет время и прочтет их.

На другом конце Порт-Сити Артур Трилинг почувствовал, что у него пропала эрекция. Он сполз с перепуганной деревенской девки, подбежал к окну и распахнул его. Сверхзвуковой удар прокатился над городом и разбил чье-то окно напротив.

Черт бы их всех побрал! Он долгие месяцы тщетно умолял их прилететь, а теперь, когда он в них уже не нуждался, эти идиоты свалились как снег на голову, выпендриваясь и разрушая собственность компании. Вот уж он надерет чью-то задницу! Хайкен Мару – это сила, с которой надо считаться, и Артур Трилинг – генеральный менеджер конгломерата на Теллере!

Девка свернулась в клубок на его кровати и обхватила голову руками. Трилинг поспешно одевался, не обращая на нее внимания. Быстрый взгляд в зеркало, и он выбежал на улицу.

Сердце у девушки бешено колотилось. Она немного подождала – вдруг Трилинг вернется. Затем она выпрямилась, опустила на пол длинные красивые ноги и встала с кровати. Некоторое время девушка прислушивалась. Ни звука. Наклонившись, она нашла свое обтрепанное платье, которое Трилинг сорвал с нее полчаса назад. Рядом лежала убогая сумочка, сшитая из джутового мешка.

Она залезла в сумочку и достала оттуда мини-камеру и матрицу памяти. Все еще голая – на всякий случай, если вернется Трилинг, – девушка вошла в его кабинет и направилась прямо к рабочему столу. Вставив матрицу в соответствующее гнездо компьютера, она набрала личный код Трилинга и дала команду скопировать все файлы.

Девушка улыбнулась. С кодом оказалось все просто. У этого жеребца не хватило мозгов запомнить его, поэтому он нацарапал код на клочке бумаги. Она видела, как он сверялся с бумажкой.

Пока компьютер, слабо жужжа, копировал файлы на матрицу, она разложила оставленные на столе бумаги и фотографировала их. Лошадиная Шкура будет доволен.

В самом сердце пышных зеленых джунглей Теллера цернианин, которого звали Джому, нетерпеливо смотрел вверх. Может быть, они решили поторопиться? Но вместо знакомого бледно-лилового цернианского корабля он увидел грязно-зеленый ПДШ. Долей секунды позже расчет выпустил по нему три ракеты.

Но это была не авиетка службы безопасности Хайкен Мару, а шаттл – крепкая боевая машина, рассчитанная на то, чтобы выдержать интенсивный огонь, и способная дать сдачи.

Все три ракеты были сбиты. Секундой позже второй шаттл сбросил на место запуска тысячу противопехотных мини-бомб, охватив значительную площадь. Осколки все еще крошили джунгли, когда третий шаттл залил местность огнем из автоматических

многоствольных пульсаторов.

Когда все закончилось, Джому выглянул из своего бункера и увидел, что половина его отряда погибла. Баланс сил внезапно изменился. Джому невозмутимо взял передатчик из рук мертвого оператора и начал отдавать распоряжения.

Катер Мерикура приземлился со второй волной десанта. Чтобы высадить тысячу морпехов, требуется чертовски много ПДШ, поэтому Мерикур взял с собой десяток солдат, которые до отказа набились в тесную посудину. Когда они выпрыгнули из люка и побежали к джунглям, бодрый сержант проорал:

– Спасибо, что подбросили, сэр! Приятно хоть раз десантировать с шиком!

Затем он скрылся в зарослях.

Вскоре стали поступать радиодонесения. На поверхности планеты сопротивления пока нет. Передовые части третьего батальона приближаются к окраинам города. Обнаружен запуск трех ракет класса «земля – воздух». Ракеты уничтожены, место запуска saniровано. Пропала связь с таким-то ПДШ, предположительно он сбит. Спасательная команда выслана.

Тем временем ПДШ Сенды приземлился благополучно, и цернианин исчез в джунглях. Мерикуру эта идея не нравилась, но Сенда настоял.

На частотах четыре, девять и двадцать шесть передавались кодированные сигналы. Их подавали повстанцы и Хайкен Мару. Мерикур приказал глушить все. Две курьерские ракеты цернианского образца взлетели где-то в джунглях и были сбиты уже в космосе. Три неопознанных разведывательных спутника также были уничтожены. Мерикур слушал все доклады по мере поступления, все запоминал, но не вмешивался, пока никто не дал явного маху. Хороший генерал знает, когда надо сесть в уголок и заткнуться.

Два часа спустя третий батальон соединился с четвертым и город был окружен. Пока, во всяком случае. Мерикур знал, что не сможет удержать Порт-Сити, если начнется серьезный штурм, да и не собирался этого делать. К ночи оба батальона отступят под защиту периметра, который сейчас лихорадочно строили инженерные части.

Город, конечно, битком набит шпионами, тайниками с оружием и еще Бог знает чем. Кроме того, он принадлежал Хайкен Мару, и Мерикур не собирался его защищать. Гораздо лучше построить базу на нейтральной территории и оттуда следить за развитием событий.

Мерикур забрался в бронетранспортер и отправился в город. Его штаб – майор, лейтенант и шестеро солдат элитной гвардии – последовал за ним.

Молли Нокс сидела за пультом управления БТР. Она старалась избегать любых дорог и проездов, и насколько это было возможно, держалась края джунглей. Дороги, тропы и поляны – это же превосходные укрытия для мин-ловушек и засад. Вот почему лучше передвигаться в бронетранспортерах – на колесах или воздушной подушке, все равно – до тех пор, пока эту местность полностью не проверили. Молли вела машину то быстрее, то медленнее – такая неопределенность обычно сбивает снайперов с толку. Впрочем, снайперов и не было.

Порт-Сити живописностью похвастаться не мог. Большинство зданий были окрашены в белый цвет и походили на склады или фабричные корпуса. Они перемежались с рабочими общежитиями, которые соединялись с ними наспех возведенными из подручных материалов стенами и баррикадами. Там и тут извивались узкие улочки, проложенные безо всякого плана, оканчивающиеся тупиками или прихотливо петляющие.

Город окружала полоса выжженной земли, повсюду торчали развалины зданий, принесенных в жертву ради создания зоны открытого огня. По-видимому, повстанцы иногда подбирались чертовски близко.

Выбрав для приземления центральную площадь, Нокс рывком посадила БТР. Судя по тому, что Мерикур увидел через смотровую щель, на площадь выходили фасадами самые красивые здания города. Люк открылся с громким жужжанием, и внутрь БТР ворвался горячий влажный воздух. Он принес с собой легкий аромат гниющей растительности, смешанный с густой вонью сточных канав.

Через несколько минут площадь заполнилась людьми, которые всю глазели на

пришельцев. Мерикур был одет в форму безо всяких знаков различия, но по бронированной машине и по его поведению все поняли, кто он такой. Телохранители выскочили первыми и заняли позиции вокруг БТР. Они внимательно осмотрели окна и крыши, держа оружие наизготове.

Молли Нокс наблюдала за детекторами и сенсорами и была готова нажать на газ при малейшей опасности.

Махнув рукой в направлении толпы, Мерикур сказал:

– Разделите толпу, майор. Пусть вперед выйдет местное руководство, а остальные пускай постоят в сторонке.

Майор Фаутс была сдержанна и немногословна. Красавицей ее не назовешь: бесформенная фигура, почти мужские бицепсы, широкое и какое-то плоское лицо, приплюснутый нос. Под мышками у нее уже появились от жары темные пятна, а по шее стекал пот. Она кивнула, прыгнула на землю и подошла к толпе.

Мерикуру захотелось выбраться наружу и размять ноги, но он подавил в себе это желание. Генералам не следует гулять в одиночку по вражеской территории. Если, конечно, они не хотят послужить мишенью для здешних снайперов. Кроме того, средства связи бронетранспортера гораздо мощнее индивидуальных раций, которыми обеспечены морские пехотинцы. И наконец, броня БТРа придется весьма кстати, если кто-то здесь задумает поиграть с тонной-другой взрывчатки. В сложившейся ситуации был полный резон прятаться, как кролику. Но Мерикур этого не любил.

Фаутс через несколько минут вернулась вместе с высокой чернокожей женщиной.

– Генерал, ее зовут Арта Нугумбе. Она помощник администратора космопорта. Есть еще парень по фамилии Трилинг. Говорит, он здесь генеральный менеджер Хайкен Мару. Что мне с ним делать?

Тон майора подсказал Мерикуру, что Фаутс придет в восторг, услышав ответ: «А всади-ка ему пулю в лоб».

– Пусть пока подождет. Сначала я побеседую с администратором Нугумбе. Присаживайтесь, администратор. К сожалению, мне нечем вас угостить.

Наряд Нугумбе состоял из просторной блузы и шорт, на ногах – пара сандалий. Высокий лоб, быстрые карие глаза, приятная улыбка – Мерикуру она понравилась с первого взгляда.

Нугумбе улыбнулась:

– Вид у ваших войск по-настоящему боевой, генерал. Я несколько месяцев умоляла адмирала Стендера прислать сюда хотя бы нескольких морских пехотинцев, но он даже не удосужился ответить.

Мерикур подумал, что храбрый адмирал, наверно, и не видел ее заявок. Они вполне могли быть перехвачены.

Впрочем, из того, что он уже знал о Стендере, напрашивался вывод, что адмирал и без посторонней помощи прекрасно умел отлынивать от своих обязанностей.

– Что ж, приятно слышать, что кто-то рад нашему присутствию, – ответил Мерикур. – Хотя полагаю, парни в джунглях испытывают прямо противоположные чувства.

Нугумбе кивнула:

– Боюсь, это мягко сказано, генерал. Шпионы у повстанцев есть повсюду, как и у Хайкен Мару. Как и у меня, кстати. В этом мире жить совсем не просто. Могу я спросить, что вы собираетесь делать дальше?

– Прежде всего разберусь, что тут творится, – ответил Мерикур и усмехнулся. – Начнем с вас. Судя по всему, вам вручили бразды правления, когда представитель Скопления улетел лечиться на Августину?

– В общем, похоже, – согласилась она. – Боюсь, мне не удалось удержать положение под контролем. Действия повстанцев привели к почти полному прекращению выпуска продукции, репрессии Хайкен Мару стали жестче, чем обычно, и я слышала о кораблях, приземляющихся в джунглях.

Мерикур отрицательно покачал головой.

– Едва ли это ваша вина. Никто не предоставил вам ни должных полномочий, ни средств. Кто контролирует Порт-Сити?

– Это моя обязанность, но на самом деле город под контролем службы безопасности Хайкен Мару.

Мерикур кивнул:

– Я хочу, чтобы вы взяли контроль в свои руки. Выявите как можно больше шпионов, сторонников повстанцев и просто ненадежных людей. Если понадобится, я пошлю солдат выставить их вон. Совсем забыл... Я собираюсь отойти на запасные позиции сегодня вечером. Поэтому постарайтесь не откусить больше, чем сможете проглотить. Лейтенант!

– Да, сэр? – Младшему лейтенанту Фадху только-только исполнилось двадцать, он был зелен, как молодая трава, и так горел желанием показать себя, что просто дрожал от нетерпения.

– Возьмите отделение пехотинцев и следуйте за администратором Нугумбе. Выполняйте ее приказы. Если люди Хайкен Мару будут мешать, арестуйте их.

– Слушаюсь, сэр!

Глаза Фадха загорелись. Он был совершенно счастлив, когда во главе отделения морских пехотинцев последовал за Нугумбе. Любому из службы безопасности Хайкен Мару, кто вздумает косо посмотреть на них, придется очень несладко.

Не успела Нугумбе уйти, как вернулась майор Фаутс и привела с собой довольно опрятно одетого человека. Длинные прямые волосы спадали ему на плечи, покачиваясь при каждом движении, масляные глазки перебегали с предмета на предмет, одежда была чересчур модной для Теллера.

– Это тот самый, о ком я докладывала. Говорит, что он здесь генеральный менеджер Хайкен Мару. – Ее невыразительное лицо осветила широкая улыбка. – Говорит, разжалует вас в рядовые, если не примете его немедленно.

– Что ж, в этом случае его лучше принять, не так ли? Мне совсем не улыбается остаться без жалованья. Садитесь, менеджер Трилинг.

Мерикур почувствовал гудение зуммера в ухе. «Он набит электроникой и вооружен, – произнес ПИР. – Будь осторожен. Тебя, наверное, можно заменить, но меня-то – нет».

Трилинг презрительно смерил взглядом складное сиденье, смахнул с него пыль носовым платком и уселся. Он постарался принять холодный и надменный вид.

– Развлекайтесь, пока можете, генерал. Когда ваше начальство узнает, что вы здесь натворили, оно вам скажет такое большое «спасибо», что всю жизнь помнить будете.

– О, в самом деле? – лениво осведомился Мерикур. – А что именно я натворил?

Трилинг выпятил грудь.

– Например, неоправданно подвергли опасности гражданское население Теллера. Я имею в виду, конечно, летательные аппараты, пронесившиеся над Порт-Сити на сверхзвуковой скорости. Зачем, никак не пойму.

– Чтобы перепугать всех до чертиков, – спокойно ответил Мерикур. – Ничто не действует на сфинктеры мочевого пузыря и кишечника так эффективно, как небольшая демонстрация силы. Однако я удивлен. Я думал, Хайкен Мару сама попросила нас взять повстанцев под контроль. Разве ситуация изменилась?

– Конечно нет, – ответил Трилинг и внезапно насторожился. – Просто законопослушные граждане Теллера заслуживают большего уважения.

Мерикур в притворном удивлении поднял бровь.

– Законопослушные граждане? Кто бы это мог быть? Согласно моей информации, повстанцы контролируют сельскую местность, инопланетные и пиратские корабли прилетают и улетают, когда им вздумается, а Хайкен Мару так эксплуатирует своих рабочих, что фактически держит их в рабстве. Где скрываются эти законопослушные граждане? Приведите их, я хотел бы с ними встретиться.

Обстановка внутри БТРа явно накалилась, и Трилингу внезапно захотелось очутиться

где-нибудь в другом месте. Тем не менее он попытался изобразить праведное негодование.

– Не знаю, что вы там слышали, но уверяю вас, наши рабочие получают достаточно денег за свой труд и с ними хорошо обращаются. Что до остального, моя компания не может отвечать за некомпетентность правительства.

Мерикур кивнул:

– Тут я с вами соглашусь. Предыдущая администрация выполняла свои обязанности по отношению к Теллеру спустя рукава. Но сейчас все изменилось, и свидетельством тому – мое присутствие здесь. Примем же это во внимание и объединимся, чтобы решить все проблемы.

Благодарная улыбка Трилингу вполне удалась.

– Конечно. Надеюсь, вы простите меня за предыдущие высказывания, но обстановка здесь временами напряженная. Скажите, какое количество морской пехоты вы привезли?

– Достаточно для решения поставленных задач, – солгал Мерикур. – Принимая в расчет, конечно, что Хайкен Мару окажет полное содействие.

– О да! – с готовностью отозвался Трилинг. – Можете рассчитывать на это. Чем я могу помочь?

Пусть Мерикур и свалился как снег на голову... Что ж, если в долгосрочной перспективе Трилинг и не сможет уволить его в запас, то хотя бы попытается его убить. А пока лучше сотрудничать с ним.

– Хорошим стартом было бы одолжить нам наземной техники, – задумчиво проговорил Мерикур. – Мы, разумеется, привезли и собственную, но как только доходит до дела, техники почему-то всегда не хватает.

– Какое-то количество я выделю вам немедленно. Звоните, если вам понадобится что-нибудь еще.

Трилинг встал и двинулся к люку. Мерикур дружелюбно кивнул:

– Непременно.

Трилинг помахал рукой и исчез. Мерикур подождал, пока тот не отойдет подальше, и крикнул:

– Майор Фаутс!

Она появилась в люке, словно чертик из коробки.

– Сэр?

– Пустите за ним наружное наблюдение.

– Слушаюсь, сэр.

Трилинг не чувствовал себя в безопасности, пока не отошел от Мерикура на добрых полмили. Он не занял бы свой нынешней пост, если бы не разбирался в людях, и Мерикур его сильно напугал. Большинство генералов были обыкновенными функционерами, носившими форму, и они не любили пачкать руки. Этот парень совсем другой. Он получил приказ утихомирить планету и всерьез собирался его выполнить.

И выполнил бы, имей он достаточно морских пехотинцев. Несколько месяцев назад эта акция вовсю бы приветствовалась, а сейчас это равносильно катастрофе. Хайкен Мару окажется в полной заднице, Нола Ранкоу очень расстроится, а он, Трилинг, закончит свои дни, глотая вакуум на каком-нибудь крошечном астероиде. При мысли об этом он вспотел. Так было у Мерикура достаточно войск для выполнения задачи или нет?

Трилинг ворвался в офис и включил компьютер. Девка, конечно, уже ушла. Не проблема. Таких, как она – пруд пруди. Следующие два часа он обзванивал всех своих подчиненных, кого только сумел вспомнить. Но до некоторых дозвониться не сумел: чертовы повстанцы повзрывали множество релейных станций, и кто-то, скорее всего флот, глушил спутниковую связь.

Тем не менее очень скоро Трилинг получил вполне точную картину расстановки сил Мерикура, включая число морских пехотинцев на поверхности планеты и количество кораблей на орбите. Получалось где-то около полутора тысяч морских пехотинцев, максимум – две тысячи, а этого было явно недостаточно для разгрома повстанцев. Служба

безопасности уверяла, что требуется не менее четырех тысяч.

Трилинг облегченно вздохнул и откинулся на спинку кресла. Он сделал правильный выбор. Вскоре можно ожидать повышения.

Он поднял трубку, позвонил на ближайшую ферму и распорядился прислать девку – чтобы помогла ему отпраздновать грядущее повышение.

– Итак, – сказал капитан-лейтенант Москоун и положил на стол адмирала Орианы запечатанный контейнер, – генерал приказал мне доставить это лично вам.

– И ты сделал это, сынок, сделал, – согласился Ориана. – Я прочитаю письмо немедленно. А ты пока отдохни-ка с дороги. Почему бы тебе не пойти в офицерский клуб и не пропустить стаканчик за мой счет?

– О, благодарю вас, сэр, с удовольствием, – радостно ответил Москоун. Он встал по стойке «смирно» и четко откозырял. – Честь имею, сэр.

Ориана ответил небрежным взмахом.

– Отдыхай, сынок.

Как только Москоун ушел, Ориана открыл контейнер и вынул письмо. Оно оказалось довольно коротким. Кто-то покушался на жизнь Виндзора, а на горнодобывающей планете Теллер вот-вот развернется ад крошечный, поэтому Мерикур просит прислать ему еще тысячу морских пехотинцев, чтобы он сумел справиться с ситуацией.

Адмирал печально покачал головой. Намерения Мерикура были честными, но он оказался вовлеченным в борьбу сил, которые находились вне его понимания.

Ориана услышал, как позади него отворилась дверь.

– Он ушел. Теперь вы можете войти. Вот прочтите. Вам будет интересно.

Ориана слегка повернулся в кресле и передал доклад Мерикура Ноле Ранкоу.

«7»

Через три дня после высадки на Теллер Мерикур сделал то, что генералам делать вообще-то не полагается. С помощью Нугумбе и благодаря уступчивости Трилинга он взял под свой контроль Порт-Сити и его окрестности. В непосредственной близости от города он разместил укрепленную военную базу. Повстанцы атаковали ее дважды, хотя и не в полную силу. Оба раза их отбили. Но, несмотря на полученный отпор, они все еще удерживали контроль над большей частью сельской местности, тогда как войска Мерикура были заперты в укрепленных фортах.

Вот, например, что случилось на шахте 458.

Несколько недель назад цернианские повстанцы использовали свои навыки в горном деле не для чего-нибудь, а для прокладки туннеля – прямо внутрь строго охраняемой территории шахты. Решив, что восемь человек персонала службы безопасности Хайкен Мару не такая уж крупная добыча, чтобы оправдать все их усилия, повстанцы затаились в ожидании дичи покрупнее. Они ее получили, когда Мерикур послал в шахту в качестве подкрепления двенадцать морских пехотинцев. Повстанцы атаковали той же ночью и уничтожили всех.

Атака началась перед рассветом. Предупрежденные заранее, рабочие покинули территорию шахты через дыры в заборе. А спустя всего лишь несколько секунд после того, как последний из них сделал шахте «до свидания», по всей зоне шахты был нанесен минометный удар. Моментально и люди из службы безопасности, и морские пехотинцы с оружием наизготове заняли свои места и стали ждать атаки. Но им казалось – опасность придет из джунглей, и только когда земля разверзлась у них под ногами, они поняли, что повстанцы зашли к ним в тыл.

Мерикур представлял себе этот ужас, когда враги внезапно появляются у тебя из-за спины. Слышал вопли, когда началась резня...

В ушах у него все еще стоял спокойный голос старшего сержанта Хиггинса – он слышал его по радио: «Синий волк»- базе. У нас пятьдесят – повторяю: пятьдесят единиц

неприятеля на территории шахты. Прорыв произошел через туннели – повторяю: прорыв произошел через туннели. Прошу нанести авиаудар по нашей позиции. Повторяю: прошу нанести удар с воздуха по нашей позиции. И еще: база, когда размажете этих ублюдков в дерьмо, выпейте за нас пива. Конец связи «.

Сдавленным от волнения и горя голосом Мерикур приказал нанести по шахте 458 воздушный удар. Двенадцать минут тридцать восемь секунд спустя два ПДШ проревели над шахтой и залили смертью все вокруг.

В живых не осталось никого. Церниане, люди, шестиногие ящерицы, кишевшие внутри периметра, – все погибло.

И вот сейчас Мерикур ощутил потребность увидеть это. Извлечь из случившегося урок для себя. Он мог – и должен был – вызвать сержанта Нокс и свой БТР. Но он устал от телохранителей, от шестнадцатичасового рабочего дня, устал быть генералом. Он потихоньку, втайне ото всех выскользнул из укрытия и завел двигатель того самого аэрокара, который предоставил Трилинг в его распоряжение.

Двигатель приятно загудел и ожил. Мерикур захлопнул прозрачный колпак, устроился поудобнее в комфортабельном кресле из настоящей кожи и взлетел.

Когда земля понеслась вниз, он увидел крохотную фигурку. Человек выбежал из командного центра и посмотрел вверх. Мерикур подумал, что это могла быть майор Фаутс, но утверждать это не решился бы. Человек бросился к посадочной площадке, где Мерикур оставил свой БТР. Мерикур кисло улыбнулся.

Заложив правый вираж, он полетел над зелеными буйными джунглями. Он будет уже далеко, когда бронетранспортер взлетит. Шахта 458 находилась примерно в ста милях от командного пункта, и при скорости двести миль в час он прибудет туда очень быстро.

– Пора отрабатывать жалованье, – сказал своему ПИРу Мерикур. – Задай этой телеге координаты шахты 458.

После короткой паузы ПИР ответил:» Координаты заданы и подтверждены. Нам что, обязательно лететь одним?»

Мерикур застонал.

– Нет, и ты туда же! Тебе не кажется, что для игрового компьютера ты чересчур умный?

« Я не компьютер, игровой или какой-то там еще, – с негодованием ответило устройство. – Однако в твоих словах есть доля правды. В последнее время я стал как-то слишком часто думать, что зажился на этом свете «.

– Грандиозно, – ответил Мерикур. – Будь любезен, сделай одолжение и думай молча, а не вслух.

Он протянул руку к приборной панели, повернул несколько переключателей и нажал на кнопку. Красная лампочка на индикаторе сменилась голубой – автопилот принял управление на себя. Мерикур убрал руки со штурвала.

Откинувшись на спинку кресла, Мерикур смотрел на пронесившийся внизу зеленый ковер джунглей. Временами аэрокар пролетал мимо темных каньонов, на дне которых поблескивала вода. То слева, то справа от машины поднимались в воздух огромные стаи зеленых четырехкрылых птиц и описывали круги над джунглями. Когда одна стая взлетала, другая вновь садилась на деревья.

Почему они себя так вели? По очереди питались какими-нибудь насекомыми, которых Мерикур не мог разглядеть с высоты? Или просто забавлялись? Узнать это не было никакой возможности.

Спустя некоторое время клокочущий гнев и чувство вины у Мерикура пошли на убыль, и он задремал, разморенный льющимися сверху теплыми солнечными лучами и убаюканный почти гипнотической красотой пронесившихся под ним джунглей.

« Эй, твое генеральское превосходительство, согласно моим расчетам, до руин шахты 458 осталось несколько миль, а этот гроб и не думает сбавлять скорость. Я предлагаю тебе проверить автопилот «.

У его ПИРа опять случился приступ подозрительности.

Мерикур протянул руку, передвинул три переключателя в положение» выкл.»и нажал на кнопку. Огонек индикатора остался голубым. Теперь и он забеспокоился.

Мерикур повторил процедуру. Ничего не изменилось. Автопилот был заблокирован. Аэрокар продолжит полет, пока не кончится топливо, и рухнет. А это может произойти где угодно. Мерикур посмотрел на указатель уровня топлива. Три четверти бака. Аэрокар пролетит свыше двух тысяч миль, пока оно кончится.

Внутри у Мерикура все похолодело. Сто миль джунглей – это одно, две тысячи... На своих двоих две тысячи миль по лесу не прошагаешь. Он пощелкал переключателями еще раз. Никакого эффекта. Он включил радио. Не работает. Ни потрескивания помех, ни даже огоньков индикации. Он сжал челюсти. Это не было случайностью. Кто-то намеренно вывел машину из строя. Он вытащил пистолет.

– Ты можешь связаться с базой?

« Без проблем, – ответил ПИР. – Но ты уверен, что хочешь этого? Кто бы ни повредил аэрокар, он ждет его крушения. Если я пошлю сигнал на базу, он будет знать, что ты жив, и пришлет кого-нибудь довершить начатое «.

ПИР был прав. Хотя эти его слова насчет живого Мерикура... Ситуация вполне может измениться, если аэрокар упадет.

– Хорошая мысль. Ну, вперед, в тартарары.

Мерикур пересел на заднее сиденье, привязался ремнями безопасности и прицелился из пистолета в панель управления. Он выстрелил три раза. Разрывные стеклянные шарики прогрызли порядочную дыру в панели управления и открыли доступ к проводам, расположенным позади нее.

Двигатель замолчал, передняя часть аэрокара наклонилась, и машина понеслась вниз, с визгом рассекая воздух. За несколько оставшихся до земли секунд Мерикур успел подумать о Бетани: интересно, а что она почувствует, если он умрет? Расстроится, может быть? Или обрадуется вновь обретенной свободе? Она находилась где-то наверху, позади голубого неба, на безопасной орбите. Боже, до чего она красива!

Но тут машина врезалась в поверхность планеты.

Как ни странно, именно враждебные человеку джунгли Теллера спасли Мерикура. Упав на грунт, и от него – да и от аэрокара – осталось бы в буквальном смысле слова мокрое место. Но трехэтажный слоеный пирог растительности был достаточно податливым и в меру упругим и выполнил роль спасательной подушки и смягчил силу удара.

Что, однако, не сделало этот эксперимент по приземлению необыкновенно приятным.

Аэрокар ударился о кроны деревьев и подскочил, как плоский камень, прыгающий по воде. Упал опять. На этот раз машина пробила кроны и рухнула на второй растительный слой.

Мерикура нещадно мотало в его ремнях безопасности, а мир вокруг него вращался и ерзал. Сердце Мерикура екнуло, когда аэрокар упал еще на десять метров, на самый нижний слой. Но тут машина внезапно ударилась о ствол дерева, и на Мерикура обрушилась темнота.

« Просыпайся, твое генеральское превосходительство. Мне хорошо известны все твои жизненные показатели, и я знаю, что ты не мертв. Ты просто лодырничает. Валяешься кверху пузом, когда надо работать. Ну давай, вставай – ты, куча протухшего дерьма! Ты проделал в джунглях просто гигантскую дыру. Через несколько минут все, кто находится в радиусе нескольких миль, примчатся за тобой. Дикие звери, повстанцы – выбирай сам «.

– Протухшее дерьмо? – Мерикур сел – во всяком случае, попытался это сделать. Ремни его не пускали. – Это кого, собственно, ты называешь протухшим дерьмом?

« Ой-ей-ей! Прошу прощения. Меня слегка занесло. Но ты в любом случае должен живо отсюда убираться!»

– Принято.

Мерикур ударил по кнопке на застежке своей упряжи и почувствовал, как ремни

подались. Он пошевелился, и аэрокар закачался под ним. Мерикур осторожно выглянул наружу через разбитый защитный колпак. Неудивительно, что машина раскачивалась. Она висела в пятнадцати – двадцати метрах над землей, в колыбели из ветвей и лиан, которые содрала с деревьев, когда падала.

Кое-как Мерикуру удалось немного пробраться вперед. Он поднял крышку консоли, разделяющей передние сиденья, и облегченно вздохнул. Стандартный спасательный комплект был на месте. Или враги не ожидали, что он сможет выжить в катастрофе, или просто забыли убрать комплект. В любом случае дела его не так уж плохи.

Мерикур продел руки в лямки и перекинул небольшой ранец себе на спину. Теперь ему необходимо выбраться из аэрокара. Медленно, заранее продумывая каждое движение, он выполз наружу. Ухватившись за крепкую на вид лиану, он подтянулся и влез на толстую ветвь. Мерикур оглянулся и посмотрел на машину. Она была разбита вдребезги. Ему очень, очень повезло!

Чтобы пробраться через путаницу деревьев, крупных кустарников и переплетающих все это лиан и добраться до земли, Мерикуру потребовалось добрых полчаса. Один раз под ним сломалась ветка, и он запутался в лианах, дважды он почти сорвался, но каждый раз все-таки ухитрялся в последний момент найти опору.

Он спускался в мир вечных сумерек.

Солнечный свет был редким и драгоценным товаром на нижнем этаже джунглей, за ним охотились, но находили редко. Там, куда доставало солнце, жизнь была ключом, где стоял мрак, там царила смерть.

Но смерть представляла собой переходную стадию. Мертвые растения быстро сгнивали и питали собой живых и таким образом восставали из праха. Мерикур посмотрел вверх и ощутил благоговение. Лес был таким огромным и таким сложным организмом, что человек рядом с ним выглядел пигмеем – не больше. Влажный теплый воздух овеивал лицо Мерикура. Он вдруг подумал: интересно, а почему это на Теллере нет собственной разумной жизни, хотя на других, гораздо менее гостеприимных планетах, она появилась?..

«Если тебя не слишком затруднит, уноси ноги, – ядовито сказал ПИР. – Мои сенсоры уловили присутствие шести, а может, и семи неизвестных, которые идут сюда. Масса тела и инфракрасный спектр совпадают с цернианским типом «.

– Как далеко?

«Пять минут максимум «.

Мерикур осмотрелся в поисках убежища. На ум сразу пришли деревья, но теперь ему уже вряд ли хватит проворства забраться вверх и спрятаться. Пять минут – это слишком мало. Вероятно, под деревьями тоже можно было бы укрыться, но опять же – время, время...

Вот почему Мерикур решил последовать старинной военной поговорке, что лучшая защита – это нападение, и устроил засаду. Он вытащил пистолет и улегся на спину между двумя огромными корнями. Положив оружие на колени, Мерикур нагреб сверху на себя кучу опавшей листвы. Она пахла плесенью.

Сжав рукоятку, он ждал. Засада была не ахти какой, но должна была сработать.

Вслушиваясь в звуки джунглей, Мерикур успокаивал себя, что дело предстоит не такое уж сложное, на учебных полигонах он попадал и в худшие ситуации, но выходил победителем.

Внезапно в памяти всплыла последняя тренировка в штаб-квартире Сектора и обжигающая боль между лопаток. ПИТЭКи тогда подловили его. Он заставил себя лежать совершенно неподвижно и продолжал слушать.

«Одна минута «.

Мерикур знал – только он один может услышать ПИРа, но ему показалось, что тот орет на весь лес.

Внезапно он услышал шуршание сухой листвы под чьими-то ногами, неразборчивое бормотание, звяканье металла. На мгновение ему захотелось остаться на месте и ничего не предпринимать. Может быть, они его не заметят, пройдут мимо, и все будет в порядке.

« А может, они тебе еще и обед принесли? »- подумал он и вдруг резко сел и открыл огонь.

Мать Миста командовала своей семьей-отрядом вот уже год, и, хотя она хорошо знала джунгли, в засаду ей попадать еще не доводилось. Служба безопасности Хайкен Мару в джунглях чувствовала себя неуютно и была слишком малочисленна для ведения антипартизанской войны. Стоило ли удивляться, что цернианские повстанцы привыкли к односторонним операциям, когда они атаковали транспортные колонны и шахты, встречая только ответный огонь. Джому и другие командиры пытались обучить повстанцев всем тонкостям ведения войны в джунглях, но без соответствующего опыта тренировки не достигали цели.

Поэтому когда мать Миста подошла к месту крушения, ее винтовка висела на спине, а сама она во все глаза смотрела на висевший высоко на дереве искореженный аэрокар и думала, как бы до него лучше добраться.

Она даже не видела, как с земли поднялась фигура в камуфляжной форме, не почувствовала разрыва заряда, разворотившего ей грудь, и не поняла, что умерла.

Следующим упал радист. Мерикур определил это по длинной антенне и уложил радиста, прежде чем тот сообразил вызвать подмогу. Идиоты, они шли тесной группой, поэтому он мог вести точный счет – двое готовы, остались четверо.

Он всадил в живот третьему повстанцу два заряда и услышал над головой щелчки. Чпок, чпок, чпок!

Стеклянные шарики ударили в ствол у него за спиной и перебили один из главных сосудов дерева. Зеленый сок, обжигающе холодный, выплеснулся ему на ногу. Высоко вверху перегрелась на солнце и погибла одна из веток.

Номер четыре истошно закричала, когда один стеклянный шарик разнес ей челюсть, а второй шарик попал прямо в забрало ее каски и взорвался между глаз. Она затихла.

Мерикур бросился вправо. Очередь шариков прошла мимо, вырывая огромные куски пористой древесины из ствола и повредив пищеварительный тракт дерева. Струйки белого сока стекали на почву. Дремлющие под поверхностью семена почувствовали присутствие пищи и жадно раскрылись.

Двоим оставшимся в живых повстанцам удалось укрыться и приготовить оружие.

Мерикур откатился в сторону, вскочил и побежал. Он вскрикнул как бы от боли. Одна цернианка попала на эту удочку и высунула голову из укрытия. Он моментально всадил в нее шарик.

А затем обжигающая боль пронзила его правое бедро. Когда он упал, открытая рана соприкоснулась со штаниной, пропитанной зеленым охлаждающим соком дерева. Мерикур закричал в агонии и потерял сознание от болевого шока.

Он очнулся от страшной боли в ноге. Собственно, тупая ноющая боль ощущалась во всем теле, но нога требовала его внимания в первую очередь.

Так же, как требовал его внимания ПИР, который в автоматическом режиме повторял: « Очнись, очнись, очнись... » Когда ПИР почувствовал, что Мерикур пришел в себя, он сказал:

« Ну, наконец-то. Я предлагаю тебе встать, пока джунгли окончательно не переварили твою задницу ».

Изумленный тем, каких усилий это потребовало, Мерикур поднял веки. Сквозь лабиринт листвы вниз просачивались только крохотные лучики света. Надвигалась ночь. Ему нужно было подняться, найти убежище, приготовить еду – и все это надо успеть, пока сумерки не превратились в абсолютную тьму. Желание выжить придавало сил Мерикуру, он отчаянно заработал руками и наконец сумел принять сидячее положение.

Он посмотрел на главный источник боли и остоленел от ужаса. ПИР вовсе не говорил метафорами. Длинный коричневый побег, который торчал из почвы, поместил свой бутон в открытую рану Мерикура. Растение как-то странно подергивалось.

Оно его ело!

Мерикур увидел, что повсюду вокруг него покачиваются усики лиан. Они подползали

все ближе к еде. Мерикур нащупал рукоять десантного ножа. Он полоснул по первому усiku и увидел, как содрогнулись остальные. Следовательно, это был единый организм.

По возможности оберегая раненую ногу, Мерикур встал и захромал прочь от места кормежки.

Он сразу увидел на почве пять выступающих бугорков. Оставшийся в живых цернианин зарыл своих товарищей не слишком глубоко. Сейчас их покрывал густой ковер пульсирующих лиан, прожорливые джунгли поглощали их плоть.

«Он похоронил их и ушел, – произнес ПИР. – Ты так походил на труп, что он в это поверил. К счастью, похорон ты не удостоился».

Мерикур огляделся.

– Мой пистолет?

«Понятия не имею, – ответил ПИР. – Но все говорит за то, что он его забрал».

– Превосходно.

«Положение могло быть гораздо хуже, – бодро откликнулся ПИР. – У тебя есть я».

– Отлично. Когда увижу повстанца, я швырну тебя в него.

Мерикур, конечно, знал, что ПИР был гораздо ценнее оружия. Перед отлетом с Августины ПИР записал в свою память массу информации о Теллере, его экосистеме и географии. А кроме того, сенсоры ПИРа предупреждали Мерикура о неприятностях задолго до их появления.

Мерикур осмотрелся, но ни своего пистолета, ни оружия повстанцев не обнаружил. Что ж, у него еще остался спасательный комплект в ранце и десантный нож. Этого достаточно.

Прихрамывая, он пошел в глубь леса, стараясь отойти подальше от места катастрофы. Как только оставшийся в живых повстанец вернется в лагерь и доложит о случившемся кому-нибудь, кто поумней его, повстанцы примутся за поиски всерьез.

Вечер постепенно переходил в ночь, Мерикур продолжал путь на восток, прочь от Порт-Сити. Если удача ему улыбнется, повстанцы сконцентрируют свои поиски в неверном направлении. Вскоре Мерикур начал спотыкаться о корни и проваливаться в какие-то ямы. Когда это произошло в третий раз, он решил, что с него хватит. Он ушел так далеко, как смог. Пора отдохнуть и заняться собой.

Мерикур стряхнул с себя ранец и открыл его. Там было всего понемногу. Пошарив внутри, он выудил небольшой фонарик и включил его. Зажав фонарь зубами, он разорвал штанину, чтобы обнажить рану на бедре. Но вместо открытой рваной раны он увидел запекшуюся, слегка зеленоватую корку.

– Что за черт?

«Проблемы?» – осведомился ПИР. Хотя устройство и обладало обширным набором сенсоров, эквивалента обычному зрению у него не было, и оно не могло видеть ногу Мерикура.

Мерикур описал внешний вид корки своему механическому подсказчику.

«Тут нечего беспокоиться, – сказал ему ПИР. – Сок этого дерева обладает вяжущими свойствами. Хайкен Мару даже занимается его сбором и экспортирует с планеты. Нельзя сказать, что он идет нарасхват, но прибыль все же есть. Хоть ты и поохал, но этот сок принес тебе немало пользы».

– Тебе легко говорить, – язвительно отозвался Мерикур, – ты-то никогда не испытываешь боли.

На минуту повисло молчание. Мерикур накладывал повязку. Когда ПИР ответил, в его словах слышался легкий налет печали.

«Ты говоришь верно... Но я никогда не испытаю и наслаждения».

Обдумывая высказывание ПИРа, Мерикур проглотил обезболивающую таблетку и упаковал аптечку обратно в ранец.

– Это правильно только отчасти. Ты не можешь испытывать физического наслаждения, но ничто не мешает тебе получать удовольствия другого рода.

«Что это за „другой род“?»

Мерикур порылся в ранце. Он искал что-нибудь съедобное, что можно было бы приготовить без воды. Фляжки у него не было, а отправляться на поиски воды ему не хотелось. Он нашел батончик высококалорийной смеси.

– Интеллектуальное наслаждение.

«Например?»

Мерикур откусил небольшой кусочек. Смесь легко жевалась и была сладковатой на вкус.

– Например, то, что ты чувствуешь, когда я игнорирую твой совет и в результате получаю кучу неприятностей.

«Как в случае с одиночным полетом на аэрокаре?»

Мерикур скорчил гримасу.

– Да, как в случае с полетом на аэрокаре в одиночку.

«О, – произнес ПИР. И после некоторого раздумья добавил: – А знаешь, ты ведь прав! Это действительно приятное ощущение! Спасибо».

Держа нож в руке, Мерикур свернулся калачиком и неловко нагреб на себя опавших листьев, больше ради тепла, чем для маскировки.

– Не за что. О'кей, недреманное око, у тебя есть что охранять. Если что-нибудь – или кто-нибудь – приблизится, дай знать.

«Нет проблем. Спокойной ночи».

– Спокойной ночи, – ответил Мерикур и, несмотря на загадочные звуки ночных джунглей, быстро уснул.

Мерикур пробудился от отдаленных раскатов грома. Поначалу только этот звук нарушал тишину раннего утра, затем к нему присоединился шум дождя, барабанившего по бесчисленным листьям.

Через несколько минут все вокруг Мерикура капало, сочилось и булькало; в углублении, где он лежал, собралась вода и выгнала его наружу. Небольшие создания, напоминающие угрей, выползли из ила и принялись резвиться в маленьком прудике, образовавшемся там, где только что спал Мерикур. Когда дождь прекратится и прудик уйдет в землю, эти животные исчезнут вместе с ним и впадут в спячку до следующего ливня.

«Хорошо, что я водонепроницаемый», – сказал ПИР.

К этому моменту Мерикур уже успел промокнуть до костей.

– Да, – сухо ответил он, – это в самом деле хорошо.

Увидев огромное растение с широкими листьями, он подошел к нему и остановился.

– Если я встану здесь, оно меня сожрет?

«Нет. Давай смелее».

Мерикур забрался под листья. Дождь туда не проникал. Он огляделся.

– В какой стороне Порт-Сити?

Быстрота ответа подсказала, что ПИР уже размышлял над этим.

«У тебя есть две альтернативы. Ты можешь пойти на запад пешком, что значительно увеличит твои шансы остаться незамеченным, или же можешь пойти на север. Если ты пойдешь на север, то упрешься в дорогу, которая ведет к шахтам. Это примерно тридцать миль отсюда. И Хайкен Мару, и повстанцы пользуются этой дорогой, поэтому шансы быть обнаруженным стремительно возрастают. А с другой стороны, также стремительно увеличиваются шансы поймать попутку в Порт-Сити. Это позволит сократить путь на пять-шесть дней».

Мерикур задумался. Путь на север был значительно опаснее. Может, лучше сразу на запад? Его все равно в этих джунглях никто не отыщет. Однако следовало принять во внимание фактор времени. Бог его знает, что может произойти – не сейчас, так позже... Кто-то попытался его убить. Кто?

В первую очередь на ум приходили повстанцы, но аэрокар был предоставлен Хайкен Мару, так что они тоже были под подозрением. Но почему они желали его смерти – ведь он находился на планете под предлогом защиты интересов компании?

Вопросов возникало слишком много, а ответов явно не хватало. Но одно было ясно. Если кто-то хотел убрать его, значит, время играло существенную роль. Поэтому он пойдет к дороге, на север, полагаясь на свое умение и удачу.

И если удача являла собой даму капризную и непредсказуемую, то его навыки нельзя было назвать никчемными. Как и все офицеры, в училище Мерикур изучил множество способов выживания в самых разных условиях, да еще к тому же периодически освежал свои знания на курсах переподготовки.

Помимо всего прочего, эти курсы научили его искусству импровизации.

Ножом Мерикур отделил от приютившего его растения несколько листьев. Потом отыскал в спасательном комплекте катушку с леской. Мерикур сложил листья так, чтобы они частично заходили друг на друга, напоминая кладку черепицы на крыше. Связав их кусками лески, он сделал себе грубую, но эффективную накидку для защиты от дождя. Коническая шляпа из тех же листьев завершила обнову.

Он вышел под дождь. Его плащ кое-где протекал, но был все же лучше, чем вообще ничего.

Начало было положено. Посмотрев по сторонам, Мерикур обнаружил заросли каких-то трехметровых «метелок»- шестов, увенчанных мелкой красноватой листвой. Подойдя к зарослям поближе, чтобы ПИР смог задействовать все свои сенсоры, Мерикур спросил:

– Как насчет этих?

Его электронный советчик немного помедлил с ответом.

«Я бы предложил тебе сначала в них что-нибудь кинуть».

Поразгребав ногой всякий лесной мусор, Мерикур нашел камень и выковырял его из почвы. Из-под камня врассыпную бросилась всякая мелкая живность. Мерикур, однако, еще не был настолько голоден, чтобы погнаться за нею. Пока еще не был. Удостоверившись, что на нижней поверхности камня не осталось насекомых, он швырнул его в заросли.

К его огромному изумлению, одна из «метелок» упала на землю и оказалась змеей длиной метра два с половиной. Она свернулась кольцами, из воротника красноватой, в складках, кожи высунулась зловещая голова, которая стала раскачиваться из стороны в сторону в поисках пищи или врага. Не увидев ничего съедобного своим единственным и, наверно, близоруким глазом, змея уползла в чащу.

Мерикур подождал, пока она скрылась из виду, и изумленно покачал головой.

– Хорошее предложение.

Шагнув к зарослям, он выбрал крепкую с виду «метлу» и срезал ее под корень. Очистив ствол от листвы, Мерикур при помощи куска лески привязал к нему свой десантный нож. Как может подтвердить любой неандерталец, копьё даст фору любому ножу. Зачем выпускать кишки в почти интимной близости, когда это можно сделать с расстояния два-три метра? Не упоминая уже о дополнительных преимуществах древка в качестве рычага.

Решив погодить с завтраком до окончания дождя, Мерикур взглянул на компас и зашагал на север. За один оборот планеты вокруг оси с высоты генеральского поста он пал до положения одинокого троглодита, одетого в листья и вооруженного копьем. Да, в своей жизни он знал и лучшие дни.

«8»

Когда Джому наконец оторвал взор от экрана компьютера, уголки его рта поднялись вверх – выражение неодобрения. Все доклады сходились в одном. Дела шли неважно. Да, его силы продолжали контролировать сельские районы; да, в сундуки Хайкен Мару попадало все меньше и меньше денег. Но существовал и длинный список неприятностей.

Морская пехота контролировала Порт-Сити, ее база в пригородной зоне оказалась не по зубам его отрядам, а командир морпехов был необычайно компетентен для человека.

Еще больше ухудшала ситуацию новость о загадочном чернианине, который, если верить слухам, служил советником у нового губернатора и который скрылся в джунглях. Кто

это? Но что более важно, где он находился и что делал?

Если он являлся сторонником той фракции Церны, которая ратовала за проведение твердой линии в отношениях с Пактом – а это была и фракция Джому – он бы объявил о своем прибытии. Пытался ли он организовать поддержку Пакта среди шахтеров? Если так, он может ее получить.

Некоторые церниане продолжали верить, как дураки, что люди изменят свое отношение и предоставят Церне полное членство в Пакте. Джому засмеялся – как залаял. Вот будет денек-то!

Ну да ладно, время покажет. Несмотря на морскую пехоту, Теллер был практически полностью в руках повстанцев. Через несколько дней, максимум – через неделю, пальцы Джому сомкнутся вокруг планеты и уже никогда ее не отпустят.

До слуха Джому донесся скрип половицы. Это Варек переступил с ноги на ногу. Он стоял по стойке «смирно» в полевом офисе Джому уже больше получаса и, должно быть, уже достиг нужной степени раскаяния. Джому находил полезным заставлять подчиненных ждать.

Особенно если они действовали так же неуклюже, как Варек. Этот идиот бросил мертвого – пусть молит небо, что тот действительно мертв – офицера-человека, даже не обыскав его!

Тяжеловооруженный усиленный патруль уже отправился на место крушения. Кто знает, что там человек мог иметь при себе?

Джому поднял голову от экрана и посмотрел на Варека, как на гувота. Если не кривить душой, Варек выглядел вовсе не плохо. Блестела тщательно надраенная самодельная боевая сбруя, он был широк в кости и мускулист. Сейчас он вежливо смотрел на правое ухо Джому: только равные могли глядеть друг другу в глаза.

– Итак, – начал Джому, – передо мной стоит слабоумный. Или трус, испугавшийся дохлого человека.

– Так точно, отче, то есть никак нет, отче, – пробормотал, запинаясь, Варек, и его лицо горестно сморщилось. – Я дурак, но не трус.

Джому немного помолчал. В помещении повисла тяжелая тишина. Затем произнес:

– Согласен. Ты дурак, но не трус. Поэтому будешь жить. Но ты лишаешься всех званий и привилегий. В дополнение к обязанностям, для исполнения которых тебя признают годным, ты также будешь задействован во всех сверхурочных работах на двенадцать месяцев. Ступай в свой отряд.

– Слушаюсь, отче. Спасибо, отче. – Варек четко повернулся кругом и промаршировал к двери. Год мытья котлов на кухне и уборки сортиров был гораздо менее суровым наказанием, чем то, которого он боялся.

Когда Варек ушел, в комнату вошла связистка. Она не была беженкой с шахты, а являлась кадровым военнослужащим цернианской армии, и забросили ее на Теллер три месяца назад. Связистка была высококвалифицированным специалистом. К тому же она обладала еще и приятной внешностью. Связистка вытянулась по стойке смирно.

Джому махнул рукой.

– Оставь это для рядовых. Что там у тебя?

Он ждал улыбки, но ее не было. Значит, плохие вести.

– Посланный патруль вышел на связь несколько минут назад. Они нашли аэрокар и пять могил. И ни одного признака человека.

Массивный кулак Джому ударил по столу с такой силой, что терминал компьютера подпрыгнул.

– Он жив! Тревога по всем подразделениям. Я хочу, чтобы его нашли и чтобы нашли немедленно.

Дождь прекратился, и, судя по тому, как вокруг посветлело, солнце стояло в зените. Мерикур стоял на берегу реки. Она была полноводная, течение быстрое, вода доходила до самого края обрыва, где находился Мерикур. Время от времени небольшие волны достигали самых его сапог и как бы приглашали прыгнуть в воду, чтобы унести его прочь. Поскольку

Мерикуру во что бы то ни стало нужно было переправиться на тот берег, другого выхода, кроме как воспользоваться бревном, он не видел.

Несколько месяцев назад, после сильного ливня, река вышла из берегов и подрyla корни огромного дерева. Ствол рухнул и образовал что-то вроде моста. Единственный подобный мост на протяжении пяти миль. Мокрая поверхность ствола блестела на солнце, подобно сияющему пути в ад.

Плеснула легкая волна, и бревно сделалось еще более скользким. Оно качнулось и частично скрылось под водой. Однако альтернативой бревну был очень, очень длинный путь в обход.

Для начала Мерикур разобрал свое копьe и вернул нож в чехол. Иначе он может его потерять, если сорвется. Затем еще раз убедился, надежно ли крепление спасательного комплекта.

С минуту он размышлял, что лучше – идти по бревну или ползти. Оба метода переправы имели свои преимущества. В конце концов он решил перебираться на ногах, а в случае чего опуститься на четвереньки. Он воспользовался торчащими корнями, как лестницей, и взобрался на бревно.

Рассчитывая каждый свой шаг, Мерикур ступил на скользкую поверхность. Сначала левая нога, затем правая. Пока неплохо.

Река подпрыгивала, резвилась и смеялась у него под ногами, подбадривала идти вперед и насмехалась над его осторожностью. Используя древко копья в качестве балансира, Мерикур игнорировал реку и сконцентрировался на переправе.

Впереди находилось место, где ствол просел и целиком погрузился в воду. Сантиметр за сантиметром, Мерикур осторожно продвигался туда, где вода перекатывалась поверх бревна. Самое главное тут было – не поскользнуться.

Мерикур прошел опасное место, повернулся и бочком, бочком, пользуясь антифрикционной подошвой десантных сапог, как тормозом, медленно двинулся дальше. Треть пути, половина – и вот он уже почти добрался.

Именно в этот момент двухместный катер на воздушной подушке вынырнул из-за поворота и с ревом помчался к нему.

Когда Мерикур упал и нырнул, ему и в голову не пришло, что он сиганул в реку по собственной инициативе.

Первым ощущением был шок от сомкнувшейся вокруг него холодной воды. Затем появился страх, когда течение потянуло его вниз, нещадно колотя о подводные валуны. Его спасла только натренированность, потому что внезапно он, взрослый, много переживший офицер, превратился в молоденького кадета-молокососа. Он словно вновь очутился на берегу управляемой компьютерами рукотворной реки, протекавшей через весь огромный лагерь офицерского училища, и дрожал от утренней прохлады. Часть реки напротив него была гладкой и спокойной, но на несколько сотен метров вниз по течению белая от пены вода бесновалась среди искусственных порогов, а еще ниже река опять текла тихо и величаво. Каждый кадет должен был прыгнуть в реку и пройти через эти пороги.

Он припомнил садистскую ухмылку Нидифера. Нидифер представлял собой скорее машину, чем человека, и был одним из горстки выживших в знаменитом десанте на Ферро. Пять тысяч морских пехотинцев прыгнули в ядовитую атмосферу планеты Ферро, чтобы принять бой в кристаллическом лесу на ее поверхности. В живых осталось меньше сотни. Они были самыми крутыми, самыми жилистыми и самыми удачливыми из людей.

Этот факт Нидифер никогда не позволял забыть кадетам. Как будто само его лицо было недостаточным напоминанием. Единственный глаз, постоянно горящий внутренним огнем, лицо, словно высеченное из камня тупым резцом, хриплый голос – да весь облик Нидифера постоянно напоминал, что этот человек побывал в аду и с боем пробился обратно.

Поэтому когда Нидифер говорил, к его голосу прислушивались. «Вам, кретинам, будет приятно узнать, что при прохождении этого порога погибли пока только пять кадетов».

Он поднял вверх блестящий металлический протез, заменявший правую руку, и разом

оборвал все возражения. «Да, я понимаю, что это упражнение слишком легкое, но командование училища до сих пор игнорирует мои предложения сделать его более трудным». Тут его лицо осветилось надеждой.

«Но вы, однако, сможете себя убить, если забудете следующие простые правила. Первое. Не пытайся бороться с рекой. Второе. Бейся о валуны ногами, а не головой. Третье. Пробирайся туда, где течение слабее. Четвертое. Не паникуй, а думай. Вопросы, дамы и господа?»

Единственный глаз Нидифера прошелся по их рядам, словно луч лазера. «Нет вопросов? А у тебя, кадет Мерикур? Впрочем, дерьмо не тонет, поэтому тебе не о чем беспокоиться».

Река вытолкнула Мерикура наверх, позволила ему сделать быстрый глоток воздуха, затем опять дернула вниз. Сгруппировавшись, он сумел развернуться так, что теперь его несло по течению ногами вперед.

Он ударился о первый валун. Сапоги весили тонну каждый, но они помогли амортизировать удар. Сгибая колени при толчках, он отскочил еще от двух валунов, прежде чем течение вынесло его обратно на поверхность. Глотая воздух, Мерикур увидел, что катер остановился ниже по течению, и в следующий раз он скрылся под водой намеренно.

Пороги остались позади, но теперь река слегка сузилась, бежала меж гигантских скал, и скорость течения значительно возросла. Почувствовав, что основной поток слева от него, Мерикур выплыл в него и быстро понесся вперед.

Легкие начали гореть, требуя, чтобы он открыл рот и впустил реку в себя. Черт с ним, с этим катером. Ему необходимо дышать. Вынырнув на поверхность, Мерикур шумно выпустил воздух из легких.

Реке надоела живая игрушка, и она отбросила Мерикура в сторону. Течение исчезло, Мерикур медленно вращался в небольшом водовороте. Что-то толкнуло его в спину. Обернувшись, он увидел, что водоворот заталкивает его в маленький грот, который быстрая вода промыла за миллионы лет.

Послышался рев двигателей, перекрывающий грохот реки. Подгребая ногами, Мерикур успел затолкать себя в грот как раз в тот момент, когда катер на воздушной подушке появился в поле его зрения.

В катере сидели два цернианина. Они осматривали поверхность реки и пытались найти Мерикура. Пригнувшись, Мерикур спрятался за скальным выступом. Церниане осматривали реку минут десять, даже приблизились к гроту на несколько метров, а потом прекратили поиски и направились вниз по течению.

Мерикур перевел дух и поплыл вдоль отвесной стены. Немного погода скала закончилась и уступила место небольшому галечному пляжику. Покряхтывая, Мерикур выполз туда и долго лежал неподвижно, согреваясь на теплых камнях.

«Да, это была, наверное, самая долгая переправа через реку в истории корпуса морской пехоты, но все же ты добрался до противоположного берега. Мои поздравления».

Мерикуру хотелось вытащить ПИР из футляра на поясе и расколотить о камень, но у него не было сил. Поэтому он решил сделать вид, что не обращает внимания на сарказм ПИРа, и пополз в джунгли, чтобы найти укрытие и там наконец отдохнуть.

Ему потребовалось три дня, чтобы пройти тридцать миль от места крушения до грунтовой дороги. Большого удовольствия путешествие не доставило. Только однажды Мерикур нашел звериную тропу, ведущую на север, и смог немного по ней пройти, но больше ему не везло, и он пробирался по девственным джунглям самостоятельно.

Приходилось переправляться через бесчисленные речки и ручьи, пережидать грозовые ливни, обходить болота. Он близко познакомился с сотней представителей враждебных человеку форм жизни, частью туземного происхождения, а частью завезенными Хайкен Мару, чтобы сделать джунгли еще более негостеприимными. На взгляд Мерикура, затраченные на это усилия были совершенно излишними.

Легче всего удавалось справиться с широколистным цернианским растением накада.

Человека оно не убивало, но прикосновение к нему было очень неприятно, а Мерикуру и без того проблем хватало.

Больше беспокойства вызывали земной болотный щитомордник, ночная кошка с планеты Ноулу и «маска смерти»с Корвалла. Эта самая «маска» обладала почти сверхъестественной способностью прикидываться большим листом дерева.

«Маска смерти» стерегла тропу, сидя на дереве на высоте шести – восьми метров, и поджидала какое-нибудь неосторожное животное. Подпустив намеченную-жертву поближе, «маска» падала вниз и накрывала ей нос и рот, плотно удерживаясь тысячами микроскопических присосок. Жертва погибала от удушья, а тварь начинала высасывать всю жидкость из тела своей добычи, пока не превращалась в раздутый зеленый шар. Насытившись, хищник разжимал объятия и откатывался прочь от обескровленного трупa, чтобы спокойно переваривать еду. Месяца через три шар опять превращался в плоский блин и медленно забирался вверх на дерево.

Первая атака произошла с ошеломляющей быстротой. Мерикура спасло только то, что в этот день от «маски», видимо, отвернулась удача. Тварь шлепнулась ему на нос и на глаза, промахнувшись мимо рта. Мерикур схватился за нее и сумел оторвать «маску смерти» прежде, чем она успела намертво присосаться. Он отшвырнул ее прочь и пронзил копьём.

После этого случая Мерикур сплел из прутьев небольшую решетчатую корзину, которую надел на голову. Сам того не подозревая, он повторил изобретение примитивных двуногих Корвалла, которые постоянно носили подобные шлемы.

С такой защитой на голове «маски смерти» были для Мерикура скорее доукой, чем опасностью. Они слетали вниз с деревьев и шлепались о прутья корзины, а он их срывал и прокалывал копьём. Через некоторое время это занятие превратилось в обычную рутину.

Тем не менее увидеть наконец дорогу и снять шлем было чертовски приятно.

Дорога особо восхитительным зрелищем не являлась. Двухколейная грунтовка, сделанная явно на скорую руку, она проходила через джунгли вдоль берега большой реки, повторяя все ее извивы. Обочины были опалены из огнемета, чтобы растительность джунглей не подобралась очень уж близко.

Джунгли же, в свою очередь, пытались поглотить дорогу. Было ясно: в конце концов они своего когда-нибудь добьются.

Мерикур внезапно во всей полноте оценил то, с чем приходилось сталкиваться службе безопасности Хайкен Мару, когда она пыталась отправлять по таким дорогам транспортные колонны. За каждым поворотом могла таиться засада. На каждом квадратном метре поверхности могла скрываться мина.

Он отметил про себя: Трилинг упрасивал его дать транспортным колоннам эскорт из морских пехотинцев. Ни черта он не получит!

Мерикур остановился на самом краю джунглей и принялся размышлять. Неприятности еще далеко не закончились. ПИР уверяет, что этой дорогой пользуются как Хайкен Мару, так и повстанцы. Хайкен Мару – днем, когда больше шансов отбить любую атаку, повстанцы – ночью, когда они в один момент могут укрыться в джунглях.

Повстанцы вообще-то были его противниками, но, поскольку повредить аэрокар вполне могли и люди Хайкен Мару, то Мерикур не должен считать их друзьями. Значит, невозможно просто выйти на дорогу и помахать первой же машине: «Эй, привет, старина! Не подбросишь до города?»

Мерикур улыбнулся. Нет, он должен действовать непредсказуемо и скрытно. Единственная проблема в том, что он как раз и не мог ничего такого придумать.

Утро сменилось полуднем, а Мерикур все никак не мог разработать подходящий план. Час за часом он обдумывал самые разные варианты. Хорошо бы взять энергопилу и свалить дерево поперек дороги, а когда грузовик остановится, выстрелами из пульсатора снять водителя и охранника, если они выйдут из машины посмотреть, что случилось.

К сожалению, у него не было ни энергопилы, ни пульсатора. И даже если бы он их имел, упавшее дерево могло остановить только колесную технику. Экранолеты просто

возьмут выше и перелетят через него.

Конечно, с помощью ПИРа можно было бы связаться с базой, но делать этого все же не стоило. Почему – ПИР ему уже объяснил после крушения. Мерикур все еще сидел в раздумье и жевал питательный батончик, когда на дороге показалась первая машина.

Мощная, набитая оружием, она двигалась на восток, в сторону, противоположную той, куда направлялся Мерикур. Толстая броня защищала борта, к переднему бамперу было приварено мощное приспособление для резки проволочных заграждений, во все стороны торчали стволы автоматических пульсаторов.

Машина тянула трейлер, груженный какими-то ящиками и укрытый брезентом. Оба механизма вроде бы принадлежали Пакту, но кто сидел внутри, определить было невозможно. Повстанцы в качестве трофеев захватили много имущества Хайкен Мару. Эта боевая машина – крепкий орешек, такой трудновато разгрызть даже отделению морских пехотинцев.

«Сдаешься?»- спросил ПИР.

– Ага, – кисло ответил Мерикур. – Сдаюсь. Ну, хитрож...й, каков же правильный ответ?

«А я думал, ты и не спросишь, – самодовольно произнес ПИР. – Ответ таков. Дождись машину, которая идет на запад, найди на дороге место, где ей придется снизить скорость, и заберись в кузов. А пока ты будешь проделывать все это, я pošлю какой-нибудь хитрый сигнал по их спутниковой связи и отвлеку их внимание. Я же хитрож...й».

Дожевывая последний кусок батончика, Мерикур обдумал предложение ПИРа. В любом случае это лучше, чем просиживать задницу в джунглях. Мерикур засунул остатки калорийного батончика обратно в ранец, продел руки в лямки и встал.

– Похоже, ты решил начать отрабатывать свое жалованье, – сказал Мерикур, оглядывая дорогу. – Я пойду на запад искать подходящее местечко, а ты следи, чтобы ко мне не подобрался с тыла.

«Слушаюсь, сэр, ваше генеральское превосходительство, не извольте беспокоиться, сэр!»

Мерикур двинулся вперед. Он-то воображал, что найдет какой-нибудь приличный ухаб прямо за следующим поворотом, но через несколько часов он миновал множество поворотов, а дорога все была гладкой.

Кто-то отлично поработал, прокладывая эту дорогу. И все же плохие участки здесь должны существовать.

Но постепенно вечерело, и он начал понемногу уставать.

Вернувшись в глубь джунглей, Мерикур нашел укромную впадинку, вытянул язычок хмподогрева на последнем контейнере консервированного ужина и подождал, пока тот разогреется. Опять гуляш. Не сравнить с питательным батончиком по калорийности, но все же лучше, чем ничего.

Он едва успел поужинать, когда ПИР произнес: «К нам что-то приближается... Что-то большое... Транспортная колонна, судя по звуку».

Через несколько секунд и Мерикур услышал рокот мощных двигателей и визг несмазанных железяк. Не иначе как это тяжелые гусеничные трактора тянут прицепы с рудой в Порт-Сити. Смелые парни, раз ведут колонну ночью. Если не попадутся в лапы повстанцев, значит, родились в рубашке.

Мерикур подполз к дороге поближе. Вокруг быстро темнело, но он все же разглядел тупорылый трактор, который выполз из-за поворота. Трактор тащил за собой целый состав открытых прицепов с рудой. Несмотря на жару, все люки трактора были наглухо задраены.

Внутри трактора громко орал магнитофон. В конце концов громкие звуки тысячи лет отпугивали всяких там вурдалаков, так что, может, сработают и на этот раз. А уж эта музыка отпугнет кого угодно. Приборная панель в кабине трактора светилась разноцветными огоньками, и воняло там, несомненно, и стоял густой «аромат» немывтых тел. Похоже, в кабине все перессорились, потому что друг на друга не смотрели и между собой не

разговаривали.

Сенсоры машины прощупывали темноту, потные руки людей сжимали рукоятки автоматических пульсаторов. Если они дойдут до Порт-Сити, каждый получит приличную премию за ночной переход. Если нет, Трилинг просто печально покачает головой и сделает вид, что никакого рейса вовсе и не было.

Мерикур замер у обочины и молил всех святых, чтобы инфракрасный локатор трактора принял тепло его тела за тепло нагревшегося под солнцем камня. Грохот двигателя и визг траков слились в единый рев, и гусеничный поезд прошел мимо Мерикура. Проклятье! Упустить такой удобный случай! Ничего, все-таки дорога не пустует. Завтра ему повезет больше.

На следующее утро он проснулся очень рано и направился на запад. Солнце светило ему в спину и отбрасывало длинные тени. Мерикур прошел совсем немного, когда ПИР заорал ему в ухо: «Воздух! Ложись!»

Мерикур сделал, как приказано, и плюхнулся в придорожную канаву: Через несколько секунд над дорогой с ревом пронесся аэрокар и обдал его пылью и всяким лесным мусором. Мерикур перекатился на спину и выругался. Это была разведывательная машина морской пехоты!

– Это наши, – сказал он ПИРу, – попытайся с ним связаться.

«Я пытаюсь, – ответил ПИР, – но наши катера пользуются особой программой радиосвязи. Частота прыгает на основе случайных чисел, генерируемых компьютерами. Без шифр코да я не могу подстроиться под них».

Мерикур встал и начал отряхиваться.

– Проклятье!

Его механический советник помолчал, потом произнес:

«Прости. Конечно, пилот бы увидел тебя, если б я не посоветовал тебе лечь».

Мерикуру показалось, что в голосе ПИРа послышалось раскаяние.

– Да ладно, все о'кей, – ответил он. – Мы все совершаем ошибки.

Мерикур вышел на дорогу и направился на запад.

Минут через десять ПИР заговорил снова: «Если я ощущаю удовольствие, когда бываю прав, тогда, наверное, ощущаю боль, если я не прав».

– Логично, – согласился Мерикур. – И как ты себя сейчас чувствуешь?

«Довольно скверно».

– Добро пожаловать в нашу компанию. Все разумные существа чувствуют то же, что и ты.

«Это ты про меня? Я хочу сказать, ты считаешь, что я... разумен?»

Мерикур немного подумал.

– Я не знаю, что на это ответили бы ученые мужи, но мне кажется, если ты мыслишь, значит, ты разумен.

«Декарт сказал немного по-другому: я мыслю – значит, я существую».

– Вот видишь, приятель, ты способен на независимые суждения.

Небольшая пауза – и ПИР опять нарушил молчание:

«Спасибо, Ансон».

– Не за что. А кроме того, морпехи могли сначала разорвать меня на куски выстрелами из пульсатора, а уж потом проверить мои документы.

Через полчаса Мерикур обнаружил ну просто идеальное место для исполнения своего плана. Дорога шла вверх. На вершину холма, к самому гребню, Мерикур натаскал больших камней. Конечно, для машин это не помеха, они либо просто переедут через камни, либо столкнут их в сторону. Но им придется сбавить скорость, да и экипаж не будет так пристально глядеть по сторонам. Тут-то у Мерикура и появится шанс. Камни он положил под толстой веткой, которая нависала над дорогой и была достаточно прочной, чтобы выдержать тяжесть Мерикура. Конечно, его могут заметить, но шансы на успех довольно велики, если он попробует прыгнуть на прицеп с рудой. Прыгать на пассажирскую машину

не имело смысла: люди непременно обращают внимание на генералов, которые сваливаются на заднее сиденье их машины прямо с небес.

Мерикур занял позицию на толстой ветке, и ему оставалось только ждать. Через четыре часа горло у него совершенно пересохло, все мышцы затекли, а шея обгорела на солнце. С большой неохотой Мерикур слез с ветки и сделал перерыв. Он немного размялся, смазал шею противоожоговой мазью из спасательного комплекта, выпил воды и почувствовал себя гораздо лучше.

Пока он отсутствовал, по дороге никаких машин не проезжало. Он опять взобрался на свой «насест». Солнце нещадно палило в спину, минуты текли медленно. В конце концов Мерикур забылся тревожным сном, уверенный, что, в случае чего, ПИР его разбудит.

Так и произошло. «Эй, соня, просыпайся. К нам гости».

Глаза Мерикура моментально открылись. Немного погодя он услышал громоподобное мощных двигателей и ощутил подрагивание ветки. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем огромный тупорылый трактор пролязгал под ним, вздымая клубы пыли.

За трактором катились шесть прицепов с рудой. Мерикур решил прыгать в самый последний.

Как он и надеялся, преграда из камней заставила трактор немного замедлить ход. Четвертый прицеп, пятый, наконец, шестой прицеп, покачиваясь, появился под ним.

Мерикур глубоко вдохнул и скатился с ветки. В тот же самый момент ПИР забил все радиоприемники и интерком трактора высокочастотными электронными помехами.

Водитель и охранники были слишком заняты поиском затычек для ушей, чтобы заметить, как что-то упало в последний прицеп. У Мерикура от удара спиной о кучу руды перехватило дыхание, и некоторое время он не шевелился, боясь обнаружить, что сломал себе что-нибудь после падения с трехметровой высоты.

А потом он начал чихать. В первый момент он испугался, что делает это слишком громко, и попытался подавить чихание, но быстро понял, что рев трактора перекроет даже духовой оркестр. Теперь ему оставалось только не высовываться и надеяться, что водитель не остановит трактор, чтобы проверить прицепы.

Да и зачем ему останавливаться, если за любым кустом могли прятаться повстанцы? Трактор будет идти и идти, пока не достигнет Порт-Сити.

Вполне довольный своей относительной безопасностью, Мерикур немного разгреб сыпучую руду, устроился поудобнее, лег на спину и стал наблюдать за проплывавшими в небе облаками. Они принимали самые фантастические формы. Один раз он даже увидел вдалеке белый конверсионный след от высоко летящего ПДШ и вспомнил о том, что ему сейчас надо бы делом заниматься, а вместо этого он лежит себе на спинке и валяет дурака.

Он мысленно поторопил трактор. И как бы в ответ на это трактор перевалил через гребень очередного холма и начал длинный пологий спуск в Порт-Сити.

Положение майора Фаутс было весьма скверным. Полковник Хендерсон, который командовал всем отрядом морской пехоты, попал под огонь снайпера и получил пулю промеж глаз. Это происшествие сделало Фаутс старшим офицером, и она оказалась лицом к лицу с бесконечным списком военных проблем, стоящих перед любым командиром.

Они, разумеется, не шли ни в какое сравнение с политической проблемой, возникшей из-за исчезновения Мерикура. Он пропал пять дней назад и, вероятно, погиб. Фаутс имела полное право отменить поиски и постараться завершить операцию на Теллере так, чтобы «не потерять лицо».

Но как сказать об этом жене генерала? Особенно если она не хочет слушать. Бетани Виндзор сидела напротив Фаутс и просматривала доклады поисковых партий за этот день. Она искала малейший намек на то, что муж ее все еще жив. Она занималась этим каждый день. Фактически с первого дня исчезновения Мерикура.

Наплевав на запреты, генеральская жена взяла один из ПДШ для проведения собственных поисков с воздуха, но потерпела неудачу, перебазировалась в командный пункт

и превратила жизнь Фаутс в ад. Продолжение поисков превратилось из бессмысленного в абсурдное, но кто взял бы на себя смелость сказать леди, чтобы она села и заткнулась?

Разумеется, только не майор Фаутс, которая лелеяла мечту сделаться в один прекрасный день полковником.

Снаружи донеслись раскаты грома. Первые крупные капли застучали по броне БТРа. Вскоре все вокруг потонуло в шуме дождя.

Фаутс откашлялась.

Бетани посмотрела вверх; все еще прекрасная, она в свете люминесцентных светильников выглядела изможденной – глаза воспалились, кожа приобрела нездоровый серый оттенок. Она спала даже меньше, чем те три или четыре часа, которые удавалось выкроить Фаутс.

Она посмотрела Фаутс прямо в глаза с такой надеждой, что слова застряли у майора в горле.

– Я знаю, что вы собираетесь сказать, майор, но мой муж еще жив.

Внезапно рядом с бронетранспортером раздались чьи-то голоса, сапоги застучали по металлическим ступенькам. Фаутс обернулась и замерла, открыв рот, не в силах оторвать взгляд от появившегося в открытом люке привидения.

Генерал Мерикур.

Грязный, мокрый, похудевший на несколько килограммов, но все же это был генерал собственной персоной!

Он широко улыбнулся:

– Майор, на вашем месте я бы прислушался к словам моей жены. Она всегда права.

«9»

Пока все, кого пригласили в бункер, входили и рассаживались по местам, Мерикур огляделся. Бункер был достаточно просторен для подобного рода помещений, с дощатым полом, складными стульями и столом для заседаний, сделанным из снарядных ящиков. Стол был завален картами, распечатками, обертками от еды и какими-то тряпками.

Портативный пульт связи и куб полевого головизора стояли у дальней стены, представлявшей собой, как и остальные стены, земляную насыпь, закрытую листами пластика. Повсюду змеились провода, в воздухе стоял голубоватый дымок. Присутствовал весь командный состав, включая майора Фаутс, пять или шесть других старших офицеров, Сенду, администратора Нугумбе и Бетани.

Она категорически отказалась вернуться на орбиту – по правде говоря, он не очень-то и хотел, чтобы она улетала. Патруль морских пехотинцев остановил трактор с прицепами примерно за двадцать миль до Порт-Сити для обычного досмотра на предмет контрабанды. Взамен контрабанды там нашли изнуренного генерала.

Затем был короткий перелет на базу к его персональному бронетранспортеру. Он на всю жизнь сохранит в памяти голос Бетани, когда она говорила Фаутс, что он жив, и выражение ее лица, когда он шагнул в люк. Через минуту она обрушила на него всю свою ярость – что ж, обычная реакция после стольких дней неопределенности и страха за его жизнь. Но даже это показывало, что он ей не безразличен.

Мерикуру хотелось очень многое ей сказать, но, как обычно, их личные отношения отошли на второй план.

Все наконец заняли свои места и выжидательно посмотрели на него. Мерикур откашлялся:

– Приветствую всех. Полагаю, кофе и бутерброды нам уже готовят. Когда их принесут, не стесняйтесь, у нас самообслуживание. Прежде всего позвольте извиниться за причиненное моим отсутствием беспокойство. Я знаю, что многие из вас участвовали в поисках.

Мерикур посмотрел на Бетани. Она улыбнулась.

Со всех сторон слышались выражения несогласия, возгласы типа: «да что вы, никаких проблем» и «мы рады вашему возвращению, сэр».

Мерикур улыбнулся:

– Спасибо, но давайте поставим все на свои места. Я дал маху. Обещаю, что никогда больше не позволю себе ничего подобного. Что касается других возможных ошибок, что ж, у каждого есть на них право, и он может использовать свой шанс.

Все облегченно рассмеялись.

– Большинство из вас знает, что я не единственный, кто провел последние несколько дней в джунглях. Эйтор Сенда, старший политический советник губернатора Виндзора и мой тоже, только что вернулся из отдаленных районов. Думаю, всем будет интересно его послушать. Эйтор!

Сенда встал и вышел на середину бункера.

– Благодарю вас, генерал. Это верно, я пробыл несколько дней в джунглях... Подозреваю, что провел их приятней, чем вы. Я присоединяюсь ко всем остальным и приветствую ваше возвращение.

Все зааплодировали. Сенда подождал и снова заговорил. Его лицо посерьезнело, и Мерикур заметил, что он волнуется.

– Мне жаль, что мои новости... не слишком хорошие. Воспользовавшись разведывательной сетью, созданной моими сподвижниками на Церне, я связался с некоторыми лидерами повстанцев. То, что я услышал, вселяет тревогу.

Крайне важно, чтобы все уяснили: хоть Джому и является общим лидером повстанцев, помимо него есть еще семь полевых командиров-церниан и два командира-человека. И если Джому борется за независимость Церны и за установление контроля над Теллером, то некоторые из подчиненных ему командиров считают, что это полная чушь. Они бы предпочли членство в Пакте как полноправные партнеры.

Сенда сделал паузу и оглядел собравшихся.

– Губернатор Виндзор согласен с ними, и я тоже. Несмотря на мое присутствие здесь, я тоже лояльный цернианин и знаю, цена независимости Церны – война, в которой она не выживет. На карту поставлено кое-что еще. Мы прибыли сюда, чтобы воплотить в жизнь идеи губернатора о равенстве всех разумных существ. И тогда, имея Теллер в качестве примера, эти идеи распространятся повсюду.

Немного поколебавшись, Сенда продолжил свою речь, но на этот раз не открывал глаза от пола и говорил каким-то монотонным речитативом:

– Теперь все под угрозой. Я считал, что Хайкен Мару и ее политика эксплуатации инопланетного труда будут самой большой нашей проблемой. Будучи этноцентристом, как любое разумное существо, я полагал, что церниане действуют исходя из более высоких моральных соображений.

Сенда опять остановился. Когда он продолжил, в его голосе слышалась огромная печаль.

– А затем я узнал, что военная фракция Церны объединила силы с Хайкен Мару, чтобы захватить Теллер.

Раздался общий вздох удивления, люди в немом изумлении смотрели друг на друга. Мерикур знал, что они сейчас чувствуют. Сенда рассказал ему все это несколько часов назад, а он до сих пор не мог прийти в себя от неожиданности. Зачем Церне брать Хайкен Мару в союзники? И для чего Хайкен Мару вступать в союз с Церной?

Инопланетянин заговорил вновь:

– Я вижу, вы удивлены. Это понятно, я тоже был весьма удивлен. Но каким бы нелепым ни казался этот союз, если вы проанализируете сходство и различие обеих рас, вы найдете в нем смысл. Например, и люди и церниане вполне прагматичны. Фанатизм, конечно, является важной частью корпоративной культуры Хайкен Мару, но гораздо важнее его – концепция прибыли любой ценой. Столкнувшись с непрерывными финансовыми потерями, для их снижения конгломерат выбрал наиболее выгодную стратегию, даже если

это и означает сотрудничество с троллями.

Собравшиеся закивали. Да, в этом весь Хайкен Мару! Все правильно!

– С другой стороны, военная фракция Церны ненавидит людей, но находится под постоянным давлением оппозиции. Альянс с Хайкен Мару предоставляет удобный случай получить поддержку общественности благодаря легкой победе на Теллере. У обеих сторон есть общие мотивы, чтобы найти компромисс. Именно это они и сделали.

Сенда мигнул обоими глазами, то есть пожал плечами по-церниански.

– Соглашение не приносит чести ни одной стороне. Ни людям – Хайкен Мару согласился уступить Церне контроль над Теллером и согласился выплатить все жалование рабочим, как людям, так и цернианам, и обеспечить их транспортом, чтобы покинуть планету. Ни цернианам – Церна позволит Хайкен Мару бесконтрольно разрабатывать природные ресурсы Теллера и поможет привезти новых рабочих. Они будут набраны из представителей расы, называемой мак. Их будут эксплуатировать точно так же, как раньше церниан.

Чем больше Сенда говорил, тем сильнее на лице его проступал гнев.

– Другими словами, дамы и господа, одна угнетаемая раса будет заменена другой. Я говорю от имени губернатора Виндзора, когда заявляю, что такое положение неприемлемо. Мы прибыли сюда не для того, чтобы содействовать только цернианско-человеческому равенству, – мы прибыли сюда положить начало движению за равенство всех рас, и я клянусь семьей моей матери, именно этим мы и будем заниматься! Прошу извинить за чрезмерную резкость и эмоциональность моего выступления. Благодарю за внимание.

С этими словами Сенда вернулся на свое место.

Мерикур встал и кивнул Сенде.

– Спасибо, Эйтор, в извинениях нет необходимости. Подозреваю, мы все разделяем ваши чувства. – Он кашлянул.

– Если проанализировать сообщение Эйтора, можно сделать вполне вероятный вывод, что сюда уже направляется эскадра космического флота Церны. Интересно отметить тот факт, что, несмотря на это, атаки повстанцев продолжаются с прежней интенсивностью. Но это еще не все. Компьютерный анализ показал даже небольшое повышение общей активности. Это противоречит нашим ожиданиям. Зачем нести потери, если скоро прибудет поддержка? Факт продолжения боевых действий заставляет предположить, что высшее руководство повстанцев не уверено в соглашении между Церной и Хайкен Мару. Я хочу напомнить, что повстанцы – информаторы Эйтора – вовсе не обязательно доверяют Джому. Вполне возможно, между ними существуют разногласия, которыми мы можем воспользоваться.

Во всяком случае, полагаясь на альянс с Хайкен Мару, цернианский флот не будет ожидать сопротивления, когда совершит посадку. И сильно просчитается. В этом будет их ошибка. С вашей помощью я собираюсь устроить в их честь хороший прием. Приглашаются все присутствующие.

Все, кто сидел за столом, засмеялись; некоторые – нервным смехом.

Когда все успокоились, Мерикур сказал:

– Но прежде всего мы должны установить над планетой полный контроль. Если мы будем сражаться на два фронта, и с повстанцами, и с силами вторжения, мы проиграем. Это ясно. Поэтому мы должны разгромить повстанцев и сделать это в рекордно короткий срок. Мы не знаем, когда прибудет цернианская эскадра, но мне кажется, времени осталось немного.

Он улыбнулся:

– Во время прогулки по джунглям у меня было много времени на размышления. Я думал и о том, как вести боевые действия в джунглях. Военная история полна примерами кампаний в джунглях, и у них у всех много общего. Они ведутся грязными методами, причиняют много страданий обеим сторонам и длятся очень долго. Даже если бы мы и хотели ввязаться в такую кампанию, у нас нет на это времени.

Он сжал губы.

– Поэтому я придумал альтернативу. Подобно большинству планов, этот тоже не совершенен, и в нем слишком много мест, где я полагаюсь на удачу, но я считаю, что это наш единственный шанс установить полный контроль над Теллером до прибытия цернианского флота. Майор Фаутс проинструктирует подразделения через два часа. Благодарю за внимание.

На следующий день Мерикур стоял на вершине холма и наблюдал за ходом подготовки операции «Бумеранг». Центральным ее пунктом являлось создание огромной транспортной колонны, с помощью которой предполагалось доставить припасы на пятнадцать шахт Хайкен Мару.

Мерикур организовал колонну при содействии Трилинга, который помогал ему с большой неохотой. Ведь менеджер Хайкен Мару знал, что цернианская эскадра уже в пути, и знал, что после ее прибытия он сможет передвигаться куда угодно и как угодно.

Если, конечно, не произойдет ничего такого, что перевесит чашу весов в другую сторону.

Поэтому, не желая до прибытия флота выдавать свою приверженность альянсу Церна – Хайкен Мару, Трилинг был вынужден идти на уступки. Мерикур же постарался со своей стороны еще больше отравить ему жизнь.

Прочитав предыдущие запросы Трилинга о помощи, Мерикур отрядил морских пехотинцев очистить склады Хайкен Мару от всех имеющихся там припасов и погрузить их на машины колонны. Он также снял практически все подразделения, охранявшие Порт-Сити, и поставил их на охрану колонны.

Когда ранним утром огромная транспортная колонна появилась у главных ворот Порт-Сити и направилась в джунгли, она представляла собой удивительное зрелище и внушала трепет. Рассматривая в бинокль детали, Мерикур насчитал пятьдесят мощных тракторов, каждый из которых тянул пять или шесть доверху набитых прицепов. С обеих сторон колонны двигались бронетранспортеры, где сидели вооруженные до зубов морские пехотинцы. Небольшие и юркие разведывательные машины быстро сновали в разных направлениях, а вооруженные скорострельными пушками и пулеметами тяжелые аэрокары скользили над верхушками деревьев. В нескольких сотнях метров над ними грохотала полная эскадрилья ПДШ, и корабли отбрасывали на землю треугольные тени.

Гигантские клубы пыли висели над дорогой. Радио в командном бронетранспортере Мерикура трещало от ведущихся на всех частотах переговоров. Мерикур улыбнулся.

Перед его взором разворачивалась одна из самых впечатляющих и абсурдных сцен, какие он когда-либо видел. Но это было как раз то, чего и ждали повстанцы: накачанные мускулы вместо мозгов. И Мерикур надеялся обратить их ожидания против них же самих.

Джому, несомненно, знал, что колонна собирается в дорогу. В конце концов ее формировали прямо на глазах многочисленных шпионов и информаторов. Приказы, которые определяли места в колонне всем подразделениям, несущим охрану Порт-Сити, были развешены на стенах домов. Затем, просто для уверенности, что у повстанцев будет достаточно времени для ответных мер, Мерикур назначил выход колонны на утро, предоставив повстанцам чуть ли не полсуток «форы». Они не догадуются об этой игре в поддавки. Пока войска Мерикура будут бродить где-то у черта на куличках, повстанцы обязательно попытаются захватить Порт-Сити.

Мерикур не имел ни малейших сомнений, что Порт-Сити, удерживаемый войсками, которые прошли такую же хорошую подготовку, как и повстанцы Джому, сможет успешно противостоять любой контратаке морских пехотинцев.

Тогда Мерикуру останется только открыть свои козырные карты и надеяться на лучшее. Если его расчет окажется правильным, он установит контроль над всей планетой. Если нет – погибнет.

«Но, – мрачно подумал он, – со мной погибнут и они».

Джому передал бинокль Лошадиной Шкуре и сказал:

– Посмотри сам. Эти идиоты вывели из города всю морскую пехоту.

Лошадиная Шкура был высоким худощавым человеком. Карие глаза сверкали над плоскими скулами, а нос крючком напоминал ястребиный клюв. Длинные черные волосы свисали ниже плеч по моде его предков. На этом сходство со стариной и заканчивалось. Лошадиная Шкура был вооружен современными пульсаторами, носил гибкий бронекостюм с искусственной вентиляцией, который плотно облегал его мускулистое тело. Лошадиная Шкура был самым сильным и популярным из двух командиров-людей. Поэтому именно он был приглашен на совещание.

Джому смотрел, как Лошадиная Шкура перенастроил бинокль и направил его на транспортную колонну. Высокий человек долго молчал, затем вернул бинокль Джому и недоверчиво качнул головой.

– Мне это не нравится, Джому. Как-то все не вяжется. Возможно, это ловушка.

Джому заморгал.

– Но в чем она заключается? Твои собственные люди осмотрели весь город. Кроме гражданского населения и одного отряда морской пехоты, там никого не осталось. Если бы Мерикур спрятал где-нибудь большой отряд, твои люди обнаружили бы его. Вдобавок мои разведчики провели приблизительный подсчет количества морских пехотинцев, назначенных охранять колонну, и солдат, оставленных на базе. В сумме получилось почти восемь сотен.

– А что, если остальных они высадят с орбиты, когда мы по дурости ввяжемся в драку?

Уголки губ Джому опустились вниз.

– Тогда мы сожрем их со всеми потрохами. В наших руках будет укрепленный периметр обороны Порт-Сити и достаточно войск, чтобы его удержать. У них будет не больше шансов захватить периметр, чем было у нас, пока эти идиоты не отправили всех своих людей охранять колонну.

Лошадиная Шкура посмотрел на огромную тучу пыли и нахмурился. В словах Джому был здравый смысл. Но все же он не мог избавиться от предчувствия беды. Если бы из этого положения существовал почетный выход...

Но выход отсутствовал.

– Ладно, Джому. Мы в этом участвуем. Каков твой план?

Нугумбе проехала через главные ворота на своей колесной машине и помахала скучающему часовому.

Она улыбнулась. Если план Мерикура сработает, часовому не придется долго скучать.

Без обычных патрулей морских пехотинцев и службы безопасности Хайкен Мару улицы казались пустынными. Лавки закрылись рано, в забегаловках не было посетителей.

Осторожные обыватели закапывали свои деньги и ценности в землю.

Как обычно, по городу циркулировал полный набор слухов, причем некоторые были очень близки от истины, и никто не обратил особого внимания, когда Нугумбе припарковала машину возле своего дома и вышла из нее.

Внимательно осмотрев окрестности и убедившись, что никто за ней не наблюдает, Нугумбе обошла машину и открыла самый большой из трех багажников.

– Все чисто, генерал, можете выходить.

Мерикур со стоном распрямил длинные ноги и выбрался наружу.

– Не считите за грубость, но мне казалось, вы везете меня прямо в преисподнюю.

– Ну, не знаю, – чопорно произнесла Нугумбе, – некоторым очень нравится ездить в моем багажнике. Давайте-ка я помогу вытащить ваши вещи.

Она нагнулась и взялась за один из двух больших пакетов, привезенных Мерикуром. Пакет, похоже, весил целую тонну. Она положила его назад.

– Хотя вам, наверное, хотелось бы присмотреть за ними самому.

– Нет проблем! – Мерикур подхватил первый пакет, затем второй без видимых усилий.

– Куда теперь? Я чувствую себя так, будто меня выставили на всеобщее обозрение.

– Идите за мной.

Нугумбе приложила ладонь к сенсорной панели замка и открыла дверь. Мерикур

переступил порог, и его окутала прохлада. Кондиционер в доме Нугумбе работал прекрасно. Мерикур положил пакеты на пол и осмотрелся.

В любом другом месте апартаменты Нугумбе сошли бы в лучшем случае за средние, но на Теллере они казались верхом роскоши. Солнечный свет струился через широкое окно, яркие картины украшали стены, а комфортабельные кресла просто зазывали усесться в них и отдохнуть.

– Очень мило, – прокомментировал Мерикур. – Мне нравится. У вас прекрасный вкус.

– Спасибо, – отозвалась Нугумбе, заметно польщенная. – Могу я предложить вам перекусить? Или сначала хотите осмотреть остальные помещения?

Мерикур раскрыл было рот для ответа, но тут послышались звуки отдаленной канонады и тревожный вой сирен. Атака повстанцев началась. Мерикур улыбнулся:

– Как насчет комнаты для гостей? Я бы с удовольствием вздремнул.

Фаутс выругалась сквозь зубы. Эта чертова ситуация совершенно сбила ее с толку. Она поступила на службу в морскую пехоту не для того, чтобы проигрывать.

Она так и сказала Мерикуру.

– По поводу ваших приказаний, сэр, – нет ли другого способа добиться успеха?

Мерикур оторвался от светящегося куба полевого головизора и поднял бровь.

– Вы собираетесь оспаривать мои приказы, майор?

– Никак нет, сэр, я поддерживаю ваш замысел на все сто. Просто... ну... Я просто не понимаю, что происходит.

Мерикур похлопал ее по спине.

– Не мучайте себя так, майор. Кроме Эйтора, я больше никого не посвятил во все детали плана. Что, если вас возьмут в плен? Того, чего вы не знаете, вы рассказать не сможете. Возвращайтесь на свое место и позаботьтесь, чтобы все выглядело по-настоящему.

Фаутс поджала губы.

– Слушаюсь, сэр. Но «чтобы все выглядело по-настоящему» означает бой, а без потерь боя не бывает. Мне не нравится бросаться жизнями ради плана, смысла которого я не понимаю.

Взгляд Мерикура внезапно стал тверже камня, а в голосе зазвучал металл:

– Хватит болтовни, майор. Вы получили приказ. Выполняйте!

Размышления Фаутс прервало сообщение связиста:

– Это третья рота, майор. Они несут тяжелые потери у главных ворот.

Фаутс скрипнула зубами.

– Прикажи им держаться, черт возьми. На то мы и морская пехота.

– Их там только горстка, отче, но они не отступают, – доложил посыльный, который тяжело дышал после беготни по улицам. Джому терпеливо ждал, пока юный цернианин не переведет дыхание и не заговорит опять. – Но это не все, отче. Горожане стреляют в нас с крыш и устраивают засады в переулках. Отче Лата запрашивает указаний.

Джому изо всех сил постарался сдержать улыбку.

– Пусть отче Лата убивает всех.

Посыльный изумленно посмотрел на него.

– Других указаний не будет, отче?

– Нет, – ответил Джому, – других указаний не будет.

Мерикур прилег, но обнаружил, что не может уснуть. Ему мешали выстрелы на улице. Его люди сражались и умирали. Он был убежден, что любой другой план приведет к еще большим потерям... Но затем появилась майор Фаутс и спросила, нельзя ли поступить по-другому.

Бой прекратился около полуночи. Мерикур молился, чтобы потери были незначительными. Ему хотелось знать, что делает Бетани. Он поначалу собирался отправить ее на крейсер Ямагучи, но, учитывая приближение цернианской эскадры, они рассудили, что на поверхности планеты опасности не намного больше. Когда он наконец задремал, ему приснилась Бетани.

К восходу солнца Порт-Сити полностью находился под контролем повстанцев. Джому разместил свой командный пункт на центральной площади, оборонительные рубежи города были подготовлены на случай контратаки, процесс интернирования персонала Хайкен Мару шел полным ходом.

Джому знал, что транспортная колонна вернулась поздно ночью, но войти в город не смогла и расположилась на военной базе.

Он улыбнулся. Их было слишком мало, и они вернулись слишком поздно. Внутри Порт-Сити находилось около двух тысяч повстанцев, почти все его силы. Более чем достаточно, чтобы дать отпор морской пехоте.

Конечно, их корабли все еще находились на орбите и могли обратить Порт-Сити в расплавленный камень, если бы захотели. Но Джому не верил, что у них хватит решимости на это – принимая во внимание захваченный им в плен персонал Хайкен Мару. Они сначала попытаются предпринять что-нибудь другое. А когда придет подмога с Церны, флот Пакта окажется беспомощным.

Джому услышал громкий взрыв. Пустое здание в полуквартале от его командного пункта взлетело на воздух. Взвыли сирены, и повстанцы, занервничав, принялись стрелять куда попало. Джому выбежал на улицу.

Он вернулся через десять минут. Наверное, это взорвалась шальная ракета, или какой-то дурак вздумал поиграть с гранатой. Все это уже не имело значения.

За столом Джому сидел человек, одетый, как морской пехотинец. В левой руке он держал какое-то устройство, похожее на передатчик. Дружеская улыбка, которой он приветствовал Джому, не могла, однако, скрыть его напряжение.

Густые седые волосы непрошеного гостя и золотые кометы на погонах ясно говорили, кто он такой.

– Я ожидал вашего прихода, генерал Мерикур, – произнес Джому. Он был уверен, что сможет застрелить Мерикура, прежде чем тот успеет вытащить свой пульсатор. Но знал: такое простое решение проблемы будет совершенно ошибочным. – Однако я полагал, что сам выберу подходящее для встречи время.

– У меня к вам просьба, – сказал Мерикур. Голос его слегка дрожал, и это показывало, что генерал говорил совершенно искренне. – Если ни вы, ни я не станем действовать чересчур поспешно, мы вполне сможем избежать ненужных осложнений.

«Если он так боится капитулировать, то почему он...»

– Я нахожусь здесь, чтобы принять вашу капитуляцию, командир Джому.

– Что?

Едва заметное движение руки Мерикура моментально остудило инстинктивное желание Джому выхватить пульсатор и положить конец этому абсурду.

«Его левая рука, – подумал цернианин. – А что, если у него там...»

– Я привел с собой двух компаньонов, – продолжал Мерикур, кивнув на кусок брезента, который отделял койку Джому от рабочего отсека его палатки. – Они сейчас войдут сюда – не бойтесь: они будут двигаться очень медленно и не станут делать резких движений.

Сказав это, Мерикур встал. Сейчас он походил на тигра перед прыжком. Брезент отодвинулся, и в палатку вошел человек, какой-то цернианин подталкивал его в спину одной рукой, а другой зажимал ему рот.

– Мне пришлось его удерживать, – объяснил цернианин, освобождая человека. Это оказался менеджер Трилинг, и опять Джому машинально схватился за пистолет. Потому что если и существовал человек, заслуживающий смерти, так именно этот...

– Мерикур! – прорычал Трилинг. – Когда все это прекратится...

– Джому! – воскликнул Эйтор Сенда, брат Джому.

– Эйтор! – с не меньшим изумлением вскричал Джому. У него закружилась голова. – Я знал, что наши позиции не совпадали, но подумать, что один из членов Гнездовья Сенда может стать предателем...

Цернианин, которого Мерикур до сих пор знал как политического советника

губернатора, шагнул вперед и отшвырнул Трилинга с дороги так же легко, как раньше удерживал его.

– Джому, – начал было он, но затем остановился. Джому видел по глазам брата, что он вот-вот готов вызвать его на поединок... – Джому, – повторил Эйтор. Было видно, что он изо всех сил старается сдержаться. – Мы поговорим об измене и о Гнездове позже... А сейчас лучше выслушай генерала Мерикура.

– С моей смертью наша борьба не закончится, – сказал Джому. – Теперь уже нет. Для вас все кончено, и...

– Эта штука – дистанционное управление, – произнес Мерикур и показал пульт, который он держал в левой руке. – Она не сработает, пока я удерживаю переключатель. На другом конце линии – взрыватель термоядерной боеголовки мощностью двадцать мегатонн. Боеголовка зарыта в центре Плазы.

Он кивнул в ту сторону, где, по его мнению, находилась главная площадь Порт-Сити.

– Что-что? – спросил Трилинг и свирепо глянул на Мерикура.

– Если я отпущу переключатель, – Мерикур говорил совершенно спокойно, будто речь шла не о ядерном взрыве, а о чем-то несущественном, – от Порт-Сити останется только кратер. Город исчезнет с лица земли вместе со всеми вашими повстанцами. Испарится. Навсегда. И от всех от вас даже мокрого места не останется.

– Вы этого не сделаете! – рявкнул Джому.

– Вы не посмеете! – завопил Трилинг, сжал кулак, но Сенда перехватил его руку.

– Командир Джому, – тихо сказал Мерикур, – я остаюсь в выигрыше при любом раскладе. Вы капитулируете и принимаете мои предложения по реорганизации администрации Теллера...

– У вас нет таких полномочий! – начал было Трилинг, однако Эйтор сильнее сдвинул ему руку и напомнил, в каком положении тот находится.

– ...которые и в ваших интересах тоже, и, надеюсь, я смогу вас в этом убедить, – невозмутимо продолжал Мерикур. – Или же вы стреляете в меня, я отпускаю переключатель, боеголовка детонирует, а войска Пакта добивают то, что останется от ваших повстанцев. Только горстка моих солдат окажется в радиусе поражения.

– Мерикур! – выпалил Трилинг. От изумления он даже не осознал, чем взрыв боеголовки грозит ему самому. – Если вы посмеете разрушить собственность Хайкен Мару, вы с губернатором Виндзором – покойники!

– В городе полно людей, – сказал Джому. – Вы не посмеете...

– Людей Хайкен Мару, – негромко сказал Сенда. – Поверь ему, брат.

– Я не могу ему верить, – сказал Джому и демонстративно повернулся лицом к выходу из палатки.

– Я так и знал, что этим кончится, – произнес Мерикур. Мгновенным рывком он выхватил пульсатор и выстрелил.

Скорость его реакции ошеломила Джому больше, чем сам факт выстрела. Он понял, что слишком оптимистично оценивал свои шансы, думая, что сможет выхватить оружие и выстрелить, прежде чем непрощенный гость успеет прореагировать...

Затылок Трилинга словно взорвался, мозги разлетелись в разные стороны, кровь забрызгала брезентовый потолок и стены палатки.

Тело Трилинга медленно опустилось на пол.

Внезапно в палатку ворвался часовой.

– Отче! – крикнул он. Его винтовка запуталась в брезенте, он попытался высвободить ее, но Джому обхватил часового обеими руками.

– Стоп! – крикнул он. – Не надо, все в порядке. Возвращайся на пост.

– Но...

Джому вытолкнул часового наружу и повторил:

– Все в порядке.

Однако сам себя Джому спросил: «А так ли это?..»

Вместо того чтобы вернуть пульсатор в кобуру, Мерикур положил его на стол.

– Боеголовка тоже настоящая. И переключатель.

Он моргнул несколько раз. Сверху ему на лицо упали капли крови Трилинга, которыми был забрызган потолок палатки.

Эйтор отвернулся и тоже вытер лицо.

– Мы просмотрели записи Трилинга, – равнодушно произнес он. – Десяток полков регулярной армии Церны в данный момент направляется к Теллеру.

– В данный момент? – повторил Джому и расправил плечи. – Взрывайте свою боеголовку, генерал. Час освобождения этой планеты пробил в любом случае.

– Все не освобождения, брат, – возразил ему Эйтор. Он повернулся и пристально поглядел на Джому. – Они летят на кораблях Хайкен Мару.

– Это невозможно! – рявкнул Джому.

– Почитайте записи Трилинга, – вступил в разговор Мерикур. – Там все сказано.

Улыбка генерала очень напоминала ту, с которой он застрелил менеджера конгломерата.

– Прибыльное соглашение, выгодное всем – кроме рабов из расы мак, которых доставят сюда на замену цернианам.

– Брат Джому, – произнес Эйтор, – я не предатель. Я не изменил ни самой Церне, ни любой политической группе на Церне, которую Гнездовье Сенда могло бы поддержать, не запятнав своей чести.

Джому Сенда в ярости хрустнул пальцами рук.

– Я не... – начал было он, уставившись на свои сильные, покрытые шрамами руки, но замолчал, поднял глаза и посмотрел сначала на брата, затем на Мерикура. – Я не для того провел два года... – он решительно рубанул по воздуху ребром ладони, – два года в джунглях, чтобы церниане превратились в рабовладельцев наподобие Хайкен Мару. – Джому с минуту помолчал, потом сказал: – Генерал Мерикур, с этого момента мы объявляем прекращение огня. Если записи менеджера Трилинга подтвердят ваши слова, я капитулирую. Клянусь честью Гнездовья Сенда.

Он низко поклонился Эйтору и добавил:

– А так как мой брат за вас ручается, у меня нет сомнений в том, что насчет записей вы меня не обманываете.

Братья Сенда заключили друг друга в объятия.

Мерикур услышал зуммер – это ПИР требовал к себе внимания.

«Если ты спишь и видишь, как бы покончить с собой, то я – нет. С твоего позволения, сейчас я вызову оружейного специалиста и прикажу ему разрядить эту чертову бомбу».

Мерикур посмотрел на черную коробочку пульта и почувствовал, как этот кусок пластмассы в его руке внезапно потяжелел на добрую сотню килограммов.

– Да, – ответил он ПИРу. – Думаю, это хорошая мысль.

Через три часа бомбу разрядили, двустороннее прекращение огня вступило в силу, а Мерикур принимал на военной базе Джому как дорогого гостя. Начались первые осторожные переговоры. Представители заинтересованных сторон собрались за обеденным столом, который был накрыт в бункере Мерикура.

Присутствовали Мерикур, Эйтор, Джому, Нугумбе, Лошадиная Шкура, Фаутс и чиновники помельче. Был подан и съеден обед, состоявший из цернианских и земных блюд. На столе остались только пустые тарелки да грязные столовые приборы. В бункере наступила тишина. Люди пили традиционный послеобеденный кофе, церниане отхлебывали из высоких стаканов прохладный фруктовый сок.

– Они мне лгали, – печально произнес Джому. – Они знали, как бы я отнесся к любому соглашению с Хайкен Мару. Поэтому они обманули меня и сказали, что сюда идет цернианский флот. Я, конечно, поверил. А после приземления кораблей Хайкен Мару я бы уже не смог ничего изменить.

Джому перевел взгляд с Эйтора на Мерикура.

– Но даже с этим я бы смирился. Я солдат, а как утверждают люди, война делает друзьями кого угодно. Но порабощение народа мак – это совершенно другой поворот дела.

– Вот именно, – согласился Эйтор. – Я пошел на сотрудничество с людьми, чтобы искоренить рабство, а не распространять его по свету.

Джому в задумчивости поднял свой стакан. Как и все церниане, он предпочитал пить сок через соломинку. Так на Церне пили «сладкую воду»- сок растения лекуна, прямо из ствола дерева.

– Этот ваш губернатор Виндзор... Он это серьезно – насчет инопланетно-человеческого равенства?

– Уже одно то, что я – его представитель, доказывает, что да, – с улыбкой ответил Эйтор.

Карие глаза Лошадиной Шкуры блестели, он посматривал то на Эйдора, то на Мерикура. Свежие вмятины от стеклянных шариков на его бронекостюме напомнили Мерикуру о цене, которую пришлось заплатить третьей роте за то, чтобы этот разговор вообще состоялся. Из целой роты в живых осталось только двенадцать человек.

– Послушайте, – вступил в разговор Лошадиная Шкура, – так ли далеко заходит вера губернатора в инопланетно-человеческое равенство, чтобы он осмелился создать коалиционное правительство?

– Если это не противоречит законам Пакта, то создание коалиционного правительства возможно, – ответил Мерикур.

И Джому, и Лошадиная Шкура очень удивились. Они переглянулись, и Джому сказал:

– Давайте-ка поговорим об этом поподробнее.

И они заговорили. Разговаривали весь день и глубоко за полночь. О форме и структуре правительства, о законодательстве, о компенсации рабочим и о многом, многом другом. Многие из проблем, конечно, решены не были. Их просто наметили, а решение отложили на потом – когда будет время поговорить о них поподробнее.

Но к утру одно важное решение было принято: морская пехота и повстанцы объединятся и будут действовать сообща. А когда флот Хайкен Мару подойдет к планете, Теллер попробует начать с ним переговоры. Аргументы будут выдвинуты самые весомые: церниане, свободные граждане независимого Теллера, полным ходом создают коалиционное правительство. Это заставит фракцию войны Церны как следует задуматься, и очень может быть, что она отступит от своих планов. Такое решение проблемы все, кто был на совещании, сочли наилучшим. Но если церниане откажутся вступать в переговоры и начнут высаживать войска...

Тогда они встретятся с объединенными силами морской пехоты и повстанцев.

Такая перспектива очень беспокоила Джому, кадрового офицера цернианской армии. Он становился изменником! Но не освобождать же церниан ценой порабощения другой расы! Это самое настоящее кощунство! Что ж, в случае чего он, Джому, всегда сможет покончить с собой...

Тут он вспомнил мать Мафа, пожилую преподавательницу военной этики. Она никогда не читала лекций, подобно другим преподавателям военной академии Церны. Вместо того мать Мафа рассказывала кадетам истории о старинных войнах и древних битвах, и это было так интересно, так захватывало, будто кадеты видели все воочию.

И вот когда у кадетов дух захватывало, – так глубоко они переживали какой-нибудь древний конфликт, – мать Мафа внезапно ставила перед ними этическую проблему и приглашала кадетов обсудить ее. А когда все высказывали свое мнение, она подводила итоги.

Иногда и кадеты, и древние персонажи решали этические проблемы одинаково, но так происходило не часто. Мать Мафа никогда не ставила отметок. Она считала, что каким бы превосходным ни был предложенный ответ, решение, найденное через несколько веков, в тиши академических кабинетов, не имеет значения. Только решение, сделанное в тех же условиях, под давлением тех же обстоятельств, в которых находились древние герои, могло

бы чего-то стоить.

Но она говорила и другие вещи, вполне применимые для той ситуации, в которой теперь находился Джому. Такие вещи, которых не говорил больше ни один преподаватель.

Она говорила, что цель армии – сражаться, но делать это нужно в рамках гражданских законов, иначе будет разрушено все то, что армия как раз и призвана защищать. Джому находился на Теллере, чтобы помочь освобождению поработанных здесь церниан. Если ради этой цели приходится убивать рабовладельцев – что ж, пусть будет так. Но освобождение церниан ценой порабощения другой расы – это как раз и есть нарушение закона... И он, Джому, будет нести за это ответственность вместе с Хайкен Мару.

Перед мысленным взором Джому возникло покрытое морщинами лицо матери Мафа, ее искренняя радость, когда кадет правильно схватывал суть какого-нибудь непростого вопроса. Он услышал ее голос так явственно, будто она была рядом с ним: «Неплохо, маленький отче. Держись так и дальше, и кто знает – может быть, однажды я расскажу историю и о тебе».

Он улыбнулся про себя. Может быть, и расскажет. Интересно, а как она все это преподнесет кадетам?..

Следующие несколько дней были очень напряженными для всех, кого это касалось. Корабли Хайкен Мару могли появиться в любую минуту, поэтому всем казалось, что любое дело надо решать безотлагательно. Чтобы затея Мерикура удалась, оборону следовало организовать как можно лучше. А времени окончательно объединить силы морпехов Мерикура и повстанцев Джому почти не оставалось. Подразделения не были интегрированы друг с другом – кроме, пожалуй, связистов.

Однако войска находились под управлением одной командной структуры, действовавшей по единому боевому плану. Мерикур занимал пост главнокомандующего, Джому был его старшим офицером, а Фаутс и Лошадиная Шкура командовали батальонами. Несмотря на приглашение, Травис, полевой командир повстанцев-людей, наотрез отказалась присоединиться к Мерикуру. Ей вовсе не нравилась идея сражаться бок о бок с троллями, хотя сама она когда-то и была рабыней.

Поначалу приказов было немного, но постепенно их становилось все больше и больше, и войска пришли в движение. Для того чтобы по-настоящему объединить разнородные отряды в единое боеспособное подразделение, требуются месяцы. В данном случае солдаты этих отрядов принадлежали к разным расам, говорили на разных языках и получили разную подготовку. И хотя высшие классы Церны вполне прилично говорили на общепринятом языке Пакта – зачастую лучше, чем большинство людей, – низшие классы им не владели. А если учесть, что большинство повстанцев – как люди, так и церниане – не имели даже начальной военной подготовки, потенциальная возможность поражения была огромной.

Мерикур решил не трогать внутреннюю структуру обоих отрядов. Если повстанцам-цернианам придется сражаться со своими соплеменниками, они и так будут не в своей тарелке. Не стоит добавлять сюда еще и возможные разногласия с людьми. И поскольку для повстанцев боевые действия в джунглях – дело привычное, а для морских пехотинцев – нет, Мерикур использовал подразделения по-разному.

Он расположил морских пехотинцев в самом Порт-Сити и вокруг города в таких районах, где они могли бы использовать свое тяжелое вооружение, сражаясь с кадровыми частями цернианской армии. Повстанцам же предстояло укрыться в джунглях, устраивать там засады и нападать на неприятеля с флангов.

Защиту крупных шахт и ферм организовали так же, как и оборону Порт-Сити. Боевые расчеты морских пехотинцев заняли места у своих орудий, а мелкие группы повстанцев обеих рас затаились в окрестных джунглях.

Если защитный периметр будет захвачен, оставшиеся в живых морские пехотинцы воспользуются теми туннелями, которые давным-давно прорыли повстанцы, и скроются в джунглях. А после не успеют цернианские солдаты закрепиться на захваченных позициях, как повстанцы подорвут заложенные там фугасы. Тем временем другие повстанцы проведут

оставшихся в живых морских пехотинцев через джунгли на заранее подготовленные пункты сбора. Там отряды перегруппируются, пополнят свои запасы продовольствия и получат новое оружие.

Поэтому хотя Мерикур и предпочел бы иметь в своем распоряжении больше времени, в целом он был удовлетворен общим уровнем боевой готовности и полагал, что объединенные наземные силы под его командованием имеют неплохие шансы на успех.

С космическими силами дело обстояло совсем по-другому. После долгих раздумий Мерикур пришел к нелегкому решению. Он послал за Фаутс.

Она появилась минут через пятнадцать. Под глазами у нее было темно от переутомления. Ей приходилось работать по двадцать часов в сутки. Фаутс опустилась в кресло, положила обутые в десантные сапоги ноги на пустой ящик из-под провизии и устало вздохнула.

– Как приятно присесть хоть ненадолго. Да, кстати, генерал, хорошо, что вы отыскались после экскурсии по джунглям.

Она широко улыбнулась:

– До вашего возвращения я и не подозревала, что генералы делают хоть что-нибудь полезное.

Мерикур рассмеялся:

– Спасибо, майор. Я тоже рад, что вернулся. Вы отлично справились с ситуацией и проделали огромную работу в тяжелой обстановке. К несчастью, наши трудности на этом не закончились... Поэтому поговорим о наших кораблях.

Мерикур присел на край ящика, который служил столом для совещаний.

– Я решил отослать большинство из них обратно на базу Скопления. Как вы знаете, к нам идут битком набитые чернианскими войсками корабли Хайкен Мару. Если начнется драка, они наверняка получат повреждения или будут уничтожены. А потом конгломерат заявит, что подвергся неспровоцированной атаке, что на борту его кораблей не было оружия, а были только нанятые по контракту рабочие, или еще что-нибудь несусветное выдумает. Мы, возможно, и сумеем доказать, что все их обвинения – чушь, но к тому времени постареем и поседеем. Не думаю, что нам это доставит массу удовольствия.

Фаутс нахмурилась:

– А что будет, если эти корабли атакуют нас?

Хороший вопрос! Ответ на него Мерикур нашел не сразу. Он размышлял. Если Хайкен Мару вздумает это сделать, корабли прямо с орбиты превратят войска Мерикура в кучу дерьма. Но ведь есть же и другой выход...

– Если это произойдет, – ответил Мерикур, – компания лишится довольно приличной части своей собственности, а я сильно сомневаюсь, что она пойдет на это. Нет, путь к господству над Геллером – на его поверхности, а не в космосе, и именно здесь мы и станем драться.

Лицо Фаутс ничего не выражало – уж она-то умела прикинуться дурочкой, когда нужно было скрыть свои чувства. Фаутс думала: «Так точно, сэр, вы совершенно выжили из ума, сэр, но я исполню все, что прикажете, сэр». Вслух же она произнесла:

– Слушаюсь, сэр. Что-нибудь еще?

Мерикур прекрасно понял, что его приказ отнюдь не привел Фаутс в восторг. Он улыбнулся.

– Да, вот еще. Разыщите мою жену и отправьте ее на корабль капитана Ямагучи. Передайте, что мы с ней свидимся теперь только в Скоплении Гармония.

– Слушаюсь, сэр.

Фаутс встала, четко откозыряла и вышла.

Мерикур принялся за работу, которую он ненавидел больше всего, – тыловое обеспечение. Он просидел за компьютером несколько часов, организуя снабжение войск в соответствии с заявками и отвечая на поток звонков.

За стенами бункера слышался непрерывный гул. Шаттлы прилетали и улетали. До

отлета эскадры тонны продовольствия и боеприпасов должны быть доставлены, складированы и распределены. Бетани улетит с одним из этих шаттлов. Мерикур будет скучать без нее, но гораздо лучше знать, что она находится в безопасности.

Наконец он выключил терминал компьютера, встал и с наслаждением потянулся. Потом надел портупею с кобурой, взял шляпу и вышел из бункера. Теперь рев шаттлов смолк, и снаружи стояла непривычная тишина. Над головой Мерикура сверкали звезды, отовсюду доносились звуки ночной жизни военной базы. С противоположной стороны бронетранспортера раздался негромкий смех: это сержант Уилкер отпустил одну из своих коронных шуточек. Потрескивали электрические разряды на установке связи, вдали послышался охотничий крик ночной птицы.

Осторожно ступая в темноте, Мерикур пробирался среди множества ящиков, зачехленных пушек и припаркованных машин. Он направлялся к своему катеру, который походил на гигантское насекомое. Коленчатые посадочные опоры превратили катер в какого-то великана-паука. Разогретое за день керамическое покрытие катера слегка потрескивало, сжимаясь от ночного холода. Вот и весь флот Мерикура. Да плюс еще корвет, барражирующий на расстоянии нескольких световых часов от планеты. Мерикуру стало смешно.

– Стой! О, простите, сэр. Я вас не узнала в темноте.

Женщина-часовой появилась откуда-то из тени у подножия катера.

– Все в порядке, рядовой. Как твоя лодыжка?

Солдат Слокам растянула лодыжку во время высадки. Мерикуру ее имя встретилось в списке больных.

Слокам была приятно удивлена.

– Уже все в порядке, сэр.

Мерикур приложил ладонь к сенсорному элементу замка на люке катера.

– Рад это слышать, солдат. Не подпускай сюда никого всю ночь. Я хочу немного отдохнуть.

– Никто не подойдет, сэр, – решительно ответила Слокам.

Раздалось шипение, люк открылся, и Мерикур шагнул внутрь катера. Он подождал, пока сработает автоматика шлюза и откроется внутренний люк. Лампочки горели вполнакала. Он не стал увеличивать их яркость. Красные, зеленые, янтарные «глаза» мигали ему из своих электронных берлог.

Раздевшись, Мерикур прошел в крохотную душевую и удовлетворенно вздохнул, когда теплые струйки воды забарабанили по его обнаженной коже. Он простоял под душем долго, вода массировала его тело, а из мышц и сознания уходило напряжение. Наконец Мерикур перекрыл воду и включил фен. Потом вышел из душевой и прошел по узкому переходу на корму, туда, где находилась его каюта.

Он нажал на кнопку. Люк открылся, и Мерикур шагнул в темноту. Он сразу понял, что в каюте уже кто-то есть, и знал, кто именно. Мягкий аромат духов Бетани ни с чем не спутать. Мерикур сел на койку. Его коснулись нежные руки. Он хотел что-то сказать, но теплые мягкие губы прильнули к его губам, и слова замерли в груди у Мерикура. Он медленно провел рукой по бедру Бетани, и в мире не осталось никого, кроме них двоих...

ПИР Мерикура лежал в темной рубке на куче скомканной одежды и размышлял над проблемой сна. Общая концепция казалась ему совсем не привлекательной. Что, если его вообще больше никогда не включают? ПИР и вздохнул бы, да не умел. Электронные приборы не имеют легких. А жаль.

«10»

Мерикур проснулся от какого-то нудного, монотонного гудения. Он поглубже зарыл голову в подушку, надеясь, что гудение прекратится, но оно не утихало. Наконец Мерикур сдался, на ощупь отыскал переговорное устройство, нажал на кнопку и рывкнул:

– Ну что там еще стряслось? Я же приказывал – без причины не беспокоить!

Эйтор Сенда развеселился:

– Боевая эскадра на орбите Теллера – это достаточно веская причина? Или я ошибаюсь?

– Веская, – ответил Мерикур и резко сел на постели. – Иду немедленно.

Он выключил транслятор и начал выпутываться из простыней.

– Куда ты? – спросила полусонная Бетани.

Она протянула руку и прижала Мерикура к себе.

Он нежно поцеловал ее в висок.

– Мне нужно на службу. Корабли Хайкен Мару подошли к Теллеру. У них на борту несколько тысяч чернианских солдат.

Она улыбнулась:

– Какая невоспитанность! Разве можно являться с визитом без предварительного звонка?

Он зарылся носом в мягкую ложбинку между ее шеей и ключицей.

– В самом деле? Что-то я не припомню, чтобы ты звонила вчера вечером.

Она слегка куснула его за плечо.

– А ты жалеешь об этом?

– Жалею? Сейчас я покажу тебе, как я жалею.

– Да неужели? А как же черниане?

– Черниане? Ах да, я совсем забыл...

Мерикур скатился с койки, открыл шкаф и принялся искать свежий форменный комплект.

– Послушай... В самом деле, а как ты очутилась в моей постели? Я думал, ты уже на борту «Бремертон», у Ямагучи, в полной безопасности...

Бетани уселась на койке и обхватила руками колени.

– Я была там. А потом передумала, села на шаттл и вернулась.

– Ты частенько это проделываешь?

– Что именно?

– Передумываешь.

Она улыбнулась:

– Например, передумала насчет тебя?

– Да.

– Однако я была права.

Мерикур натянул сапоги и встал.

– Права насчет чего?

– Что ты хотел заполучить меня в свою постель.

Он нагнулся и крепко поцеловал ее в губы.

– Точно. Насчет этого ты была права. А теперь вставай и одевайся. Я хочу, чтобы ты как можно скорее спустилась в бункер. Скоро здесь станет жарковато.

Мерикур вышел в коридор, остановился, надел португезу и прикрепил наконец ПИР, который, разумеется, сразу же не преминул съязвить: «Доброе утро, соня! Надеюсь, эта твоя деятельность по воспроизводству населения не слишком тебя утомила?»

Тут Мерикур понял, что оставил ПИР слишком близко от себя: чувствительные датчики электронного прибора прекрасно улавливали все действия человека на достаточно большом расстоянии.

– Заткнись, – проворчал Мерикур, – если не хочешь, чтобы тебя перепрограммировали.

«О, прошу прощения, – издевательски произнес ПИР. – Кстати, я тут на досуге сделал довольно интересные радиоперехваты. Мне заткнуться или сообщить информацию о них».

– Ладно, сообщай, – ответил Мерикур и козырнул часовому.

Мерикур направлялся в бункер. Он шел быстро, но делал вид, что вовсе не спешит. Нижние чины в совершенстве владеют искусством распознавать малейшие изменения в настроении главнокомандующего. Стоит слегка нахмуриться, и по любой военной базе

моментально начинают ползти слухи: «Я только что видел старика, он шел как в воду опушенный, бьюсь об заклад, мы влипли в громадную кучу дерьма...»

Вот потому-то Мерикур и не бежал, а шел и улыбался каждому встречному и поперечному.

Тем временем ПИР докладывал ему о радиопереговорах.

«Твой патрульный корабль обнаружил на орбите девять транспортов Хайкен Мару и – вот уж сюрприз так сюрприз – четыре военных корабля Пакта. Подожди-ка... Да, они заявили о себе именно так... Их командование хочет встретиться с тобой».

Голова у Мерикура пошла кругом. Интересно, почему это корабли военного флота Пакта сопровождали транспорты Хайкен Мару? Да какие там транспорты – по сути дела, сопровождали войска, которые вот-вот готовы вторгнуться на одну из планет Пакта! У Мерикура стало тяжело на душе, словно случилось что-то непоправимое.

Это чувство только усилилось, когда он вошел в бункер и увидел лицо Эйтора. Уголки рта чернианина были направлены вверх.

– Вы слышали?

Мерикур кивнул:

– Новость о военном эскорте? Да.

Он повернулся к офицерам, которые стояли поодаль, у самой стены.

– Майор Фаутс!

– Здесь, сэр.

Фаутс подошла к нему.

– Передайте всем подразделениям приказ: никому без моей команды огня не открывать. Ни морской пехоте, ни повстанцам. Одна ошибка, и мы по уши в дерьме. Вам все ясно?

– Так точно, сэр!

Фаутс повернулась к связисту, а Мерикур подошел к светящемуся кубу головизора. Теллер был спроецирован на экране как прозрачная сфера с нанесенной на нее сеткой координат. Стоило щелкнуть переключателем, и это изображение сменилось бы топографической картой, схемой геологического разреза или какой-нибудь другой картинкой из десятка запрограммированных.

Но сейчас Мерикура больше интересовало космическое пространство вокруг планеты, чем она сама. Транспорты Хайкен Мару изображались на головизоре в виде голубых треугольников, висящих над экватором планеты. Корабли Пакта были обозначены красными точками: два корвета, крейсер и линкор. Возле каждого имелись кодовые обозначения. Корабли кружили на более высокой орбите, чем флотилия Хайкен Мару; они защищали транспортные суда от возможной угрозы из космоса. Надежда Мерикура, что военные корабли прибыли случайно, а не в качестве эскорта, рухнула, как только он увидел, какую позицию они заняли.

Мерикур негромко выругался и повернулся к Фаутс.

– Ну что там у вас, майор? Что они говорят?

– Хайкен Мару запрашивает разрешения на посадку шаттлов, сэр. На борту линкора находится капитан третьего ранга Москоун, он хочет встретиться с вами.

– Передайте судам Хайкен Мару, посадка не разрешается. Скажите капитану третьего ранга Москоуну, чтобы прибыл сюда. Мои наилучшие пожелания командиру линкора. И вообще, будьте сама любезность! Узнайте, не нужна ли помощь – да придумайте сами, в конце концов!

– Слушаюсь, сэр.

Пока Фаутс выполняла его приказ, Мерикур налил себе кофе и постарался собраться с мыслями. От этой нежданно-негаданно свалившейся как снег на голову эскадры можно ждать чего угодно. Если бы флотилия Хайкен Мару пошла на посадку и открыла огонь из всех орудий, он бы знал, что делать. Но ситуация складывалась очень необычная. Корабли обнаглели настолько, что пожелали, видите ли, приземлиться, да еще в сопровождении

военного эскорта Пакта, а он, Мерикур, выглядел круглым идиотом со всеми своими приготовлениями к бою.

Да, но почему с ними вместе принесло этого Москоуна? Ему что, присвоили звание капитана третьего ранга без рекомендации непосредственного начальника – Мерикура? И даже не соизволили поставить его в известность? И вообще; линкором должен командовать как минимум контр-адмирал. Так где же он, спрашивается? Сидит в сторонке, наблюдает и посмеивается? Странно. В такой ситуации остается только надеяться на лучшее. Не на худшее же надеяться, правильно?

– Майор Фаутс!

– Да, сэр?

– Свяжитесь с командирами Джому и Лошадиной Шкурой. Проинформируйте их обо всем, что случилось. И еще, Фаутс... Скажите им, что я отказал судам Хайкен Мару в посадке.

– Слушаюсь, сэр. Я им скажу.

Мерикур знал, что Фаутс все поняла. У повстанцев имелись собственные средства связи. К этому моменту они уже сопоставили факты и почуяли, что дело плохо. Военный эскорт наверняка насторожил их еще больше, чем его. Один неверный шаг Мерикура, и вся их договоренность к черту пойдет. И будут морские пехотинцы болтаться, как дерьмо в проруби, между чернианами на орбите и повстанцами на поверхности Теллера.

Мерикур все на свете бы отдал, лишь бы этого не случилось.

Прошел целый час нервного ожидания. Суда Хайкен Мару оставались на орбите. Они подтвердили, что распоряжение Мерикура получено, и не делали попыток запустить шаттлы.

Мерикур им не верил. Они чего-то ждали – скорее всего, результатов визита Москоуна... А это означало, что им было известно, зачем флотский офицер хочет встретиться с Мерикуром, и что события развиваются по их сценарию, и Мерикур им подыграл – вольно или невольно.

В глубине души Мерикур тешил себя надеждой, что записи Трилинга – грубая фальшивка, что Ориана все-таки прислал на Теллер морских пехотинцев и использовал для их доставки транспорты. Такой вариант, конечно, не исключался, но чертовски маловероятно, чтобы Ориана действовал бы так грубо, как сейчас. Нет, если бы на кораблях Хайкен Мару пришла бы подмога, одуревшие от безделья флотские офицеры наперебой требовали бы посадки на планету, пехотинцы перегрызлись бы между собой за лучшие места высадки, а контр-адмирал раздавал бы тумаки направо и налево, призывая всех к порядку.

Москоун привез с собой какое-то послание. Оно не могло содержать ничего хорошего.

Когда Бет спустилась в бункер, Мерикур изо всех сил старался улыбаться как ни в чем не бывало. Но она видела его насквозь. Улыбнувшись в ответ, Бетани оставила его в покое, зная, что сейчас это лучший способ помочь ему.

Через несколько минут появился Москоун. Как и всегда, молодой офицер был похож на рекрута с рекламного плаката: тщательно отутюженная форма, надраенные до блеска сапоги, на лице – веселая улыбка.

– Приятно снова увидеться, сэр... Эйтор, рад нашей встрече... Мое почтение, баронесса, вы, как всегда, ослепительны...

Мерикур нахмурился. Москоун называл Бетани не по имени – он упомянул ее титул! Нет, нельзя подавать виду, что Мерикур это заметил.

– А-а, Пол... Весьма любезно с вашей стороны нанести нам визит, – равнодушно сказал Мерикур. – Полагаю, все эти военные корабли набиты морскими пехотинцами?

Москоун улыбнулся и без приглашения уселся в кресло.

– К сожалению, нет, сэр... Но я уверен, вы все поймете, когда ознакомитесь с посланием адмирала Орианы.

Москоун открыл портфель, вынул конверт и передал его Мерикуру.

На конверте Мерикур увидел личную печать адмирала Орианы. Что бы ни было написано в послании, оно было зарегистрировано и являлось частью официальной

документации флота. Ничего себе – письмецо!.. Мерикур просунул палец под клапан конверта, сломал печать и вытащил письмо, напечатанное на официальном бланке.

Ну, так он и знал! Что же за дела-то такие скверные?..

«Дорогой Ансон!

Надеюсь, что Вы в добром здравии и хорошем расположении духа. С сожалением узнал о Ваших затруднениях. Мне бы очень хотелось Вам помочь, но сейчас я не могу передать в Ваше распоряжение морских пехотинцев. Однако поскольку повстанцы на Теллере – в основном церниане, правительство Церны согласилось послать Вам на помощь свои войска, а Хайкен Мару любезно согласилась доставить их. Вы, конечно, понимаете, что правительство Церны не хочет ронять свой престиж и предпочитает само разобраться со своими соплеменниками (я всегда говорил: драться с троллем должен только тролль).

Во всяком случае, это решает Ваши проблемы, а до всего остального мне нет дела. Так что дайте троллям добро на высадку и позвольте им самим разобраться со своими непослушными сородичами. Однако не отдавайте им планету, в будущем она может нам понадобиться! Как только транспорты Хайкен Мару достигнут планеты, военному эскорту предписано вернуться на базу.

Капитан третьего ранга Москоун произвел на меня самое хорошее впечатление. Примите мои поздравления с правильным подходом к подбору кадров. Мне кажется, Москоун из тех офицеров, которых стоит всегда иметь под рукой.

Искренне Ваш – Ориана».

Теперь Мерикуру наконец стало все ясно. Ориана его подставил: Мерикур должен был позволить цернианам высадиться, но при этом он был обязан сохранить планету для Пакта. А это сделать будет совершенно невозможно, если церниане ступят на ее поверхность. Как мог Ориана быть настолько глуп?

Но Ориану глупцом не назовешь. Значит, он продался Хайкен Мару. И в случае потери Теллера Ориана обвинит Мерикура в некомпетентности, а инопланетян – в предательстве...

Мерикур представил себе, как Ориана печально качает головой: «Как и губернатор Виндзор, я полагал, что инопланетянам можно доверять. А Мерикур всегда казался мне надежным парнем. К несчастью, внешность бывает такой обманчивой... Несмотря на мой недвусмысленный приказ, он отдал планету в руки церниан. Но конечно, вся ответственность за этот инцидент лежит на мне».

Но всю ответственность ему нести не придется. Приятели Орианы решат дело в его пользу. В конце концов не его вина, а его беда – что предатели-инопланетяне наткнулись на неумелого выскочку Мерикура, что и привело Пакт к потере планеты. Да и вообще, этот Теллер – такая дыра... Если тролли хотят, черт с ней – пусть забирают...

Мерикура трясло от ярости, он едва сдерживался. Письмо он передал Эйтору. Цернианин прочитал и, нахмурившись, вернул письмо Мерикуру. Он собирался было что-то сказать, но посмотрел на Москоуна и слегка покачал головой.

Внезапно Мерикур понял, что инопланетянин прав. Ему самому следовало сделать тот же вывод, прочитав последние строчки письма. «Капитан третьего ранга Москоун произвел на меня самое хорошее впечатление. Примите мои поздравления с правильным подходом к подбору кадров. Мне кажется, Москоун из тех офицеров, которых стоит всегда иметь под рукой».

Да, если тебе нравятся шпионы. Ориана все продумал. Письмо приведет машину в действие, Мерикур совершит профессиональное самоубийство, а Москоун будет при сем присутствовать и все засвидетельствует. Вероятно, Москоун с самого начала был предателем, а может, просто позволял себя использовать.

Как бы добавляя последний штрих, ПИР Мерикура прошептал ему на ухо: «ПИР Москоуна ведет запись на всех частотах и тут же передает ее на корабль. У меня аж голова разболелась».

«Само собой, – подумал Мерикур. – Адмиралу Ориане понадобится полный отчет. Что ж, прекрасно. Он получит все, что хочет».

Мерикур заставил себя улыбнуться.

– Отлично, Пол, я рад вашему визиту. Мне бы очень хотелось, чтобы вы подольше задержались на Теллере, но, боюсь, это окажется невозможным.

Москоун удивился:

– Невозможно, сэр? Но адмирал сказал мне... Ну, что... В общем, он хотел, чтобы я остался тут и помог вам.

Мерикур сочувственно закивал:

– Адмирал Ориана такой заботливый... Однако мне необходимо послать ему донесение. Ситуация здесь изменилась, и довольно сильно. Я уверен, адмиралу захочется узнать ваши личные впечатления. Он очень высокого мнения о вас.

Москоун внезапно насторожился:

– Ситуация изменилась, сэр? Как именно?

Мерикур помахал письмом Орианы.

– Вы знаете, что здесь написано?

– Ну, документа я не читал, – осторожно ответил Москоун, – но адмирал был так добр, что вкратце пересказал мне его содержание.

Мерикур понимающе улыбнулся:

– Хорошо. Значит, вам известно, что он послал мне на помощь цернианскую армию. Чертовски остроумная идея. Хотелось бы мне, чтобы все наши старшие офицеры имели хотя бы десятую часть мозгов Орианы. Но, как я уже говорил, ситуация изменилась. Сейчас повстанцы умиротворены, они принимают участие в деятельности правительства, а я полностью держу планету под контролем. Все это означает, что мы не нуждаемся в содействии со стороны Церны. Мне, разумеется, неловко, что я сначала просил о помощи, а теперь от нее отказываюсь. Но когда адмирал получит мой рапорт, я уверен, что он все поймет правильно. Почему бы вам с майором Фаутс не выпить по чашке кофе, пока я набросаю письмо адмиралу Ориане?

Фаутс от изумления вытаращила глаза. Москоун встал:

– Но, сэр... Не думаю, что вам следует...

– Что? – поднял бровь Мерикур. – Вы конечно же не собираетесь обсуждать мои приказы?

– Разумеется, нет, сэр, но я...

– Можете идти, капитан третьего ранга. Прошу простить за резкость... Но я довольно занятой человек. Руковожу целой планетой, знаете ли.

– Слушаюсь, сэр.

Окинув взглядом весь бункер в поисках поддержки и не найдя ее, смущенный Москоун вслед за Фаутс вышел из бункера.

Мерикур хмуро посмотрел ему вслед.

– Говнюк, – произнес он так тихо, что только Эйтор мог его слышать. Шпион не шпион, говнюк или нет, не годится критиковать своих офицеров в присутствии нижних чинов.

– Настоящий гувот, – подхватил Эйтор. – Но как вы его отделали! Я слушал и восхищался. Жалко, что здесь губернатора не было. Уж он-то получил бы удовольствие!

– Я расскажу ему во всех подробностях, – пообещала Бетани. – Ты был восхитителен, Ансон. Я не читала письма, но догадываюсь, что там написано. Ты посадил Ориану в лужу!

Мерикур пожал плечами:

– Не уверен. Он может обвинить меня в неповиновении его приказам. Но если мы победим, Ориана побоится раздувать эту историю. Если же мы проиграем... Ну, нам лучше победить, правильно?

По-настоящему он боялся только того, что корабли Пакта попытаются силой добиться выполнения приказов Орианы.

Эйтор задумчиво произнес:

– Но церниане могут высадиться в любом случае. – Он приободрился. – Но если они

это сделают, то мы, как говорят люди, ударим их коленкой под зад.

Мерикур рассмеялся:

– Именно это и будет. Ладно, всякому овощу свое время. Сначала я должен написать письмо Ориане.

Он подошел к небольшому компьютеру, набрал свой личный номер и продиктовал письмо адмиралу:

«Уважаемый адмирал Ориана!

Не могу выразить, как я благодарен Вам за помощь. Капитан третьего ранга Москоун доложит Вам, что я уже полностью контролирую Теллер и цернианские войска мне не требуются. В связи с этим я собираюсь их отпустить, поблагодарив от Вашего имени за усердие. Еще раз спасибо за своевременную поддержку. Приношу свои извинения за причиненное беспокойство.

Я вполне согласен с Вашей оценкой способностей капитана третьего ранга Москоуна и перевожу его служить в штаб-квартиру под Ваше командование в надежде, что Вы сочтете его достойным и дальше продвигаться вверх по служебной лестнице. Он этого заслуживает».

– Билет на фронт всегда «туда», а не «обратно», – мрачно сказал Мерикур. Он подписался: «Генерал Мерикур», – записал ответ Ориане в память компьютера и распечатал один экземпляр для Москоуна. Потом положил лист в конверт, заклеил его и отправил с нарочным Москоуну.

Мерикур облегченно вздохнул: теперь он до отлета физиономии Москоуна не увидит.

Через полчаса шаттл Москоуна поднялся в покрытое облаками небо. Мерикур при этом не присутствовал. Он сидел глубоко под землей и обсуждал вместе с Джому и Лошадиной Шкурой последние детали своего плана.

Вскоре все его отряды, морская пехота и повстанцы, были приведены в состояние наивысшей готовности. Катер Мерикура взлетел и направился на секретную посадочную площадку глубоко в горах. Морские пехотинцы вокруг Порт-Сити еще глубже зарылись в свои окопы и землянки, повстанцы в окрестных джунглях еще раз прошлись наждаками по острым как бритва клинкам, а оставшийся у Мерикура корвет разогрел двигатели и приготовился к маневрированию.

Потом наступило ожидание. Связисты майора Фаутс пытались установить контакт с транспортом Хайкен Мару, но ответа не получили. Те, видимо, решили сначала узнать, что скажет Москоун, а уже потом собирались разговаривать с Мерикуром.

Все это время между линкором и самым крупным судном Хайкен Мару велись усиленные кодированные радиопереговоры. Когда же линкор сошел с орбиты и направился за пределы системы, Мерикур все понял.

Церниане решили остаться.

Немного погодя эскорт линкора тоже снялся с орбиты. Еще через два часа все четыре военных корабля исчезли в гиперпространстве.

Но транспорты Хайкен Мару, битком набитые цернианскими солдатами, остались. Они кружили над Теллером, как стервятники над падалью.

– Итак, действие второе, – мрачно заметил Эйтор. – Военный флот выполнил свои обязанности и удалился. Что бы теперь ни случилось, он в этом виноват не будет.

– Боюсь, вы правы, – согласился Мерикур. – События могут начать развиваться в любую минуту.

Майор Фаутс подала голос:

– Хайкен Мару на связи, сэр. Извиняются за то, что долго молчали, и спрашивают вас.

Мерикур посмотрел на Эйдора, потом на Бетани. Каждый из них улыбнулся и постарался принять бодрый вид. Мерикур тоже невольно улыбнулся им в ответ.

– Ну, посмотрим, чего хотят наши гости.

Он встал перед пультом связи и кивнул Фаутс:

– Соединяйте, майор.

Мерикур глядел на огромный экран, по которому побежала разноцветная рябь и

сгустилась в человеческую фигуру.

Нола Ранкоу. Те же длинные волосы, на этот раз заплетенные в косу, свисавшую через левое плечо на грудь. Те же самые пронзительные глаза, те же самые тонкие губы. Она говорила отрывисто, словно выплевывала слова.

– Мое почтение, генерал. Мы снова встретились.

– Вроде бы так, – равнодушно ответил Мерикур. – Чем могу помочь?

Ранкоу улыбнулась:

– Очень немногим. Однако я кое-что могу для вас сделать.

– Например?

– Помочь вам обуздать мятежников. На борту моих судов находится тысяча цернианских солдат. С их помощью мы возьмем повстанцев под контроль и восстановим нормальную работу шахт и рудников.

Мерикур изобразил изумление.

– Я удивлен, что капитан третьего ранга Москоун ничего вам не сказал. Повстанцы больше не являются повстанцами. Их представители вошли в коалиционное правительство Теллера. Полагаю, вам следует поблагодарить церниан от моего имени и отправить их домой. Я уверен, что губернатор Виндзор составит благодарственное письмо и переправит его на Церну по дипломатическим каналам. Примите мои извинения: к моему глубокому сожалению, я вынужден отказать вам в посадке.

Губы Нола сжались в ниточку.

– С того момента, как мы сюда прилетели, я только и слышу, что повстанцы удерживают Порт-Сити и множество других важных объектов. Вы можете считать это приемлемым. Я же – нет. И я собираюсь кое-что предпринять по этому поводу. Хайкен Мару заключила с правительством Церны соглашение, по которому церниане берутся обеспечить безопасность планеты, как внешнюю, так и внутреннюю. А мы продолжаем разрабатывать недра планеты. Не забывайте: Теллер принадлежит Хайкен Мару.

Ответ Мерикура прозвучал спокойно и ровно:

– А вы не забывайте, что Хайкен Мару подчиняется законам Пакта. Сенат должен одобрить переход права собственности на планету. Вы не можете просто взять да и подарить Церне планету, принадлежащую Пакту. У вас нет такого права. И по закону вы не можете высадить здесь войска. Любая попытка вызовет вооруженный отпор.

Ранкоу насмешливо хмыкнула:

– Тогда приготовься к смерти, ничтожный выскочка. Мои войска приступают к высадке.

«11»

Не успел еще потемнеть выключенный экран, как поток донесений сразу стал нарастать. «Цель номер один, цель номер два, всего три цели запускают шаттлы, сэр». Другой голос: «Два корабля перешли на траекторию снижения, сэр. Похоже, они собираются садиться». Опять первый голос: «Две цели развернулись и направляются за пределы системы, сэр. Они движутся намного быстрее, чем предполагается, и, кажется, настигают нашу консервную банку, сэр».

Какое-то время Мерикур слушал и размышлял, а потом начал отдавать приказы:

– Немедленно рассчитайте, где эти шаттлы могут сесть. То же самое – насчет двух транспортов. Предупредите корвет. Судя по скорости, это военные корабли, а не транспортные суда.

– Принято к исполнению, сэр.

– Хорошо. Отправьте на нашу жестянку послание. Диктую: «Губернатору Виндзору. Проблема повстанцев решена. Коалиционное правительство создано. Меня атакуют объединенные силы Хайкен Мару и цернианской армии. Намерен победить. Пришлите эскадру и ящик шампанского». Подпись: «Мерикур». Как только получите подтверждение о

приеме, прикажите жестянке прыгать в гиперпространство. Пусть поторапливаются!

Связист ухмыльнулся:

– Слушаюсь, сэр!

Через некоторое время о послании Мерикура станет широко известно. Оно поднимет боевой дух больше, чем сотня пламенных речей.

Однако Мерикур тревожился. Пройдет много дней, прежде чем прибудет подкрепление – это если допустить, что губернатор плюнет на самые неотложные дела, и военные, и политические, и соизволит заняться им, Мерикуром.

Численность войск Мерикура значительно уступала противнику. Ранкоу утверждала, что привезла с собой только тысячу солдат, но на таких огромных кораблях можно разместить и пять-шесть тысяч. А значит, на каждого из трех тысяч повстанцев и морских пехотинцев придется по два чернианина. Это вам не шуточки. И чернианские солдаты не какие-то там любители приключений. Это кадровые, хорошо обученные части, во главе которых стоят офицеры вроде Джому. Победа достанется нелегко, если вообще достанется.

Рядом с Мерикуром появился Эйтор Сенда.

– Я разговаривал по радио с моим братом. Командующий чернианскими силами, старый солдафон по имени Уноло, приказал ему атаковать нас.

– И что на это ответил ваш брат?

Эйтор улыбнулся:

– Сперва он высказал Уноло все, что думает о предательстве партии войны, затем посоветовал старикашке сесть на собственную клюку.

Мерикур засмеялся.

– Простите, сэр!.. – подошел к нему один из связистов.

– Да, капрал?

– Наша жестянка только что уничтожила один корабль и прыгнула через гиперпространство к Августине. Перед прыжком командир прислал вот это.

Связист протянул Мерикуру телеграмму. Тот развернул ее и прочел: «Прошу прощения, сэр, я просто не мог сдержаться», – и подпись: «Капитан Сискенс».

Мерикур постарался напустить на себя суровость: вокруг стояли младшие офицеры.

– Сискенс не имел права так рисковать. Когда все закончится, я с ним разберусь.

«И поставлю ему бутылку». Вслух он этого не сказал.

Вскоре тоненькая струйка донесений стала ручейком, затем рекой, наконец, хлынула потоком. Информация поступала со всех сторон, и Мерикур чувствовал, что превращается в какое-то подобие компьютера. Он, как машина, вбирал в себя информацию, рассортировывал данные, определял и рассчитывал возможное развитие событий и способы противодействия. Некоторые расчеты в конце концов окажутся неверными, но сам процесс принятия решений, основанный больше на интуиции и прошлом опыте, нравился Мерикуру.

– Лейтенант, получен приказ! – крикнул из окопа капрал Сингх. – Держаться, сколько сможем, а потом отступать в джунгли.

По прозрачному забралу каски лейтенанта Шаффера забарабанил дождь. Лейтенант поднял голову и посмотрел на небо. Голубые глаза, конопатый нос – Шаффер казался совсем мальчишкой.

– Хоть бы что-то новенькое придумали, – проворчал он, – а то отдают те же приказы, что и раньше. Дерьмоеды чертовы.

Хотя Хайкен Мару и постаралась уничтожить как можно больше спутников наблюдения, которые летали над Теллером, некоторые из них все еще функционировали. И, судя по информации, поступающей из космоса, шаттл неприятеля в данный момент направлялся туда, где находились позиции Шаффера, и мог выйти из облаков в любую минуту. Если этот шаттл того же типа, что и все другие шаттлы Пакта, то в нем находится около сотни солдат, да плюс еще снаряжение. Двадцать морских пехотинцев Шаффера встретятся с пятикратно превосходящими их силами противника. Конечно, в окрестных джунглях пряталось десятка три повстанцев, но Шаффер не знал, может ли он на них

рассчитывать.

Холодная рука страха сжала его внутренности.

«Ты не должен показывать, что боишься, – сказал Шаффер сам себе. – Солдаты боятся точно так же и считают, что ты вытащишь их из этой передраги».

В отличие от своего лейтенанта, большинство морских пехотинцев были опытными ветеранами. Шаффер не знал, страшно ли им.

Он просто думал, что и им тоже страшно.

Его позиции, однако, были не такими уж уязвимыми. Благодаря усилиям Хайкен Мару, горнорудная разработка номер 032 была хорошо укреплена в расчете на обычную атаку с земли. Тяжелая техника и химические дефолианты создали вокруг нее широкий «пояс безопасности». Сотни тонн вывороченной земли образовали покатую насыпь, увенчанную острыми, как бритва, стальными лентами и шипами. Но Хайкен Мару хотела снова вернуть разработку себе...

Шаффер совершенно не мог понять, зачем Хайкен Мару это нужно. От шахты и горнообогатительного завода остались только развалины корпусов, ржавый подъемный кран да перевернутый трактор.

Он пожал плечами и напомним себе:

– Нечего вопросы задавать. Прикажут – иди и умирай. А почему – это не твоё дело. Так, кажется, написано?

Он не помнил точно, где прочитал это, но весьма вероятно, что писатель был бравым служакой.

ПИР Шаффера произнес ему на ухо: «Извините за беспокойство, сэр, но шаттл пройдет облачный слой и появится в зоне видимости через тридцать одну секунду. Судя по всему, он пройдет над нами в бреющем полете. Я бы не осмелился потревожить вас, но мне кажется, сэр, что вам стоило бы принять какие-то защитные меры».

Это не ПИР, а лакей, самый настоящий! Лейтенант пришел в бешенство.

Он нажал на кнопку передатчика. Ждать и смаковать собственный страх? Развлечение, конечно, но на него больше времени не было. Шаффер крикнул в микрофон:

– Внимание, воздух! Всем в укрытие!

Тут он услышал рев двигателей. Шаттл наконец миновал облачный слой и пошел на малой высоте. Застучали скорострельные пушки, снаряды валили деревья и прорубали просеки в джунглях.

Шаффер дождался, пока все до единого морские пехотинцы укрылись в траншеях, повернулся лицом к шаттлу, сделал оскорбительный непристойный жест и нырнул в свое личное бомбоубежище, вырытое на глубине трех метров.

Земля там была влажной и прохладной, а на поверхности тем временем бушевал огненный ад.

Командир летного звена Марджори Фокс-Смит проверяла перед полетом работу механизмов и приборов. Эту процедуру она проделывала уже, наверно, в тысячный раз.

Неудивительно. Ей тридцать пять, и десять последних лет она – пилот. За эти годы Марджори доводилось летать на всевозможных аппаратах, от планера до небольших космических кораблей.

Марджори была красива. Густая копна темно-русых волос, правильный овал лица, большие зеленые глаза, безупречные белые зубы, пухлые губы бантиком...

Она считала свою внешность наказанием, посланным ей свыше за какой-то неведомый грех. Женщины ей завидовали, а мужчины просто проходу не давали. Но Марджори оказалась однолюбкой, а человека, которого она полюбила, уже не было в живых.

Краешком глаза командир Фокс-Смит наблюдала за Мелиссой, вторым пилотом. Щеки у нее были бледноваты, но Мелисса держалась молодцом.

«И правильно, – подумала Фокс-Смит, – что же ей еще остается делать? Ведь мы собираемся использовать в качестве истребителей-перехватчиков двенадцать неуклюжих посадочных шаттлов. Да еще и силы противника впятеро превосходят наши. И командует

нами генерал, который не может пролететь на аэрокаре сотню миль без того, чтобы не врезаться в джунгли».

Несмотря на свое брюзжание, Фокс-Смит невольно восхищалась генералом, Мерикуром. Хорошо быть прекрасным стратегом, если твои гениальные замыслы воплощают в жизнь другие люди. Если ты генерал и сидишь в безопасности в уютном бункере, то какого черта тебе беспокоиться?

Как обычно, эти умники в штабе планировали провести одни боевые действия, а на самом деле пришлось готовиться совсем к другим. Сперва никому и в голову не пришло, что возникнет нужда в самолетах-истребителях – пока не прибыл флот Хайкен Мару, а тогда оказалось уже слишком поздно. Поэтому, рассудив, что лучше иметь шаттлы, чем вообще ничего, Мерикур укрыл звено Фокс-Смит в джунглях. И теперь это звено будет изображать из себя целую воздушную армию. Если бы кто-нибудь поинтересовался мнением Фокс-Смит – а никого оно не интересовало, – то она бы ответила: «Все ваши замыслы весьма дурно пахнут, господа. Весьма дурно!»

Всю последнюю неделю Фокс-Смит, ее пилоты и почти сотня человек наземного персонала прятались в кратере потухшего вулкана. Тепло, которое все еще выделял древний магматический очаг, скрывало шаттлы от инфракрасных датчиков на орбите.

По крайней мере, у звена Фокс-Смит было то преимущество, что оно могло действовать неожиданно. И у врага, видимо, самолетов-истребителей тоже не было.

– В конце концов, – сказала Марджори пилотам, – Хайкен Мару не могла привезти истребители на своих торговых кораблях. Для них бы там места не хватило. Значит, нам предстоит сражаться с такими же шаттлами. И пусть у Хайкен Мару численное превосходство – зато у нас боевая подготовка лучше.

Сейчас командир Фокс-Смит искренне надеялась на это.

Она сказала вполголоса:

– Очистить площадку запуска!

Ее ПИР передал приказ всему звену. Снаружи завывала сирена.

Фокс-Смит заставила себя расслабиться, откинула спинку противоперегрузочного кресла и положила руки на колени. Мелисса рядом с ней сделала то же самое.

Датчики у них на скафандрах были соединены с компьютером разноцветными проводами. Пилоты будут управлять шаттлами с помощью обратной связи между их ПИРами и корабельным компьютером. Достаточно комбинации мускульных движений и устных команд, к штурвалу они даже не прикоснутся. В результате между замыслом и действием практически не останется временного интервала. Ручное управление будет задействовано только для аварийной посадки.

Фокс-Смит дала компьютеру команду:

– Наружный охват сто восемьдесят.

На внутренней поверхности прозрачного щитка ее шлема возникло трехмерное изображение кратера и начало перемещаться слева направо, совершая разворот на сто восемьдесят градусов. При желании Фокс-Смит могла бы изменить скорость движения картинки простым напряжением левого или правого указательного пальца.

Перед ее глазами поочередно появлялись закамуфлированное наземное оборудование, две зенитные ракетные установки, толпа техников, ожидающих взлета шаттлов. Фокс-Смит увидела готовые к старту челноки, увидела, как дрожит в кратере вулкана теплый воздух.

«Хватит тянуть время», – сказала она самой себе и произнесла вслух:

– Первый канал связи. Всем кораблям следовать за мной. Цель – впереди. Зададим этим ублюдкам жару, пока они не опомнились.

Двенадцать шаттлов взревели, взмыли вверх и полетели к выходу из кратера. Клубы пыли и песка с головой накрыли оставшихся на земле техников. Один из них, лысеющий коротышка, которого все здесь почему-то называли Тарахтелка, перекрестился и прошептал:

– Удачи тебе, Марджи.

Солдаты любой расы убеждены, что все снайперы чокнутые и других не бывает.

Чтоб в одиночку забраться на крышу здания или на дерево и стрелять в того, кто может ответить тем же, требуется незаурядная храбрость. И с каждым разом этой храбрости требуется все больше и больше, потому что снайперов в конце концов обычно убивают.

Так что тут нужно иметь особый склад характера. И Бока действительно был очень странным индивидом.

Ростом он был гораздо выше многих церниан, и это причиняло ему в детстве немало горестей, сверстники давали ему обидные клички типа «дылда» или «ходуля». Однако Бока быстро понял, что высокий рост может дать массу преимуществ, например, возможность задать трепку тем, кто над ним потешался. Привычка чуть что сразу лезть в драку, плюс к тому же угрюмый нрав и тяжелый характер и привели к тому, что Бока большую часть времени проводил в одиночестве.

Когда же Бока поступил на военную службу, убивать ему понравилось. Снайпером он стал с превеликой охотой.

Нет нужды говорить, что в снайперской школе он пришелся ко двору, хотя мало, кто из товарищей общался с этим угрюмым, злобным верзилькой. Но для снайпера общительность – не главное. В конце концов у Боки было превосходное зрение, отличная координация «глаз – рука», и ему на самом деле нравилось лазить по деревьям.

Но самым важным оказалась готовность Боки убивать. Требуется особый склад характера, чтобы навести мушку на подобное тебе разумное существо, хладнокровно рассчитать траекторию пули и нажать на спуск. Для этого необходима личность, подобная Боке.

Как и у всех цернианских снайперов, винтовка у Боки была изготовлена по индивидуальному заказу специально для него. Она представляла собой настоящее произведение искусства, где превосходно сочетались дерево, металл и электроника. Она никогда не смеялась над ним, никогда не обзывала его и никогда его не подводила.

После снайперской школы Бока получил назначение нести службу на цернианской луне. Однажды начальству для чего-то – неизвестно, для чего именно – потребовались добровольцы. Бока страшно скучал, поэтому он подал рапорт и положился на судьбу. Начальство нашло его кандидатуру подходящей, отправило еще в одну снайперскую школу и послало убивать представителей расы людей.

Этих людей он убил огромное количество. Теперь ему предстояло убивать своих сородичей-церниан. Боке было все равно: убивать так убивать. Тому его и учили.

Шаттлы неслись почти у него над головой, их двигатели надсадно выли, воздушная волна мотала ветки и листья взад и вперед. Ему казалось, что его раздели догола и выставили на всеобщее обозрение, хотя он знал, что на дереве, среди листвы, да еще в камуфляжной форме он со своей зеленой кожей практически сливался с листвой.

Два шаттла приземлились неподалеку от него на поляне. Бока прекрасно их видел. Весьма любезно со стороны челноков, что они сели именно там, где отче Джому и рассчитывал.

Шаттлы сначала обстреляли джунгли из автоматических пульсаторов и только потом выпустили трапы. Цернианские солдаты выскакивали из люков и занимали круговую оборону.

Бока водил винтовкой из стороны в сторону и наблюдал за высадкой через перекрестие прицела. Он шептал: «Бах! бах! бах!» – как будто стрелял в них. Он знал, что вокруг поляны притаились его товарищи, но ему было на это наплевать. У него была своя война, у них – своя.

Бока дотронулся до амулета, который висел у него на груди, и улыбнулся.

Лучший способ остаться в живых на войне – это вовсе не воевать. Именно в этом и заключался план Ларри. Он потихоньку ускользнул из своей части и отправился домой к подружке. Ларри надеялся спрятаться там и подождать, пока вся эта заварушка кончится, но, как на грех, подружка эвакуировалась из Порт-Сити – как и большинство горожан.

«Жаль, – подумал Ларри, – немного нежности и ласки мне бы не помешало».

Ларри не был тем, что вербовщики называли «первоклассным материалом». Служба в корпусе морской пехоты была для Ларри в тягость, да что там – самым обыкновенным наказанием. Прежней его вольготной жизни положил конец судья, предложив Ларри выбирать между казармой и тюрьмой на астероиде.

Лозунгом Ларри был девиз: «Плыви по течению», поэтому очень скоро он надел форму морского пехотинца. Начальную подготовку он до сих пор вспоминал с содроганием, но после ее прохождения Ларри открыл для себя те маленькие увертки, которые делали жизнь в армии вполне приемлемой, и даже научился получать от них удовольствие. Превратиться в труп не входило в его планы, поэтому Ларри устроил себе внеочередной отпуск. Ларри был высок, худощав и обладал извращенным чувством юмора.

Страхнув со спины ранец с зарядами и прислонив гранатомет к стене, Ларри завалился на подружку кровать и немедленно уснул. Рано или поздно ему придется выдумать историю, почему это он вдруг оставил часть и оказался здесь, но, как всегда, он отложил это на потом.

Кода нахмурился, увидев, что Нола Ранкоу надевает боевую амуницию. Его собственная была уже надета.

– Оставайся тут, – сказал он, – у нас есть кому делать черную работу.

Ранкоу посмотрела на него и улыбнулась:

– Странно, Кода. Раньше тебе нравилось, когда я убивала.

– Мне нравится все, что ты делаешь, – проворчал Кода, – но я не думаю, что тебе следует лезть к черту в пекло.

Ранкоу чувствовала себя польщенной, но постаралась это скрыть. На ее лице ничего не отразилось.

Она проверила свое оружие.

– Если верить радиоперехватам, штаб Мерикура находится совсем рядом с Порт-Сити. Отрубишь голову, и тварь сдохнет. Вот так.

– Я знаю, – упрямылся Кода. – Но пойми: я совсем не против того, чтобы ты руководила операцией. Нет, я против твоего присутствия в штурмовом отряде. У военной базы мощные укрепления. Если мы тебя потеряем, наша победа отдалится.

Кода любил ее. Нола растроганно глянула на него. Но сейчас она обязана исполнить свой долг. Нола вложила пистолет в кобуру и пристально посмотрела мужу в глаза.

– Ты будешь есть только то, что убьешь сам.

Несколько секунд они оба стояли неподвижно. Затем Кода пожал плечами и нехотя сказал:

– Тогда давай убьем Мерикура и покончим со всем этим.

«12»

Когда Шаффер выбрался из бомбоубежища, в голове у него еще звенело от сильнейших взрывов. Пилот Хайкен Мару, уверенный в том, что на поверхности не осталось ничего живого, посадил свой шаттл прямо на территории завода. Люки шаттла открылись, и оттуда посыпались цернианские солдаты.

С помощью жестов Шаффер отдал команду. Морские пехотинцы слева и справа от него закивали и принялись за работу.

Шаффер заполз на самый верх насыпи и принялся осматривать местность в бинокль. Церниане рассредоточились и начали по всем правилам военного искусства приближаться к станции. Но посадка была произведена в опасной для них зоне – невероятная ошибка, за которую им придется дорого заплатить.

Шаффер оглянулся через плечо и увидел жест сержанта Ланг, который означал: «Все готово». На коленях у сержанта лежал небольшой пульт, от него шел тонкий кабель и исчезал под землей. Шаффер просигналил: «Жди», – и снова посмотрел на цернианских солдат.

Неприятель подобрался уже совсем близко. Тут и там солдаты обменивались шутками на своем языке и смеялись. Нервные унтеры их одергивали. Еще несколько минут, и они подойдут вплотную к Шафферу.

Он отполз назад и перекатился на спину. Глаза сержанта Ланг встретились с его глазами, и Шаффер кивнул. Проворные пальцы сержанта отстукали быстрый ритм по клавишам пульта. Серия взрывов сотрясла землю, мины детонировали одна за другой, словно китайские петарды. Высоко взметнулись султаны из камней и пыли, тела цернианских солдат взлетали в воздух легко, словно тряпичные куклы, левое шасси у шаттла оторвалось, и кургузое крыло челнока вспахало землю.

Пилот шаттла запаниковал и попытался взлететь, но включился только один правый двигатель. Шаттл встал на дыбы и опрокинулся, придавив при этом десяток солдат.

Оставшиеся в живых церниане повернулись и побежали прочь, к джунглям. Это была их вторая ошибка. Спрятанные в джунглях пулеметы и минометы открыли огонь и начали рубить церниан в капусту. Повстанцы не подкачали.

Но сами морские пехотинцы не могли стрелять в церниан с тыла: они боялись своим огнем задеть повстанцев. Зато – черт возьми, вот незадача! – минометы повстанцев молотили чуть не по самым позициям морских пехотинцев Шаффера.

– Я не могу с ними связаться, сэр! – крикнул ему в самое ухо связист. – Наверно, их передатчик сломался, или они просто не обращают на него внимания, вояки дерьмовые!

Шаффер приказал своим людям укрыться в туннелях шахт и в убежищах и сам нырнул в туннель, изрыгая такие проклятья, что воздух вокруг него дымился.

Церниане не смогли выдержать кинжального огня и повернули обратно. К этому моменту половина валялась на земле, а те, кто остался в живых, пришли в отчаяние. Они мчались по направлению к заводу с одной мыслью: спрятаться за насыпью от наступающей их повсюду смерти. Они были уже в двух шагах от стальных заграждений, когда повстанцы поняли свою ошибку и прекратили огонь.

– Кусачки! У кого эти хреновы кусачки! – истошно вопил кто-то. Но ничто не длится вечно, и к тому времени, когда Шаффер со своими людьми выбрался из туннелей, на земляном валу находилось десятков пять взбесившихся церниан, которые рвали проволочные заграждения и жаждали крови.

Фокс-Смит с трудом проглотила комок в горле, когда на экране прямо перед ее глазами появилась радарная картинка. Точек, каждая из которых обозначала противника, было столько, что Фокс-Смит не осмеливалась их сосчитать. Несколько десятков шаттлов, все битком набитые солдатами, и все направляются к Порт-Сити. Город церниане уже атакуют – значит, это подкрепление. Как только оно подоспеет, у защитников города шансов не останется.

Что ж, на тот случай ее отряд здесь и оставлен.

И шаттлы Фокс-Смит, и корабли противника были похожи друг на друга как две капли воды. Точнее, как враг на врага. Все построены по одному стандарту, принятому в Пакте. Разведданные противника к тому же категорически отвергали наличие воздушных сил у Мерикура, вот почему Фокс-Смит удалось подобраться почти вплотную к самой крупной вражеской эскадрилье. Но сейчас Фокс-Смит в любую минуту ждала, что ее маневр противник раскусит.

Все зависело от того, как долго ей удастся блефовать и как долго командир неприятеля будет считать, что все идет нормально.

– Тихо, ребята, – негромко сказала она, – ждите моей команды.

ПИР Фокс-Смит подал голос: «Я перехватил на шестом канале зашифрованную передачу. Источник – флагманский корабль противника. Я попробовал расшифровать. Скорее всего, нас спрашивают, кто мы такие. Или отдают нам какие-то приказы».

– Передай на той же частоте, – приказала Фокс-Смит. – «Не могу расшифровать... проблемы с модулятором... прошу повторить последнюю передачу открытым текстом».

Еще несколько секунд, и ее шаттлы займут отличную позицию.

Ответ пришел. Фокс-Смит услышала равнодушный мужской голос:

– Командир группы – двенадцати неопознанным. Сдохший модулятор – самая мелкая из твоих проблем, киска. Назови свое подразделение и цель.

Фокс-Смит внимательно посмотрела на экран. Ее корабли заняли превосходную позицию: сверху и немного позади эскадрильи Хайкен Мару.

– Включай командирскую частоту, – приказала она ПИРу. – Передавай: «Поехали, ребята... Удачи всем». А сейчас шпарь открытым текстом: «Киска – командиру группы. Поцелуй себя в задницу и пошел к черту!»

Бока дважды нажал на спуск и увидел, как цель дернулась и упала. Он перевел ствол винтовки вправо и снова нажал на курок. Другие повстанцы, которые затаились на опушке, тоже открыли огонь, и началась самая настоящая бойня. Цернианские солдаты беспомощно метались в поисках малейшего бугорка или другого укрытия, а на них обрушивался со всех сторон шквальный огонь. Кое-кто из солдат побежал назад, к шаттлам, но те взрели, моментально поднялись в воздух и оставили тех, кто успел высадиться, на произвол судьбы. Умирать.

Какая-то женщина-офицер встала во весь рост, собрала свой взвод и повела его в сторону джунглей, но перекрестный огонь из пулеметов повстанцев буквально скосил ее солдат. Офицер упала, и почти весь ее отряд погиб вместе с ней.

Бока широко улыбался. Перед ним еще никогда не было столько целей. Осматривая поляну через прицел винтовки, он увидел санитаря, склонившегося над солдатом, у которого была разворочена грудь. Всякий раз, когда раненый делал вдох, из его груди бил фонтанчик крови. Санитар приложил к ране тампон и начал накладывать пластырь.

Бока улыбался, а микропроцессор его винтовки вычислял дистанцию, учитывал силу и скорость ветра, температуру и влажность воздуха, рассчитывал траекторию полета пули с учетом угла наклона ствола к горизонту.

«Каждый санитар стоит шести солдат».

Это была одна из тех фраз, которые он заучивал в снайперской школе. Умрет один санитар – значит, погибнут еще шестеро раненых солдат, оставшихся без помощи. Следовательно, работа снайпера заключалась в том, чтобы погибло как можно больше санитаров.

Бока как раз начал нажимать на спуск, когда что-то ударило его в левое плечо и отбросило на всю длину страховочного шнура. Винтовка выпала из его рук и повисла на метр ниже. Черт! Так по-дурацки поймать шальную пулю!

Потом последовал еще удар, на этот раз по правой ноге. Теперь Бока знал, что это было не случайно. По нему вел огонь такой же снайпер, как и он сам, выпускник той же школы, да еще и садист. Всякий, кто так хорошо стреляет, уже убил бы его, если не первым выстрелом, так вторым, а этот ублюдок просто играл с ним!

Не обращая внимания на боль, Бока переместился на другую сторону огромного ствола. Дерево закроет его. Бока нашел на ощупь и выудил из ранца аптечку, достал горсть тампонов и зажал их в зубах. Он полностью перенес центр тяжести своего тела на страховочный пояс, отпустил ветку, за которую держался, и первым делом занялся раненой ногой.

Пуля прошла навывлет. Бока приклеил на обе раны вакуумные бандажи, скрепил их повязкой и приложил пакет с заменителем крови к правому бедру, над тем местом, где проходила крупная вена. Через несколько секунд, точно определив положение вены, пакет впрыснул свое содержимое в кровеносную систему.

После этого Бока приложил несколько тампонов к плечу, подождал, пока они приклеятся, и проглотил капсулу с противошоковым средством. Почувствовав себя гораздо лучше, он осторожно выглянул из-за ствола.

Цернианские солдаты уже успели опомниться. Хотя многих из них повстанцы и перестреляли, оставшиеся в живых смогли подобраться к краю джунглей и начали бой. Что-то чиркнуло по левой щеке Боки. Эта скотина-снайпер опять вел по нему огонь! На этот раз

он хотел закончить работу, но промахнулся.

Скрипнув зубами, Бока отцепил страховочный шнур и полез вниз, иногда вздрагивая от боли, когда приходилось слишком сильно опираться на раненую ногу. Трижды, чтобы обогнуть самые толстые ветки, ему пришлось отцеплять страховочный шнур и вновь защелкивать его немного ниже. Это было утомительно, но обойтись без таких мер предосторожности было никак нельзя: легко мог оступиться и рухнуть вниз.

Метров через пять Боку окружила густая листва. Раны чертовски болели, и он остановился передохнуть. Намотав несколько слоев бинта вокруг головы, Бока остановил кровотечение, но щека все еще саднила.

Затем очень осторожно, стараясь, чтобы не шевельнулись листья, он подтянул к себе винтовку, которая висела на другом страховочном шнуре рядом с ним. Бока не торопясь положил ее на крепкую ветку и устроился поудобнее.

Инфракрасный видеоискатель сейчас был ему ни к чему: на поле боя валялось слишком много тел, они еще не успели остыть, и изображение размывалось. Поэтому Бока переключил прицел на оптическое увеличение и приткнулся к окуляру. Двигая прицел слева направо, он стал исследовать поляну метр за метром. Почему-то, сам не зная откуда, он был уверен, что эта сволочь снайпер все еще находится где-то рядом.

Волна головокружения накатила на Боку, вынудила его закрыть глаза. Он подождал, пока придет в себя, и продолжил поиск. Снайпер в конце концов проявит себя, а когда он это сделает, Бока пошлет в рай еще одну грешную душу.

Ларри проснулся от тяжелого грохота.

Спросонком он сразу не понял, что случилось. Потом догадался: это стреляют из пушек крупного калибра. Скорее всего, это самоходки или танки. Теперь Ларри проснулся окончательно. С улицы слышалось грохотание мощных двигателей, металлический лязг гусениц и треск автоматных выстрелов.

Ларри кубарем скатился с кровати и подскочил к окну. Маленькая квартирка его подруги находилась на верхнем этаже старого дома. Отсюда открывался хороший вид на центральные районы города.

Хоть Ларри и догадывался, что он увидит, зрелище все же поразило его. По Торговой улице шли два чудовищных танка. Их орудийные башни на ходу поворачивались, и длинные стволы походили на хоботы гигантских животных, вынюхивающих добычу. Через каждые двадцать метров танки поливали улицу из крупнокалиберных пулеметов, установленных в круглых башнях. Вдребезги разлетались стекла, заваливались стены, дома охватывало пламя.

Морские пехотинцы, которые с высоты казались совсем крохотными, на миг выскакивали из укрытий, чтобы дать очередь из пульсатора по неуклюжим машинам, и стремглав бросались обратно в переулки или в подъезды домов.

– Ну давай, – сказал сам себе Ларри, – приведи им на подмогу спеца по гранатометам. Из пульсаторов эти машины даже не поцарапаешь.

Танк, который шел первым, замедлил ход, и из его пушки вырвался сноп пламени. Ударная волна сотрясла стены дома, где находился Ларри. В двух кварталах от него, в самом начале Торговой улицы, рухнуло огромное здание склада. Штаб роты был в одно мгновение стерт с лица земли.

– Вот дерьмо-то! Что они делают!..

Все утверждали, что противник не станет уничтожать свою собственность. Но или этим ублюдкам было все равно, или положение их было таким отчаянным, что ради победы они готовы пойти на убытки.

Однако причины такого нелогичного поведения Хайкен Мару не имели для Ларри никакого значения. Он уже собирался было отойти от окна и отправиться на поиски местечка поуютнее, когда краем глаза уловил на улице какое-то движение.

Два морпеха выскочили прямо на дорогу. Один из них нес на плече курносую установку для запуска противотанковых гранат, другой тащил ранец с пятью запасными гранатами. Эти идиоты решили, что единственный способ подбить танк – выйти на открытое

место.

Длинные светлые волосы развевались из-под каски солдата, который нес ракетную установку. Без сомнения, это Сьюзен, значит, второй солдат – это Пегги. Эта парочка никогда не расставалась.

Но ни одна из девиц ни черта не стоила как гранатометчик. Ларри был лучшим спецом в округе. Это знали все. Выходит, они решили его заменить. Ларри похолодел, когда Сьюзен упала на одно колено, прицелилась и нажала на спуск.

Граната полетела точно в цель и срикошетила от наклонной поверхности башни танка, перелетела на другую сторону улицы и попала в пятиэтажный дом. Взрыв.

Тонны щебня и бетона обрушились на танк. На мгновение Ларри показалось, что обломки здания завершили то, что начала граната.

Но тяжелые танки спроектированы и построены так, чтобы переносить передраги и почище. Этот взревел двигателями, стряхнул с себя каменную лавину и выкатился из-под клубов пыли, изрыгая смерть. Пегги только еще вставляла вторую гранату в установку, когда крупнокалиберные стеклянные шарики настигли ее. Обеих женщин отбросило к стене.

Никто не слышал вопля ярости и стыда, который вырвался из груди Ларри. Пальцами он рвал себе лицо. Он был лучшим гранатометчиком! Сьюзен и Пегги погибли потому, что, кроме них, в роте никто не умел обращаться с этим оружием!..

Ларри схватил свой гранатомет, ногой выбил балконную дверь и поймал танк в прицел. Он поместил перекрестие прицела на зазор между башней и корпусом танка. Это было одно из слабых мест машины, к тому же высота давала Ларри преимущество. Он нажал кнопку «готовность» и дал гранате время запомнить цель. Он нажал кнопку «огонь» и слегка качнулся назад, когда снаряд покинул ствол гранатомета и устремился вниз.

Легких путей захвата укрепленной военной базы не существует. Нола Ранкоу знала это и приказала начать военные действия с ковровой бомбардировки.

Шаттлы звено за звеном заходили на цель, сбрасывали бомбы и поливали поверхность планеты огнем из скорострельных пушек. Наземный транспорт был полностью уничтожен, стальные каркасы обогатительных цехов расплавились, воронки множилось, пока не начали перекрывать друг друга.

Тем не менее морская пехота Мерикура оставалась цела. Много дней шахтеры, обученные специалистами Хайкен Мару, расширяли и углубляли туннели и бункеры, которые начали строить инженерные подразделения морской пехоты. В случае тревоги почти все солдаты Мерикура могли спрятаться под землю.

Но даже при том, что морская пехота бездействовала, а истребителей у Мерикура не было, силы Хайкен Мару все-таки набили себе немало шишек.

Повстанцы в джунглях прекрасно справились с портативными установками для запуска зенитных ракет, которыми их снабдил Мерикур. Чтобы атаковать базу, шаттлы вынуждены были идти над джунглями на бреющем полете, и маленькие ракеты теплового самонаведения моментально находили цель.

Шаттлы совершали противоракетные маневры, сбрасывали тепловые имитаторы и иногда даже уходили с боевого курса, но повстанцы два шаттла сбили наверняка, и один подбитый челнок, весь в дыму, сумел-таки уйти в сторону пологих холмов и скрылся из виду.

Зенитные установки морской пехоты, расположенные на базе, действовали автоматически и были оснащены полным набором ракет с тепловым и радарным самонаведением. Они предназначались для непосредственной защиты базы, и их автоматика срабатывала, только если шаттлы Хайкен Мару пролетали над ними. Но вот уж тогда-то они своего не упускали. Пять шаттлов развалились в воздухе, один врезался в землю, еще два получили серьезные повреждения.

Проследить точку запуска ракеты довольно легко, поэтому когда она попадала в один шаттл, другой тут же определял положение пусковой установки и уничтожал ее. И все же такой размен – шаттл за ракету – Мерикура вполне устраивал.

Он вовсе не следил за каким-то конкретным местом сражения. Боевые действия велись по всей планете, и дела Мерикура шли неважно. Силы Хайкен Мару пытались захватить ряд важных шахтных комплексов, Порт-Сити был атакован вражеской бронетехникой, да и по военной базе наносились непрерывные удары.

Мерикур почувствовал, как затряслась земля, когда Двухсотпятидесятикилограммовая «умная» бомба попыталась добраться до главной энергетической установки. Ей это не удалось, но светильники в бункере на мгновение потускнели, когда вышел из строя один генератор и включился запасной.

Сквозь щели потолка на голову Мерикура и за шиворот посыпалась земля. Он выругался и принялся отряхиваться. Связисты злорадно заулыбались. Они-то предусмотрительно натянули пленки над собой и над своим оборудованием.

Рядом с Мерикуром появилась Фаутс. Она была облачена в полный бронекомплект.

– Время подышать свежим воздухом, сэр. «Суслик – 1» докладывает: шаттлы Хайкен Мару приземлились, их пехота пошла вперед.

Мерикур щелкнул пальцем по собственной броне.

– Спасибо, майор. Что ж, пора наверх, поприветствуем наших гостей.

– Еще кое-что, сэр.

– Да?

– Похоже, они послали сюда отряды сил безопасности, состоящие из людей, а не кадровую цернианскую армию.

– Интересно, – задумался Мерикур. – Может быть, какому-то офицеру просто не нравятся инопланетяне? Ну, это мы скоро выясним. Бетани, ты где?

Он оглянулся, поискал взглядом жену – и оказалось, та стояла у него за спиной.

– Да, мой господин? – Бетани улыбалась. На ней был надет бронекастюр, в руках она держала автомат-пульсатор.

– Разве ты умеешь пользоваться этой штуковиной? – удивился Мерикур.

– Ну конечно же, – безмятежно ответила она, – чему нас только не учили в воскресной школе.

Мерикур хотел сказать, чтобы Бетани спряталась в глубоком туннеле, ведущем в шахту, где она будет в безопасности, но выражение ее глаз остановило его.

Он кивнул:

– Хорошо. Но я требую, чтобы ты подчинялась моим приказам. Считай себя моим телохранителем.

По крайней мере, так они будут все время вместе. Мерикур огляделся.

Связисты и техники оставили свое оборудование и надевали бронекастюры. Когда садятся вражеские корабли, деление на поваров, связистов или санитаров исчезает. Есть просто морская пехота.

Мерикур опустил щиток на каске и приказал:

– Ну-ка, парни, айда наверх! Надраим кое-кому задницу!

– Огонь!

Церниане, прорезав стальную проволоку, ворвались на территорию завода.

Но команда оказалась излишней. Морпехи палили со всех сторон, и отовсюду слышался отрывистый лай автоматных очередей. Одни церниане падали, другие на бегу открывали ответный огонь.

Какой-то морской пехотинец вскинул руки и упал на спину, вместо лица у него оказалась кровавая каша. Другой метнул гранату, но не успел спрятаться и получил автоматную очередь в грудь.

– Всем назад! – заорал Шаффер. – Назад, в туннели!

Повторять второй раз не было нужды. Морские пехотинцы, отстреливаясь, отступали и уносили раненых. По одному, по двое или по трое они ныряли в короткие вертикальные шурфы. На четвереньках, царапая ладони и колени, они устремлялись к джунглям, где находился вход в один из туннелей, прорытых повстанцами.

Сержант Ланг стояла перед неглубоким шурфом, пульсатор в ее руках взрывался короткими очередями.

– Давай, лейтенант! Все остальные уже внизу!

Шаффер тоже стрелял короткими, в десять выстрелов каждая, очередями.

– Вперед, сержант, я прикрою! – крикнул он. – Ты еще успеешь добраться до джунглей!

– Чушь собачья, сэр! Я не уйду без вас!

– Это приказ, сержант!

Шаффер повернулся к ней и нажал на спуск. Стекланные шарики взрыли землю прямо перед ее ногами. Вздвогнув от удивления, Ланг сделала невольный шаг назад и упала в шурф.

Лейтенант понял: чтобы дать его солдатам шанс добраться до джунглей, он должен отвлечь внимание черниан. Он что-то заорал и бросился в атаку. Автомат в руках Шаффера стрелял беспорядочно, куда попало – лишь бы слышались выстрелы. Что-то сильно ударило Шаффера в живот и в грудь.

Он упал на спину, раскинув руки, и капли дождя падали ему на лицо. Шаффер знал, что наложил в штаны. Вот черт! Его найдут лежащим вот так, со штанами, полными какашек, как у маленького ребенка, и подумают, что он сделал это от страха. Это было несправедливо. Ему стало так горько и обидно, что он заплакал.

В ушах у него раздался знакомый голос ПИРа: «Не плачьте, сэр. Я вызвал подкрепление. Оно вот-вот прибудет, сэр. Мне очень жаль, что я не смог позвать их раньше, сэр, но...»

Шаффер-перестал плакать. В нем поднялась волна бешенства.

– Перестань молоть чепуху! – сказал он.

«Простите, сэр? Я ослышался?»- удивился ПИР.

– Я сказал, прекрати нести чушь. Я уже давно собирался поговорить с тобой об этом. Боже мой – я умираю, а ты старательно лижешь мне задницу! Будь так добр, окажи мне услугу...

«Какую, сэр? – Молчание. – Сэр! Поговорите со мной... Я очень раскаиваюсь, если делал что-то не так... Не волнуйтесь, сэр, все будет в порядке».

Но все уже никогда не будет в порядке, и ПИР знал это. Шаффер умер, и никогда, никогда больше ничего в порядке не будет. Он умер, разговаривая со своим ПИРом, как с живым человеком, чего никогда раньше не делал, и просил оказать ему услугу.

О, ПИР отдал бы все, все на свете, только бы вернуть Шаффера к жизни!

Внезапно электронные датчики ПИРа ощутили поблизости источник теплового излучения. Его спектр соответствовал теплу чернианина. Источник приблизился, интенсивность излучения повысилась – это чернианин склонился над телом Шаффера. ПИР завизжал: «Не смей к нему прикасаться, слышишь, ты!»- но его никто не услышал.

Чернианин заметил волнистую черную полосу на погонах Шаффера. Человек-офицер! Солдат принялся обшаривать труп, не обращая внимания на розовые внутренности и кольца кишок, которые вывалились из огромной дыры в животе. Где-то на поясе у офицера должен быть укреплен миниатюрный компьютер, который чернианское командование так хотело заполучить в свои руки, что готово было заплатить целых сто друн. Минутку... Вот он! Весь залитый кровью, но совсем не поврежденный. Солдат ножом срезал ПИР с пояса офицера и поднес прибор поближе к глазам. Просто черная коробка. И что в нем такого особенного?

Вопрос навсегда остался без ответа, потому что когда ПИР произнес: «Я люблю тебя, лейтенант Шаффер», – чернианин услышать этого не мог.

А затем ПИР замкнул накоротко все свои цепи и расплавился. ПИРы почти всегда так поступали, когда погибал их хозяин.

Фокс-Смит и ее пилоты имели перед неприятелем огромное преимущество – внезапность – и в полной мере воспользовались им. Восемь шаттлов Хайкен Мару были сбиты в первые же сорок пять секунд сражения. В пяти из них находились солдаты – значит, атакующие Порт-Сити отряды недосчитаются пяти сотен. Если так и дальше пойдет, можно

говорить о победе.

На экране перед глазами Фокс-Смит одна картинка сменяла другую. И ПИР, и корабельный компьютер постоянно снабжали командира новейшей информацией. Вражеский строй распался, некоторые шаттлы очертя голову летели куда попало. Другие, нагруженные боеприпасами и продовольствием, вступали в бой. Но те челноки, на борту которых находились солдаты, удирали, зная, что бой с его резкими ускорениями размажет пассажиров в кровавую пасту.

Именно эти шаттлы и являлись главной целью Фокс-Смит. Каждый солдат, убитый в воздухе, означал, что ее товарищам на земле будет легче держаться.

– Не дайте им удрать, – приказала она. – Самое важное для нас – транспорты с живой силой.

В ответ нестройным хором донеслось: «Понятно», – и воздушные асы Марджори нарушили строй и бросились в погоню за шаттлами Хайкен Мару.

Слегка согнув правую руку, Фокс-Смит заложила правый вираж и прибавила скорость, немного выдвинув правую ступню. Под ее кораблем проносилась зеленая масса джунглей – хороший фон для прицела, если хочешь догнать и уничтожить вражеский шаттл. На борту своего шаттла Марджори не держала никакого груза, поэтому имела преимущество в скорости и маневренности. Сжав и расслабив левый кулак, Фокс-Смит развернула шаттл по оси против часовой стрелки и спрямила дугу преследования.

– Две ракеты... товсь!..

В верхнем правом углу экрана загорелось два огонька – значит, две ракеты класса «воздух – воздух» готовы к пуску. Еще несколько секунд, и шаттл Хайкен Мару можно считать покойником.

– Вот дерьмо! Нам сели на хвост! – Мелисса, должно быть, здорово струхнула, так как раньше вообще не ругалась.

Фокс-Смит сбросила с борта ложную цель – провела отвлекающий маневр.

– Ясно. – Она не собиралась упускать свою жертву. Ближе... еще ближе... еще... Пора! – Ракеты, пуск!

Ракеты рванулись вперед, шаттл вздрогнул. Фокс-Смит заложила крутой вираж влево, но было уже слишком поздно. Голос у Мелиссы дрожал, но она держала себя в руках:

– Ракеты Хайкен Мару захватили нас своими системами самонаведения. Имитатор не сработал.

«Цель поражена», – голос принадлежал ПИРу Фокс-Смит. Датчики корабля зафиксировали сбитый вражеский шаттл, а ПИР это задокументировал. Удобно для ведения учета, но совершенно бесполезно, если тебя самого собираются пригвоздить.

Фокс-Смит бросила шаттл вправо, затем резко влево. По лбу у нее струился пот.

– Ракеты все еще держат нас! – каркнула Мелисса. – Расчетное время попадания – двадцать с половиной секунд.

Фокс-Смит на миг восхитилась способностью Мелиссы держать свой страх под контролем. Сила воли у девицы была что надо. Фокс-Смит скомандовала:

– Приготовиться к немедленному катапультированию. Старт!

Раздался щелчок. Ускорение вдавило Марджори в кресло, и отсек управления шаттла отделился от корпуса. Шаттл продолжал лететь дальше, верой и правдой исполняя последний долг, приняв удар на себя. Ракеты взорвались с оглушающим грохотом и залили джунгли пламенем.

Желудок Фокс-Смит вывернуло наизнанку, когда раскрылся основной парашют и рванул кверху отсек управления. Через мгновение спуск начался снова, теперь уже более плавный. Фокс-Смит получила время подумать, что ей делать дальше.

Благодаря ПИРу и оставшемуся в отсеке компьютеру ее экран продолжал светиться. Если пилот Хайкен Мару жаждет их крови, отсек управления будет легкой добычей.

Но вокруг ничего не было видно. Либо пилот чужого шаттла решил дать ей передышку, либо у него были другие задачи. Например, уничтожить ее эскадрилью. Фокс-Смит

прикусила губу, а потом сказала ПИРу:

– Дай мне командирскую частоту.

Она прислушалась. На этой частоте во время полета обычно постоянно идут переговоры. Сейчас она не слышала ничего, кроме слабого потрескивания помех.

– Говорит командир эскадрильи Фокс-Смит. Доложите, кто меня слышит.

Тишина. Она вздохнула. Ее шаттлы были сбиты все до единого.

Отсек управления врезался в крону джунглей и пошел дальше вниз, ломая ветки. Сотни птиц взмыли в воздух.

Отсек управления упал еще примерно метров на пятнадцать. Потом основной парашют запутался в ветвях, и спуск прекратился. Плавное покачивание напомнило Фокс-Смит о гамаке, в котором она любила в детстве отдыхать. Гамак был ее убежищем, местом, где она могла спрятаться от всех. Сейчас она не делала попыток выйти наружу. Это ей не к спеху. Как хорошо просто полежать и подумать...

Мелисса первой нарушила молчание.

– Мы живы. – В ее голосе звучал восторг.

Фокс-Смит улыбнулась. Она резко выдохнула и внезапно осознала, что очень долго задерживала дыхание.

– Да, – согласилась она, – мы живы.

Трижды цернианам почти удавалось прорваться в джунгли, но всякий раз повстанцы отбрасывали их назад. Оказавшиеся в ловушке церниане принялись звать о помощи, но подкрепление с воздуха все не приходило.

Пулеметные и автоматные очереди не прекращались, их перекрывали минометные залпы. Повстанцы готовились к штурму. Через полчаса, самое большее – через час они пойдут в атаку и сотрут церниан в порошок.

Все это Боку не интересовало. Он ждал, когда вражеский снайпер выдаст себя. В сотый раз он осматривал через свой мощный прицел посадочную зону, тщательно исследуя все укромные уголки, где можно было спрятаться. Ничего. Ну-ка, а что это там такое? Чуть более темный оттенок зеленого? Бока ухмыльнулся. Попался!..

Гнусный ублюдок прятался в высокой траве. Бока мог видеть только макушку снайпера и его плечи.

Бока отстегнул страховочный шнур и пристроил поудобнее приклад винтовки к плечу. Он как раз настраивал фокус оптического прицела, когда чужой снайпер поднял голову.

Бока не верил своим глазам. Он знал его! Это же отче Пола, его самый любимый инструктор в снайперской школе и, наверное, лучший снайпер во всей армии Церны. Значит, Полу опять направили в действующие части.

Пола приподнял винтовку. Бока хорошо видел, что ствол ее направлен прямо на него. Он улыбнулся. Старикан все еще охотится за ним. Может быть, когда все это закончится, они хорошенько выпьют вместе. Он отодвинул ветки в сторону, высунул голову и помахал рукой.

Пола плавно нажал на спуск и увидел сквозь прицел, как стеклянный шарик разорвал лицо Боки. Он сердито покачал головой. В снайперской школе Бока подавал надежды. Ну почему эта молодежь никак не вобьет себе в башку, что на войне у снайпера нет друзей и знакомых, особенно в лагере противника. Снайпер всегда и везде один. И Пола начал выбирать следующую цель.

Граната Ларри попала в танк. Балкон, где стоял Ларри, затрясся от взрыва.

Но танк продолжал двигаться вперед.

Ларри сперва подумал, что граната не причинила машине особого вреда, но тут бронированное чудовище начало слегка поворачиваться, а потом двинулось так, как если бы им никто не управлял.

Танк даже не замедлил хода, когда врезался в здание. Стена рухнула прямо на него. Однако двигатели танка все ревели и ревели – похоже, водитель пытался провести машину сквозь завал.

Стеклянные шарики вонзились в стену над головой Ларри и осыпали его крошками горячего цемента. Его пытался уничтожить второй танк!

Ларри пригнулся, схватил ранец с запасными гранатами и кинулся к лестнице. Он пробежал несколько проемов, когда в квартиру его подружки влетел пушечный снаряд. Ну и взрыв! Девчонка будет в ярости, когда увидит, что от ее конуры ничего не осталось. Ларри расхохотался: да какая разница, что там подумает девчонка – главное, он жив остался!

Он уже спустился вниз и подбежал к черному ходу, когда разорвался второй снаряд, взрывная волна толкнула Ларри в спину, и он вылетел из дверей на боковую улочку. Ларри побежал в сторону Торговой улицы, на ходу затапливая гранату в пусковую установку.

Он вышел прямо на дорогу. Ему было наплевать, увидят его или нет. За гибель Пегги и Сьюзен он рассчитается в любом случае.

Ларри побежал. Он обогнул тело Сьюзен, перепрыгнул через мертвую Пегги и остановился, когда до громадного танка оставалось метров восемьдесят. Он положил пусковую установку себе на плечо и нажал на кнопку «готовность». Он не мог промахнуться. Танк не умещался в прицеле, но это было не важно. Броня танка достаточно крепкая, выдержит прямое попадание. Она практически непроницаема для противотанковых гранат.

В танке его заметили и стали наводить орудие прямо на него. Ствол был таким огромным, что, казалось, в дуло можно было войти, не сгибаясь.

А, да какого черта! Что он теряет?

Ларри нажал на спуск. Выстрелил. Тут же стрелок в танке полоснул из пулемета. Длинная очередь перебила Ларри обе ноги, и он рухнул навзничь. В ту же секунду танк расколол пополам гигантский взрыв, и раскаленные осколки изрешетили все дома в квартале. Ракета Ларри влетела прямо в ствол орудия и разорвалась в его казенной части, где уже находился собственный снаряд танка.

Ларри потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел склонившегося над ним санитар-негра. Тот широко улыбался, демонстрируя свои белоснежные зубы.

– Добро пожаловать обратно в этот мир, рядовой. Сейчас мы тебя, считай, в санаторий отправим. Для героев вроде тебя в лучших госпиталях всегда держат наготове мягкие и чистые койки. Командир роты сказал, что представит тебя к ордену. Знаешь, я с ним согласен. Поджарить танк таким способом – о-го-го, доложу я тебе! На это зрелище стоило посмотреть!

Ларри боролся со слабостью; он попытался сказать санитару, что он вовсе не герой, что настоящими героями были Сьюзен и Пегги, но парень даже и не собирался его слушать. Он улыбнулся и прилепил к руке Ларри инъекционный пакет. Антибиотики, обезболивающие лекарства и снотворное проникли в кровь Ларри.

Санитар удивился: чего это Ларри плачет? Через месяц-другой ему регенерируют новую пару ног, и он станет бегать лучше прежнего. Но, черт побери, если бы мне самому довелось выйти один на один с танком, думал санитар, я бы, наверное, тоже плакал.

«13»

Мерикур выбрался из бункера. Нола Ранкоу уже контролировала четверть территории. Все зенитные ракетные установки были подавлены, и шаттлы Ранкоу практически не встречали серьезного отпора. Повстанцы иногда запускали из джунглей случайную ракету, морские пехотинцы делали то же самое с территории базы, но этого было недостаточно, чтобы отогнать шаттлы прочь. Ранкоу же удалось скоординировать использование наземных и воздушных сил.

Сначала шаттлы утюжили площадь прямо перед ее позициями. Затем, пока морская пехота еще пряталась под землей, пехота Ранкоу бросалась вперед и захватывала новый плацдарм.

Во время атаки солдаты Хайкен Мару забрасывали гранатами каждый бункер, который им удавалось отыскать. Когда морпехи открывали огонь со следующего эшелона заранее

подготовленных позиций, силы Ранкоу оттягивались назад. Немного погода возвращались шаттлы, и все повторялось заново.

Мерикур знал, что он может приказать морпехам выйти из туннелей во время прохода шаттлов на бреющем полете и тем самым поломать этот жуткий цикл. Потери будут велики, но оставшиеся в живых выбьют силы Хайкен Мару прочь с базы. Но стоило ли ради этого стараться? Мерикур чувствовал, что не может найти ответа на этот вопрос... Время уходило впустую, и, если он будет бездействовать и дальше, Ранкоу победит. Кстати, а где она сама? На Теллере или на орбите?

Толку от Ансона Мерикура – генерала – было с гулькин нос. Сражение распалось на серию мелких стычек за отдельные бункеры – это закончится через несколько минут, когда у морских пехотинцев уже не будет боеприпасов, а подвезти их невозможно: мешают непрерывные атаки с воздуха.

Мерикур подозвал к себе связиста:

– Настройтесь на их частоты. Скажите им, что я хочу поговорить с Нолой Ранкоу.

– Слушаюсь, сэр.

Связист защелкал переключателем, пытаясь отыскать на разных каналах радиосигналы противника. Но повсюду либо слышался треск помех, либо шел непрерывный поток кодированных сообщений. Наконец ему удалось установить контакт и передать просьбу Мерикура. Он некоторое время слушал, затем кивнул и поднял голову.

– Они просят подождать несколько минут, сэр.

Мерикур кивнул. Он воспользовался передышкой и осмотрел место сражения в бинокль. Дьявольщина! Отряды Хайкен Мару получили как следует по зубам, но продолжали продвигаться вперед.

– Нола Ранкоу на частоте три, сэр.

Мерикур опять кивнул и взял мини-рацию. Он старался говорить спокойно и небрежно:

– Генерал Мерикур на связи.

– Это Нола Ранкоу, генерал. Я ждала вашего звонка. Капитуляция действительно самый мудрый выбор.

– Ну, не знаю, – как ни в чем не бывало произнес Мерикур. – Я бы сказал, ваше войско дерется вполне прилично. Вам пока не следует капитулировать. Вы еще сможете организовать достойное отступление.

Терпение у Ранкоу иссякло.

– Если вам что-то надо, так не тяните, валяйте.

– Ну хорошо, – согласился Мерикур. Ошарашенные Эйтор и Бетани слушали разговор, раскрыв рты. – У меня есть предложение. Обе стороны несут тяжелые потери. Даже если вы и победите, вы потеряете половину своих людей. Предлагаю решить наш спор в личном единоборстве. Вы и я. Победитель получает все.

– Одну минуту! – послышался щелчок, и голос Ранкоу смолк.

Первой гробовое молчание нарушила Бетани.

– Ты что, спятил? Какая капитуляция, если это они нас теснят, а не мы их? А это противоборство? Она же чудовище, она разорвет тебя на куски! Даже если ты каким-то чудом и победишь, ее войска ни за что не отступят!

– Это не я спятил, – ответил Мерикур. – Это Ранкоу – полоумное чудовище. Она теряет солдат, и ей наплевать. Она теряет время и отвоевывает позиции в час по чайной ложке, и ей тоже все равно. Разве она упустит случай разорвать меня не куски на виду у обеих армий? – Мерикур невольно вздрогнул. – Она продает очень ценный товар, а мы его покупаем. И этот товар – время.

– Время? Для чего? – не понял Эйтор.

– Для передышки, – ответил Мерикур. – Для того чтобы успеть подвезти в бункеры боеприпасы.

Он повернулся к Бетани. Та насупила брови.

– Послушай, еще не все потеряно. Может быть, Нолу ждет неприятный сюрприз.

Всякое в жизни бывает.

Не говоря ни слова, Бетани попыталась улыбнуться, но не смогла.

Из динамика послышался голос Ранкоу:

– Генерал Мерикур, я принимаю ваш вызов. У меня на родине поединок часто решает споры. Какое оружие вы предлагаете?

Мерикур лихорадочно думал. Бетани права. Ранксу вполне может разорвать его пополам. Да она на это, наверное, и рассчитывает. Пульсаторы? Исключено, слишком велики шансы сыграть в ящик обоим. Холодное оружие? Оно даст преимущество Ранкоу, а не ему.

Мерикур понял, что выбора нет.

– Госпожа Ранкоу, зачем нам какое-то оружие? – сказал он. – Думаю, вы прекрасно владеете приемами рукопашного боя. Я тоже. Мы с вами – пара что надо, ведь так? Он поднял бинокль и сказал: – Примерно в сотне метров от ваших позиций – большая воронка. Я буду ждать вас там через пять минут. Чем не арена?

– О'кей, – ответила Ранкоу и отключила связь.

Через несколько минут стрельба с обеих сторон утихла.

– Господи, – в отчаянии сказала Бетани. – Неужели ты не нашел ничего лучшего, как отдать себя на растерзание этой мегере?

Мерикур пожал плечами и обнял ее. «Я тоже тебя люблю», – подумал он. Вслух он сказал:

– Будь я проклят, если знаю, что мне делать. Но мы получили в подарок время, чтобы доставить боеприпасы в бункеры. – Он повернулся к Сенде: – Эйтор, свяжитесь с майором Фаутс. Скажите ей, что Ранкоу чересчур уж легко согласилась на мое предложение. Она явно что-то задумала. Пусть Фаутс выяснит, что именно, и примет контрмеры. – Он поцеловал жену и сказал: – Бетани, следи, чтобы этот придурок Кода не выстрелил мне в спину.

– Можешь на меня положиться, – мрачно ответила Бетани, снимая пульсатор с предохранителя. – Я нажму на курок, даже если он попытается шевельнуться.

– Хорошо, – подытожил Мерикур и снял с себя бронекапюшон и рубашку. – До скорого.

Он щегольски козырнул ей, изобразив уверенность, которой на самом деле не чувствовал, и зашагал по направлению к воронке.

Небо затянули облака. Редкие дождевые капли обдавали холодком обнаженную грудь Мерикура. Его внезапно обострившийся слух четко различал малейший шорох, взгляд ловил любое движение; Мерикур ощущал запахи, на которые он раньше вовсе не обращал внимания.

Его подчиненные прослышали о грядущем поединке и стали вылезать из своих окопов и укрытий и по двое и по трое подбирались к воронке. Мерикуру это не понравилось, но он решил: пусть Фаутс действует, как считает нужным.

Он прошел мимо своих морских пехотинцев. Раздались приветственные крики и одобрительные возгласы. Мерикур поймал себя на том, что улыбается и кивает в ответ. Ни один из этих вояк не забудет, что он дрался за них – не важно, хорошо или плохо.

Но были и другие зрители. Посмотрев на противоположный край гигантской воронки, Мерикур увидел Ранкоу. Позади нее тоже собралась толпа солдат – поглазеть на единоборство.

Мерикур перебрался через край воронки и начал спускаться короткими прыжками. Его ПИР произнес: «Ну, твое генеральское превосходительство, тебе это все-таки удалось».

– Что удалось?

«Вляпаться в безнадежную ситуацию. Ты проиграл».

– Спасибо за вотум доверия. Как гласит старинная мудрость, если не можешь сказать ничего хорошего, лучше промолчи.

«А другая старинная мудрость гласит, что все это дерьмо собачье. Ты еще не понял... Я – твое секретное оружие».

Оба умолкли. Мерикур достиг середины воронки и встал лицом к лицу с Нолой Ранкоу. На плечах Нолы была коричневая накидка, которую удерживала на шее золотая застежка в

виде эмблемы Хайкен Мару. Она подняла руку, коснулась застежки, и накидка упала на землю. На Ранкоу остались только шорты и бюстгальтер цвета хаки. Она была красивой женщиной: полная упругая, но не слишком пышная грудь, узкая талия, длинные стройные ноги.

Но Мерикуру дела не было до ее прелестей. Он видел только мощные бугры мускулов, длинные руки, сапоги с металлическими подковками. Побороть Ранкоу будет непросто.

Но никакого значения это не имело. Его солдатам генерал Мерикур сейчас не нужен – им нужны боеприпасы. И они получают их, даже если генерал даст дуба и останется в этой воронке...

Солдаты Хайкен Мару что-то дружно крикнули, им в ответ раздались возгласы морпехов с другой стороны воронки. Бомбовый кратер превратился в амфитеатр, зрители разместились по всей окружности. Там, где обе враждующие группы соприкасались, быстро заключались пари, выкрикивались оскорбления, раздавался грубый хохот.

Праздничная атмосфера отлично прикрывает любые коварные действия со стороны противника. Мерикур понадеялся, что Эйтор и Фаутс пристально следят за всей территорией базы. Его же внимание целиком переключилось на Нолу Ранкоу.

– Готовьтесь к смерти, генерал, – небрежно произнесла Ранкоу. Было ясно, что она не сомневается в исходе поединка.

Мерикур улыбнулся и слегка приоткрыл рот, как если бы намереваясь что-то сказать, и пристально посмотрел ей в глаза. К тому времени, когда она поняла, что сейчас последует удар ногой, уклоняться было уже поздно. Тяжелый десантный сапог Мерикура ударил ее в живот.

Это было все равно, что врезать ногой по кирпичной стене.

Ранкоу пошатнулась, но не упала. Морские пехотинцы одобрительно завопили, но Мерикуру было ясно: все, чего он добился, – это привел ее в бешенство.

Ранкоу ринулась на него. Никаких обманных движений, никаких уверток, ничего хитроумного – прямой, открытый бросок. Мерикур шагнул ей навстречу и сразу пожалел об этом. Своими длинными руками она нанесла ему три быстрых удара, прежде чем он достаточно приблизился, чтобы нанести ответные. Потом Ранкоу подхватила Мерикура и швырнула его на землю. От удара у него перехватило дыхание, перед глазами заплескали огненные круги.

Ранкоу даже не попыталась закрепить свой успех и добить противника, пока он не пришел в себя. Вместо этого она вскинула руки и стояла в горделивой позе, наслаждаясь восхищенными криками одних зрителей и разочарованными стонами других.

«Отличная тактика, – одобрил ПИР. – Я полагаю, ты хочешь заставить ее потерять бдительность. Так и держи. Думаю, это сработает».

– Заткнись, гаденыш, – прорычал Мерикур, перекатился на живот и поднялся на ноги. Ранкоу стояла примерно в шести метрах от него. Он сделал небольшой разбег на трех метрах, прыгнул и несколько раз перекувырнулся, как научил его Эйтор. Этот маневр принес Мерикуру успех.

Не зная, как понимать всю эту акробатику, Ранкоу поначалу никак не реагировала и позволила Мерикуру приблизиться. Он выпрямился почти вплотную к ней, обхватил руками ее голову и с силой сжал руки, как учили его церниане.

Ранкоу закричала от боли и подняла руки к голове. Воспользовавшись этим, Мерикур нанес ей два резких удара в живот и отскочил в сторону. По рядам морских пехотинцев пронесся гул одобрения.

Ранкоу двинулась вперед, сощурив от ярости глаза. Противникам никогда не удавалось ответить ей ударом на удар. Хорошо же, она подождет. Мерикур может крутить свои сальто сколько влезет, но в конце концов он устанет, и вот тогда-то она разорвет его пополам.

Кода как заведенный ходил туда-сюда и искал на краю воронки местечко поудобней. Наконец он его нашел – там, где собралась толпа солдат службы безопасности Хайкен Мару, которая закрывала его от посторонних взглядов. Никто не обратил внимания, что Код

поставил на край воронки треногу, увенчанную чем-то вроде фотоаппарата с длиннофокусным объективом. Подумаешь, какой-то офицер хочет сделать несколько интересных снимков на память о прогулке на Теллер.

Ободренный своим успехом, Мерикур попытался повторить тот же прием. На этот раз Ранкоу была готова его встретить. Она вытерпела двойной удар в голову, схватила Мерикура в охапку и с силой прижала к своей груди.

Сперва он подумал, как это забавно – попасть в женские объятия, но потом стал задыхаться.

«Ну что, знаток боевых искусств, – осведомился ПИР, – как твои делишки?»

– Просто отлично, – просипел себе под нос Мерикур, – она уже почти сдается.

«Вот именно, – сухо ответил ПИР. – Ну а пока она этого не сделала, почему бы тебе ее не поторопить? Сначала обмякни, как мешок, затем попробуй поработать головой».

Мерикур поступил так, как советовал ПИР. Он немного согнул ноги, почти оторвал их от земли, полностью перенес на руки противницы весь свой вес, и заставил ее согнуться под его тяжестью. Затем он с силой ударил ногами оземь и выпрямился. Его макушка с глухим стуком ударила Нолу в подбородок. Она тяжело упала на спину и закрыла глаза.

Мерикур жадно глотал воздух. Интересно, челюсть у Нолы болит так же сильно, как у него – голова? Если да, то он сделал ей по-настоящему больно.

ПИР был полон оптимизма:

«Отличный приемчик, не правда ли?»

– Да уж, – вполголоса ответил Мерикур, – еще два-три таких приемчика, и ей не надо будет меня убивать. Я сам себя убью.

Они с Нолой настороженно кружили один возле другого. Прошло уже несколько минут, но ни один не решался атаковать.

«Я нахожусь здесь для того, чтобы тянуть время, – сказал про себя Мерикур. – Спасибо тебе, госпожа Ранкоу, за нерешительность». Будто услышав это, Ранкоу стала наступать.

Бетани замаскировала свой бронекостюм неброским пончо, якобы для защиты от дождя. Неторопливо и как бы невзначай она отделилась от толпы свистящих и улюлюкающих морских пехотинцев и смешалась с группой солдат службы безопасности Хайкен Мару, которые тоже свистели и кричали. Никто на нее даже и не взглянул. Все внимание зрителей было приковано к арене.

В конце концов Бетани отыскала Коду, который смотрел в окуляр какого-то прибора и притворялся, что страшно увлечен зрелищем схватки. Бетани украдкой проверила пульсатор и стала внимательно наблюдать за Кодой.

«Берегись! Камень!»

Мерикур отскочил в сторону. Какой-то тяжелый предмет просвистел там, где мгновение назад находилась его голова, и врезался в склон воронки. Это был осколок стальной оболочки бомбы, а не камень, но Мерикур решил быть великодушным и простил ПИРу его ошибку.

Он только еще пытался встать на ноги, когда Ранкоу заревела от ярости и бросилась в атаку. Тяжелый сапог ударил его по ребрам и опрокинул навзничь. Мерикур перекатился на живот и сгруппировался, чтобы подняться. Его правый бок обожгла боль – значит, сломано ребро, а то и два. Если так, то он по уши в дерьме. Дальше тянуть время не стоит, надо было закончить поединок, и закончить быстро.

Ранкоу опять бросилась в атаку, но споткнулась о тот самый осколок, который только что сама и швырнула, и растянулась в пыли.

«Прыгай на нее!» – заорал ПИР, и Мерикур повиновался. Он уперся коленом в ее позвоночник, схватил за волосы и потянул голову на себя. Ранкоу попыталась сбросить его, но ей это не удалось. Одно небольшое усилие – и ее шея хрустнет, как сухой прут.

Кода заворчал и оскалил зубы. Он направил перекрестие прицела на Мерикура и включил лазер. Прибор в его руках представлял собой нечто иное, нежели фотоаппарат. Это был промышленный сварочный агрегат, спроектированный специально для тех случаев,

когда оператор не мог приближаться к месту сварки. Мощный луч прибора мог рассеять туловище человека за долю секунды.

Пульсатор Бетани уперся в правое ухо Коды.

– Не шевелись, – тихо произнесла она, – или умрешь.

Палец Коды напрягся на гашетке лазера, и в этот самый миг пять шаттлов с ревом зависли над территорией базы. Грохот двигателей и свист реактивных струй почти заглушили голос, гремевший из внешних динамиков, встроенных в корпуса челноков:

– Эй там, внизу, внимание! Говорит капитан первого ранга фон Ой. Приказ губернатора Энтони Виндзора: всем силам Хайкен Мару немедленно сложить оружие и сдаться! Иначе мы открываем огонь.

Народу в кают-компанию капитана Ямагучи набилось столько, что яблоку упасть было негде. Длинный фуршетный стол ломился от изысканных яств. Бар работал вовсю. Жужжали голоса. Большинство из собравшихся были одеты в мундиры – и человеческие, и цернианские, – а на остальных были яркие гражданские костюмы. Теперь, когда сражение закончилось и Виндзор победил, гражданские чиновники горели от нетерпения попасть ему на глаза. Они окружили губернатора и напоминали стаю птиц с яркими перьями, отталкивающих друг друга от кормушки.

Вокруг Мерикура тоже собралась толпа поклонников. Одни искренне им восхищались, другие притворялись, что восхищаются, но все улыбались. Льстивая толпа, неудобный парадный мундир, ноющие ребра, антипатия к светским раутам – можно было подумать, что сейчас Мерикур чувствовал себя очень несчастным.

Вовсе нет! К своему огромному удивлению, Мерикур был доволен.

Ведь он победил.

И потом, здесь находилась Бетани, его любимая Бетани! По случаю светского приема она надела длинное вечернее платье из переливающейся белой ткани и была, конечно, самой прекрасной женщиной в мире. И друг, и любимая – да об этом можно только мечтать!

Вот почему Мерикур был совершенно счастлив. Но это вовсе не означало, что он забыл обо всем на свете. Вокруг болтали, смеялись: кто-то что-то рассказывал Мерикуру – что-то очень длинное, нудное и необязательное, а Мерикур вновь и вновь вспоминал череду событий, которые привели его к сегодняшнему дню почти целым и невредимым. Сломанные ребра не в счет.

Капитан первого ранга фон Ой начал готовить силы поддержки сразу, как только корабли Мерикура вышли из гиперпространства и установили связь с Августиной. Заставив свой штаб работать круглые сутки, фон Ой смог набрать триста морских пехотинцев плюс четыреста сотрудников местной милиции. Вместе со всем снаряжением они разместились на небольшой эскадре. Когда губернатор Виндзор прибыл на борт флагмана, фон Ой отдал приказ идти полным ходом к Теллеру.

Оказавшись лицом к лицу с боевыми кораблями, транспорты Хайкен Мару сдались без единого выстрела.

То, что шаттлы фон Оя оказались на территории базы, произошло совершенно случайно. И имя этому случаю было – Фаутс. Пока Мерикур дрался с Ранкоу, а Бетани приглядывала за Кодой, Фаутс предположила, что Хайкен Мару собирается выкинуть какой-нибудь фокус, и начала действовать.

Часть морских пехотинцев она отправила наблюдать за ходом поединка. Они должны были присматривать за солдатами службы безопасности на случай, если те задумают какую-нибудь гадость. Остальным Фаутс приказала тщательно обыскать всю территорию базы. То же самое делали и повстанцы Джому в окрестных джунглях.

Именно повстанцы и обнаружили спрятанный в джунглях шаттл и подразделение церниан, которое скрытно продвигалось в сторону базы.

Церниан было куда меньше, чем повстанцев. После короткой перестрелки оставшиеся в живых сложили оружие.

Тем временем эскадра фон Оя подошла к Теллеру. Фаутс увидела в этом перст судьбы:

если противник гораздо сильнее, любое сражение прекратится само собой. Фаутс попросила у фон Оя сразу пять челноков, и шаттлы, в нарушение всех параграфов летного устава, вошли в атмосферу и понеслись над джунглями.

Вот почему и Нола Ранкоу осталась жива, и Кода, и сам Мерикур. Пока Мерикур праздновал, Ранкоу и ее муж сидели в тюрьме – там, внизу, на поверхности планеты. Мерикур только немного беспокоился, что в один прекрасный день они выйдут оттуда.

Послышался мелодичный звон: кто-то постучал вилкой по хрустальному бокалу. В кают-компании все стихли. Виндзор сделал шаг вперед и поднял бокал. В своем строгом костюме и мантии он выглядел очень величественно.

– Благородные гости! Я предлагаю тост. За доблестного генерала и его прелестную спутницу!

– Присоединяемся! Поддерживаем! Виват! – все подняли бокалы в честь Мерикура и Бетани.

Когда шум стих, Мерикур в свою очередь поднял бокал и произнес:

– За губернатора Виндзора, за его идеи и за тех, кто пал в бою, чтобы претворить их в жизнь!

Двое мужчин посмотрели друг другу в глаза. Без единого слова была произнесена присяга, дана и принята клятва верности.

Между тем все разговорились. Со всех сторон слышалось:

– Хотим речь! Губернатор, скажите свое слово!

Когда аплодисменты стихли, Виндзор вышел вперед и оглядел всех собравшихся. Он выдержал паузу и бодро заговорил:

– Благодаря всем собравшимся здесь, а также всем тем, кто погребен, на планете разгорается заря нового дня. Не только на Теллере, не только для одной расы, но для каждой планеты и для каждого разумного существа в Скоплении Гармония.

Некоторые из гостей зааплодировали, но Виндзор, подняв руку, попросил тишины.

– Вместе с павшими давайте похороним и наши ненависть и страх, которые послужили причиной их гибели. С этого момента все разумные существа, независимо от их расы, равны перед законом, в равной степени участвуют в правительстве и в равной степени могут рассчитывать на защиту своего правительства.

На этот раз аплодисменты были просто оглушающими и долго не умолкали.

Когда наконец все стихло, Мерикур обнаружил, что часть популярности Виндзора перешла к нему. Люди подходили и подходили, хлопали его по плечу и пожимали руку, и их было так много, что в суматохе Мерикур не обратил внимания на связиста, который вошел в кают-компанию и что-то сказал Тенли, не видел, как Текли что-то прошептал на ухо Виндзору и все трое незаметно выскользнули в коридор.

Примерно через полчаса к Мерикуру бочком приблизились Эйтор и Джому, со своими перевернутыми улыбками на лицах, в праздничных цернианских одеждах – расшитых золотом коротких куртках и плиссированных юбках.

– Пойдемте в каюту капитана, – сказал Эйтор, – там будет что-то вроде междусобойчика для своих. Берите и Бетани тоже.

– Ну что, – свирепо спросил Джому, – пойдете сами или силу применить?

Бетани рассмеялась:

– Я думаю, сами. Не следует сердить грозного Джому.

– Мудрое решение, – согласился Джому и протянул Бетани руку. – Позвольте пойти вместе с вами. Ансон и Эйтор пусть опираются друг на друга.

Голова у Мерикура слегка кружилась. А почему бы и нет? Он мог позволить себе выпить и расслабиться, ведь война закончилась, и он победил. Так, во всяком случае, казалось, пока они не вошли в каюту Ямагучи.

Здесь уже находились фон Ой, Тенли, Виндзор и два инопланетянина неизвестной Мерикуру расы. Оба были высокими и бледными, кожа свисала складками. Инопланетяне кутались в длинные белые одежды, напоминающие древнеримские тоги, и походили на двух

призраков в саванах. Они поклонились Мерикуру и Бетани.

Мерикур тоже поклонился в ответ и, несмотря на то, что в голове его бродил хмель, насторожился. Похоже, здесь происходит нечто иное, нежели междусобойчик для близких друзей. И, судя по выражению лица Виндзора, дело серьезное.

Виндзор заговорил:

– Посол Рельфенцих, посланник Дольвинцер, позвольте вам представить мою племянницу Бетани Виндзор-Мерикур, ее мужа, генерала Мерикура, моего главного советника по политическим вопросам Эйтора Сенда и его брата Джому Сенда, офицера армии Церны.

Огромные печальные глаза и складки кожи на щеках делали посла похожим на сенбернара. Голос у Рельфенциха оказался чуть глуховатым:

– Для меня большая честь встретиться с вами, достопочтенные. Да расступится мягко земля пред вашим лемехом.

Виндзор махнул рукой в сторону пустых кресел, которые в беспорядке стояли у дальней переборки.

– Давайте-ка рассаживайтесь и приступим к делу. Я сожалею, что пришлось оторвать вас от банкета, но, знаете ли, дело не терпит отлагательств.

Мерикур уселся в кресло и с благодарностью принял чашечку кофе, которую ему подала Ямагучи. Потягивая кофе, Мерикур пытался понять, что происходит. Почему здесь находятся неизвестные инопланетяне и что им надо?

Виндзор встал и окинул всех взглядом:

– Посол Рельфенцих и посланник Дольвинцер привезли важные новости. Они прибыли с планеты Стрыя Скопления Апекс. Хотя это и независимая планета, она присоединилась к Пакту и пользуется всеми положенными ей льготами, но последнее время отстает в сборе налогов. В результате руководство Пакта приняло решение направить на планету для управления экономикой администраторов-людей. Их прибыло туда немало. Люди собирались осуществлять контроль над производственными процессами во всех отраслях хозяйства. Однако пусть посол Рельфенцих расскажет все сам.

Посол встал и церемонно поклонился.

– То, что я собираюсь рассказать, может показаться низкой клеветой на человеческую расу. За это я заранее прошу прощения. Но губернатор Виндзор уверил меня, что я должен рассказать всю правду. Она заключается в том, что за редким исключением контролеры-люди ведут себя жестоко по отношению к моим соплеменникам. По их приказу все стрьяне старше десяти лет должны работать на полях. Тех, кого уличат в укрывательстве детей или пожилых родителей, убивают на месте. Нормы сдачи урожая пересматриваются каждый год, и всегда в сторону повышения. Невыполнение нормы означает смерть каждого пятого жителя деревни.

– И к несчастью, – добавил Дольвинцер, – такое случалось много раз.

– Несмотря на это, большинство из нас принимало данное положение дел и пыталось выполнить норму, – продолжал Рельфенцих. – Мы считали, что упорным трудом сможем заработать достаточно средств, чтобы погасить задолженность и избавиться от контролеров. Кое-кто призывал к вооруженному сопротивлению. Ведь несмотря на то, что у людей оружие лучше, администраторов мало, их можно победить с помощью простого численного превосходства стрьян. Но в долгосрочной перспективе если мы убьем нынешних наблюдателей, придут новые, и нам придется пожинать горькие плоды своей неадаптивности.

Так обстояло дело примерно двадцать три стрьянских дня тому разад, когда на деревню Данта обрушился злой рок. Каждые девять лет вредители мангдабла начинают лавинообразно размножаться и опустошают наши нивы. У нас принято откладывать часть урожая седьмого и восьмого годов в закрома, чтобы пережить девятый. Но на этот раз, стараясь выполнить установленную норму сдачи урожая, деревня Данта так не сделала, не смогла. Урожай был не просто побит – мангдабла пожрали почти все под корень. Деревня не

только не смогла выполнить норму – многим ее жителям придется голодать самим.

Контролеры решили дать урок всей планете на примере Данты. Всех детей моложе десяти лет поместили в пустой амбар. Затем контролеры заперли двери амбара и облили стены горючей жидкостью. Человек по имени Ларкин поджег склад своей недокуренной сигарой и смеялся, когда наши дети сгорели заживо.

Тут Рельфенцих замолчал и отвернулся, а посланник Дольвинцер поднялся с кресла. Его – а может, и ее – голос был мелодичней, чем у Рельфенциха, но тоже глухой.

– Прошу простить посла Рельфенциха. Он не хотел показаться неучтивым. Его младший сын был среди тех, кто сгорел в амбаре, и он еще не совсем оправился от удара.

Вы должны понять, что после того, как амбар сгорел, наступило время множества убийств. Человек по имени Ларкин умер одним из первых, распятый на ратушной площади деревни. Но он не был последним. Слух прошел по всей округе, переносился от деревни к деревне со скоростью лесного пожара, и там, куда он приходил, люди умирали. Они сражались, их ужасное оружие убивало нас тысячами, но в конце концов они умирали. Многие дни отвратительный запах смерти стоял по всей Стрые.

Дольвинцер на мгновение замолкла.

– Вы должны понять, что наш бунт не был спланирован заранее, а если и был, то о нем знали очень немногие. Поэтому нескольким людям удалось убежать, и теперь губернатор Скопления Алекс знает о случившемся.

В голосе Дольвинцера звучало сожаление, хотя было неясно, жалеет она погибших людей или ей жалко, что не всех людей удалось убить.

– Да, – согласился Рельфенцих и повернулся к Виндзору. – И сейчас губернатор пошлет флот, чтобы не просто нас наказать, а уничтожить полностью. Вот почему мы сначала прибыли на Августину, а затем и сюда. Губернатор Виндзор провозгласил, что перед законом все равны. Поэтому мы припадаем к вашим ногам в поисках защиты и справедливости.

«14»

За бортом было так же темно и пусто, как в душе у Мерикура. «Бремертон» перешел в гиперпространство и направился к Стрые. Мрачный Мерикур отправился в отсек прямого наблюдения за открытым космосом, где он мог спокойно побыть в одиночестве и подумать. На Теллере остались Джому, Нугумбе, фон Ой и Фаутс. Они достаточно компетентны, чтобы во всем разобраться, привести дела в порядок и подготовиться к суду над Ранкоу. Конечно, на них можно положиться, но за Скопление Гармония отвечает он.

Да, разумеется, стрыяне нуждаются в помощи. Да, с ними обращались жестоко. Да, их бедственное положение вызывало справедливое негодование...

Но то же самое можно сказать и о десятках планет в самом Скоплении Гармония. Если бы битва за Теллер случилась пять лет назад, если бы межрасовое равенство было уже свершившимся фактом, если бы положение дел в Скоплении Гармония было достаточно прочным, то все обстояло бы совсем по-другому.

Но Теллер представлял собой открытую рану, равенство рас являлось пока не более чем губернаторской декларацией, да и других проблем хватало. Имелись достаточно веские причины, почему Виндзору сначала следовало закрепиться на достигнутых рубежах, прежде чем вторгаться на новые территории.

Тенли и Эйтор разделяли точку зрения Мерикура, умоляли Виндзора как следует все обдумать и указывали на те проблемы, которые могут возникнуть в случае поспешных, непродуманных действий.

Виндзор позволял им высказать все, что они хотели. Когда они закончили, он пристально посмотрел каждому прямо в глаза. Голос его звучал устало, как если бы их слова весили целую тонну и придавили его своим весом.

– Мы не обсуждаем здесь какую-нибудь юридическую тонкость или возможность

работы людей и церниан бок о бок на одной фабрике. Мы говорим здесь о гибели целой планеты. И клянусь Господом нашим, я этого не допущу!

Он сердито потряс головой:

– Я не позволю вам говорить, что спасение стрьян несвоевременно или что это может создать проблемы в Сенате или привести любую другую вонючую причину! Понятно?

Это было понятно. Ясен был и тот факт, что Виндзор разочарован и опечален, что Эйтор и Тенли не рвутся претворить его идеи по всему космосу. Они смотрели на деревья и не видели за ними леса.

Мерикур мог понять точку зрения губернатора, но что будет, если Скопление Апекс проигнорирует попытку Виндзора вмешаться? Что, если они попытаются уничтожить Стрию?

Больше всего, однако, его тревожил вопрос – а что делать ему, Мерикуру, если Виндзор прикажет атаковать военные корабли Апекса? Напасть на них означало напасть на сам Пакт, тот самый Пакт, который Виндзор поклялся защищать.

Мерикуру внезапно вспомнилась гражданка Ритт из Кона Татцу. Неужели она знала, какая дилемма встанет перед ним? Заранее знала, что убеждения Виндзора могут привести его к конфликту с Пактом? А если так, то чего Кона Татцу в конце концов ждала от Мерикура?

Ответ пришел так же быстро, как возник вопрос. Мерикур должен остановить Виндзора. Этого ждет не дожидается Кона Татцу.

Сейчас, анализируя события, Мерикур понял, что его генеральство и назначение в штат Виндзора были организованы именно в расчете на то, что такая ситуация может возникнуть.

Он, Мерикур, – резервная система Кона Татцу, их страховочный канат, ближнее препятствие для эксцентричных выходок Виндзора. Мерикур не поставит под сомнение авторитет Пакта, Мерикур не изменит своему долгу.

Мерикур не сделает ничего непредсказуемого.

Он усмехнулся. Такой Мерикур не сидел бы сейчас в пустом отсеке и не смотрел бы на космос. Он бы проиграл битву за Теллер, а без этой победы Виндзор не сунул бы свой нос в Скопление Апекс.

Тем не менее проблема выбора оставалась. Если Мерикуру придется решить, то чью сторону он примет? Виндзора и похожих на привидения инопланетян? Или Пакта, которому он присягал в верности?

Мерикур вглядывался в космическую тьму, но там не было ответов на вопросы, которые его мучили.

Два дня спустя эскадра Мерикура вынырнула из гиперпространства, набирала скорость и двигалась к Стрые. Впереди шли разведчики. Вооруженные торпедами быстроходные катера рассредоточились и напоминали свору охотничьих собак, которые рыщут в поисках дичи. Однако дичь эта могла постоять за себя, доведись им найти ее.

Мерикур находился на борту «Бремертона» и пытался определить, с чем ему придется иметь дело, и разобраться в ситуации. Что, если вокруг Стрии кишмя кишат военные корабли Скопления Апекс? Как они отнесутся к вторжению на их территорию? И что в таком случае ему прикажет делать Виндзор?

Начали поступать первые донесения. К планетной системе подходил небольшой транспорт-тихоход с грузом сельскохозяйственной техники. Где-то на дальнем астероиде работала научная станция. Частная яхта набирала скорость и направлялась к соседней звезде. Никаких признаков боевых кораблей.

Мерикур облегченно вздохнул. По-видимому, удача опять ему улыбнулась: корабли Скопления Апекс еще не прибыли. В данный момент Мерикур вроде бы никаких законов не нарушил, но присутствие кораблей Апекса вызвало бы мгновенную конфронтацию и разрушило бы всякую надежду на сотрудничество. Теперь же он кому угодно мог представить свою эскадру как союзнические силы, прибывшие на помощь соседнему скоплению. Конечно, такая поддержка была Делом неслыханным, но откровенно незаконной

не являлась.

И Мерикур возложил свои надежды на это хрупкое основание. Может быть, ему удастся найти способ удовлетворить одновременно и Виндзора, и командование Пакта.

Виндзор держался отчужденно. Он сочувственно относился к стараниям Мерикура, но был в основном занят своими мыслями.

Виндзор размышлял, правильное ли решение он принял. Он уже не единожды открывал рот, чтобы отдать эскадре приказ поворачивать назад. Но всякий раз при мысли о бомбах, взрывающихся над деревнями и фермами, слова застревали у него в горле, и он замолкал. Поэтому эскадра шла полным ходом в соответствии с его приказом, а Виндзор все еще сомневался, следует ли ей это делать.

Бетани разрывалась между Виндзором и Мерикуром. Она искренне любила своего мужа, и ей были близки его идеалы, но она хорошо понимала и положение Мерикура. В глубине души она считала, что Мерикур был прав, но решение принимал губернатор. Бетани изо всех сил старалась не дать втянуть себя в дискуссию и успокаивала обоих.

Но она была вынуждена признаться самой себе, что ей нестерпима сама мысль занять позицию, которая сделает ее, пусть и не напрямую, ответственной за всепланетную бойню.

Бетани не была единственной, кто разрывался между долгом и совестью. Все старшие офицеры знали о конфликте – и знали, что их карьера и даже их жизнь могут зависеть от его исхода. Благодаря личным качествам Виндзора, они оставались верны ему и его идеалам, но мысль, что придется сражаться с силами Пакта, приводила их в ужас.

Атмосфера на мостике «Бремертона» оставалась напряженной, не было того добродушного зубоскальства, которое на любом военном корабле считалось обязательным – для сохранения бодрого духа экипажа. Разговоры велись только самые необходимые.

Виндзор сидел на капитанском мостике и о чем-то размышлял, а Мерикур, сцепив руки за спиной, мерил мостик шагами. Первые донесения были обнадеживающими, но это вовсе не означало, что других кораблей в системе нет. За любой планетой мог прятаться целый флот – впрочем, и в поясе астероидов тоже. Но час шел за часом, и ничего особенного не происходило. Что ж, пока неплохо. Пришло время действовать.

– Капитан третьего ранга Ямагучи!

– Да, сэр?

– Прикажете корветам полным ходом идти к Стрые. Пусть садятся, оставляют десант и немедленно взлетают. Они мне понадобятся, когда придут гости.

– Слушаюсь, сэр.

Ямагучи повернулась к связисту, и его пальцы проворно забегали по клавишам пульта.

Через несколько минут два корвета отделились от строя и полетели к Стрые. И небольшие быстрые корабли несли по две с половиной сотни морских пехотинцев каждый. Поскольку среди кораблей Мерикура корветы самые быстроходные, они сядут на Стрыю на несколько часов раньше, чем вся эскадра, и эта разница может иметь решающее значение. Высадившись на планету, морские пехотинцы изменят баланс сил на поверхности и помогут убедить командование Апекса вступить в переговоры.

Скорость при этом играла существенную роль. Морпехи станут важным козырем в переговорах, когда они займут позиции на поверхности планеты. А на пути к ней они были всего лишь потенциальной мишенью для ракет.

На борту корветов находились также Эйтор, посол Рельфенцих и посланник Дольвинцер. Их задачей будет убедить граждан Стрыи, что они должны сдаться Виндзору. Хоть тот и сочувственно относился к их положению, но одобрял массовое убийство людей инопланетянами не больше, чем инопланетян людьми. А если стрыяне сдадутся на его милость задолго до того, как явятся корабли Апекса, это неизмеримо укрепит позиции Виндзора. Он поставит Апекс перед свершившимся фактом, и вполне вероятно, что конфликта удастся избежать. Рельфенциху и Дольвинцер придется поработать. Но они ничего не могут сделать до того, как придут на планету, а это произойдет через несколько часов.

Виндзор удалился в свою каюту, Мерикур тоже. Он знал, что и Ямагучи, и экипаж не могут расслабиться, пока оба они не уйдут с глаз долой. Бетани целый час смотрела, как Мерикур безостановочно шагает из угла в угол каюты, потом не выдержала и сбежала в спортзал.

Одному в каюте Мерикуру стало совсем невмоготу, и он отправился в рубку управления – под тем предлогом, что, мол, куда-то подевался его портфель. На самом деле он хотел украдкой заглянуть в небольшой головизор штурмана. Корветы уже почти подошли к планете, но все же не так близко, как ему хотелось бы.

Следующим удостоилось неожиданного визита Мерикура машинное отделение. Удивленные техники отрывались от работы, поднимали головы и провожали недоуменными взглядами проходящего мимо них генерала, который приветливо всем кивал и останавливался перекинуться словечком с теми, с кем был знаком. Из машинного отделения Мерикура занесло в оранжерею, потом в лазарет и в кают-компанию. В конце концов он неведомо как очутился опять на мостике.

Вот уже несколько часов сюда стекались отчеты со всего корабля. «Генерал Мерикур только что прибыл в машинное отделение. Генерал Мерикур только что покинул лазарет. Генерал Мерикур идет в направлении мостика». У Ямагучи была уйма времени подготовиться.

– Ну, капитан, как у нас дела? – спросил Мерикур.

Несмотря на волнение, Ямагучи улыбнулась. Она знала, о чем именно хотел спросить ее Мерикур, и ответила:

– Прекрасно, сэр. Корветы приземлились и в настоящий момент высаживают десант.

– Превосходно, – настроение у Мерикур заметно улучшилось. – Губернатора уже известили?

– Нет еще, сэр, мы как раз собираемся сообщить ему.

– Капитан, – внезапно перебил их старшина-связист. – Пять неопознанных целей выходят из гиперпространства между нами и Стрыей. Компьютер говорит, это корабли Пакта.

– Продолжайте следить, – распорядилась Ямагучи.

– Проклятье, – пробормотал Мерикур себе под нос. Он увидел в кубе головизора пять блестящих точек. Кто бы ни командовал кораблями Апекса, это был настоящий ас. Он прошел по волоску, выйдя из гиперпространства в опасной близости к планете. Достаточно рискованно для одного корабля и совершенно безрассудно для целой эскадры. Тем не менее тот, кто это проделал, блокировал корабли Мерикура и дал силам Апекса тактическое преимущество.

Это была плохая новость. Хорошая новость – если ее можно было так назвать – заключалась в том, что морские пехотинцы уже высадились на планету.

– Установлен аудиовидеоконтакт на шестом канале, капитан, – произнес связист. – Мы получили стандартную просьбу назвать себя.

Ямагучи вопросительно посмотрела на Мерикура. Он кивнул.

– Стандартный ответ с нашими кодовыми номерами, – ответила Ямагучи.

– Есть, мэм.

– Капитан Ямагучи!

– Да, сэр?

– Где сейчас корветы? Я не вижу их в курсовом кубе.

– Полагаю, они на противоположной стороне Стрыи и уже взлетели – или собираются взлететь.

– Прикажете им занять позицию позади планеты. И еще, капитан...

– Да, сэр?

– Примените для этого код Скопления Гармония вместо стандартного кода Пакта.

– Слушаюсь, сэр.

Если Ямагучи и хотела бы узнать, что все это означает, то она хорошо это скрывала и

отдавала приказы спокойно и без эмоций.

Конечно, корветы представляли собой не Бог весть что, но все же лучше иметь их, чем вообще ничего.

– Силы Апекса подтвердили наш сигнал, сэр, – сказал связист. – Губернатор Калбранд хочет поговорить с нашим командующим.

– Если генерал Мерикур не возражает, отвечу я, – оказывается, Виндзор незаметно поднялся на мостик. Он улыбался и, похоже, опять стал прежним Виндзором. Внутренняя битва с самим собой явно была выиграна, только вот кому досталась победа?..

Мерикур тоже улыбнулся. Он был рад, что у Виндзора все нормально.

– Пожалуйста, сэр. Садитесь вот в это кресло.

Виндзор величаво опустился в кресло. Несколько секунд – и черная поверхность экрана связи посветлела. Виндзор очутился лицом к лицу с губернатором Скопления Апекс.

Губернатор Калбранд был совершенно лысым. Густая сеть шрамов покрывала его голову. На его родной планете, Кристене, такие шрамы наносились юношам во время ритуала посвящения в мужчину. Кустистые брови отбрасывали глубокую тень на глаза Калбранда, длинный острый нос торчал, как клюв.

Несмотря на такой устрашающий вид, голос у губернатора был приятный и мелодичный. Виндзор мгновенно понял, что перебранки не будет. Какими бы еще качествами ни обладал Калбранд, он в первую голову и прежде всего был практичным политиком.

– Я губернатор Калбранд. С кем имею честь говорить?

– Очень приятно познакомиться с вами, губернатор Калбранд, – учтиво ответил Виндзор. – Меня зовут Виндзор, я губернатор Скопления Гармония.

– Да-да, – произнес Калбранд, припоминая, – бывший сенатор Виндзор.

Виндзор кивнул:

– Для меня большое удовольствие встретиться с чрезвычайным и полномочным послом Калбрандом, который так блестяще провел переговоры о заключении мирного договора с Вальпаром.

Калбранд кивнул, он явно был доволен.

– Ну, конечно, у меня были помощники... Впрочем, я горжусь своим успехом. А сейчас – добро пожаловать в Скопление Апекс! Надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу: а какого, собственно, черта вы здесь делаете?

Последнее предложение сопровождалось легкой улыбкой.

– Вовсе даже нет, – спокойно ответил Виндзор. – На вашем месте я задал бы тот же вопрос.

И без дальнейших словесных ухищрений Виндзор выдал Калбранду слегка приглаженный отчет о массовой резне в Стрые, о том, как стрыяне обратились к нему за помощью и как он решил оказать Калбранду услугу.

Мерикур не мог сдержать улыбки, когда услышал пассаж насчет помощи Калбранду. Но если Калбранд и обратил на него внимание, то виду не подал.

– Итак, – закончил Виндзор, – хотя мое присутствие здесь и кажется немного необычным, мы все являемся членами Пакта, и я полагаю, нам следует поддерживать друг друга.

– Весьма похвальное мнение, – бойко отозвался Калбранд. – Я обязательно пошлю президенту Сената служебную записку с просьбой объявить вам публичную благодарность. Но как вы и сами знаете, у меня достаточно сил, чтобы справиться с ситуацией, и в дополнительной поддержке нет необходимости.

Виндзор притворился, что не обратил внимания на последние слова Калбранда, и спросил:

– Позвольте узнать – чисто из любопытства, губернатор Калбранд, а как вы будете справляться с ситуацией? У меня нет такого большого опыта переговоров, как у вас, и, может, я смогу чему-нибудь научиться?

– Прежде всего, – спокойно ответил Калбранд, – никаких переговоров не будет. Поскольку Стрыя – планета аграрная, производит лишь немногим больше того, что потребляет, и не имеет никакой политической или стратегической ценности, я разрушу ее в назидание другим. Самое первое правило переговоров гласит: переговоры не нужны, если у другой стороны нет того, в чем ты нуждаешься. У Стрыи ничего такого нет. Мы избежим бесконечных расследований, судебных процессов и еще Бог знает чего. Мы просто сбросим несколько аннигилирующих бомб. – Калбранд улыбнулся. – Нет планеты – нет проблемы.

Можно было подумать, что он обсуждает разницу в ценах на хлеб в двух соседних лавках.

Больше всего Мерикура поразило ледяное равнодушие Калбранда. Если бы он горевал о потерянных человеческих жизнях или был бы взбешен жестокостью аборигенов, Мерикур мог бы понять, почему он принял такое решение. Не одобрить, но понять. Вместо этого Калбранд рассматривал поголовное уничтожение целой расы как решение мелкого административного вопроса.

Внезапно Мерикур понял, что Виндзор не пойдет на компромисс перед лицом такой жестокости. Выгодно это ему или нет.

Виндзор печально покачал головой:

– Мне очень жаль, губернатор Калбранд, но боюсь, я не могу этого допустить.

Кустистые брови Калбранда от удивления взметнулись вверх.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что не позволю вам разрушить целую планету, населенную живыми и разумными существами, ради политической целесообразности, – спокойно ответил Виндзор.

Калбранд изумленно качал головой:

– Да-а, действительно, то, что про вас говорят, – правда. Вы любите инопланетян.

Виндзор улыбнулся:

– Правда в том, что я люблю одинаково и людей и инопланетян.

Калбранд нахмурился:

– Вы понимаете, что, если нападете на мои корабли, все силы Пакта станут охотиться за вами, как за обыкновенным преступником?

Виндзор пожал плечами:

– Я допускаю такую возможность. Но, с другой стороны, многие считают, что убийство всегда убийство, независимо от расы жертвы. Может статься, если вы уничтожите Стрию, это за вами начнут охотиться, как за обычным преступником.

Калбранд расхохотался:

– Думаю, у вас сторонников найдется немного. Скоро Стрыя превратится в расплавленный кусок камня, и вопрос перейдет в чисто академическую плоскость.

Ямагучи дотронулась до руки Мерикура:

– Генерал, два их эсминца пошли по направлению к Стрые. Остальные корабли, судя по всему, хотят отрезать нас от планеты.

Мерикур похолодел. Наступил момент выбора. Он мог арестовать Виндзора и запереть его в каюте. Он как генерал имел приказы, которые недвусмысленно предписывали именно такой порядок действий. Его поддержат и офицеры, которыми он командует, и губернатор Калбранд.

А тем временем раскаленная скала, некогда бывшая планетой, населенной множеством разумных существ, будет безостановочно кружить вокруг своего солнца...

Мерикур отдал приказ – самый обычный, как тысячи других приказов, которые он отдавал на протяжении всей службы:

– Передайте на корветы: «К нам приближаются корабли противника. Приказываю открыть огонь. Повторяю. Уничтожить эсминцы немедленно».

Битва за Стрию началась.

Губернатор Калбранд посмотрел куда-то на потолок, потом опять на экран и оскалил зубы в хищной ухмылке.

Экран погас.

Виндзор вместе с креслом повернулся к Мерикуру. Их глаза встретились. Виндзор проговорил:

– Началось.

– Так точно, сэр, – ответил Мерикур. – Началось.

Виндзор встал и ушел, а Мерикур принялся облачаться в космический скафандр. Остальные члены экипажа на мостике уже надели скафандры. Если корпус корабля получит пробоину, скафандры их спасут. На какое-то время. И на все это время скафандры обеспечат им связь, еду и, в случае необходимости, первую медицинскую помощь.

Эскадра Гармонии уже находилась в состоянии полной боевой готовности: люки воздухонепроницаемых отсеков задраены, оружие на боевом взводе, системы наведения следят за целями. Корабли шли стандартным клином: в вершине клина находился крейсер Ямагучи, остальные – справа и слева позади.

– Пускайте торпеды, капитан, – сказал Мерикур.

– Слушаюсь, сэр.

Возникла почти непереносимая пауза. Наконец Ямагучи сказала:

– Торпеды запущены, их системы самонаведения захватили цели. Дистанция предельная, сэр.

Мерикур улыбнулся: Ямагучи беспокоилась, что он приказал стрелять торпедами слишком рано, противник будет иметь достаточно времени, чтобы сбить их.

– Я понимаю, что мы ни в кого не попадем, капитан, но это отвлечет их внимание. А нам сейчас это очень нужно.

Если повезет, корабли Апекса провозятся с торпедами достаточно долго, и его корветы успеют занять удобную позицию. Как всегда, действительность поломала все планы. Оказалось, не морская пехота, а корветы будут играть роль туза в рукаве Мерикура.

Конечно, его корветы не ахти какая сила, но Мерикур надеялся, что элемент внезапности сыграет свою роль.

В головизоре мелькнули крошечные вспышки: вражеский флот сбил приближающиеся торпеды. Мерикур смог оценить силы противника.

Хотя его эскадра превосходила флотилию Апекса в соотношении восемь к пяти, корабли Мерикура были слабее по огневой мощи. Флотилия Апекса включала в себя два линкора, у Мерикура же не было ни одного. Он оставил «Найк» в Скоплении Гармония на случай неурядиц. Крейсер «Бремerton» был самым большим его кораблем с самым мощным вооружением.

Помимо крейсера, в распоряжении Мерикура были авианосец, два корвета, два эсминца и два транспорта. Последние были скорее обузой, чем преимуществом – они были защищены только легкой броней, и следовательно, их могли щелкать, как мух. Ямагучи правильно сделала, что поместила их в арьергард.

С двумя линкорами, тяжелым крейсером и двумя эсминцами Калбранд имел значительное преимущество.

– Корветы вот-вот начнут атаку, сэр, – голос Ямагучи слегка дрожал, но она держала себя в руках.

Мерикур перенес свое внимание с вражеского флота на планету. Стреля предстала в кубе головизора в виде трехмерного шара. Вокруг нее кружили две луны. Мерикур увидел, как два корвета показались над северным полюсом планеты и начали резко набирать скорость. Мерикур хорошо представлял себе, как это происходит. Многократные перегрузки вдавливают тебя в кресло, по спине текут ручьи холодного пота, и ты молишь небо, чтобы в ящик сыграл тот, другой, а не ты.

Корветам Мерикура противостояли значительно более мощные противники, но и

положение эсминцев Апекса было не из легких.

Радары эсминцев засекли корветы сразу, как только корабли Гармонии вышли из тени планеты. Прежде чем корветы сделали ракетный залп, на эсминцах забили тревогу. Вой сирены привлек внимание всего экипажа, даже тех, кто был занят подготовкой удара по планете.

Экипажи эсминцев узнали, что их атакуют, и ничего не могли сделать, чтобы отвести удар. Оба эсминца уже вывели полный комплект аннигилирующих бомб наружу, на внешнюю подвеску, за пределы корпуса.

Эсминцы не могли ни атаковать собственными ракетами, ни защищаться от ракет противника огнем вспомогательных орудий, пока не сбросят кассеты с бомбами. При всем своем старании корабли Гармонии не смогли бы нанести такого урона, какой эсминец мог бы нанести себе сам, если бы после выстрела сдетонировала хотя бы одна бомба.

Один из эсминцев все же сумел избавиться от бомб, хотя ему и не удалось поставить их на боевой взвод. Бомбы вошли в плотные слои атмосферы Стрыи и сгорели там совсем как обычный космический мусор. Этот эсминец сумел сбить приближающиеся к нему ракеты плазменными зарядами и выстрелами из крупнокалиберных пульсаторов.

Второй эсминец Апекса попытался проделать то же самое, но бомбовые кассеты держались крепко. Техники не желали нести ответственность за взрыв корабля, который попытается вернуть на борт бомбы со взведенными аннигиляторами. И через двенадцать секунд после того, как первый эсминец избежал опасности и начал преследовать корвет, ракета Гармонии попала во второй корабль.

Те, кто находился на мостике эсминца, ничего не успели понять.

Они погибли.

На мостике корвета «Олифант» младший лейтенант Лорин Мерфи подпрыгнула в своем противоперегрузочном кресле и крикнула:

– Мы уделали их, капитан! Мы их уделали!

– Угу, – отозвался лейтенант Харкеш Сизбо, командир «Олифанта». – И если бы ты не стащила бутылку у меня с кушетки, нам с тобой было бы чем заняться, пока они не уделали нас.

Сизбо пребывал в звании лейтенанта уже семнадцать лет – первый раз ему его присвоили как юному офицеру, подающему надежды. Он мог прокутить всю ночь, а наутро блестяще и мастерски решал тактические задачи, чем и приводил в изумление как инструкторов, так и приятелей-офицеров, которые готовились к экзаменам традиционным способом.

Сизбо был в звании капитана третьего ранга и ждал очередного повышения, когда однажды ночью напился так, что его не смогли добудиться. Именно в эту ночь в отчаянной попытке захватить оружие повстанцы Делеварта напали на базу Хашима. На этот раз Сизбо пришлось предстать не перед преподавателями, а перед комиссией по расследованию.

И объяснять, почему погибли двадцать три человека, убитые при штурме.

Комиссия разжаловала Сизбо на два звания и поставила в личном деле «волчью метку», что навеки лишало его всяких надежд на повышение. Многочисленные знакомые офицеры, которые Сизбо и в подметки не годились, а теперь стали его начальниками, не сомневались, что он покончит с собой.

Наверное, так бы и произошло, но вместо пистолета Сизбо решил применить то самое оружие, которое уже убило наповал его карьеру. Экипаж корвета со временем научился отыскивать и разбивать бутылки, которые Сизбо прятал в укромных уголках корабля.

– Но командир, мы же сбили одного, – запротестовала Мерфи. – И теперь...

– А теперь другой сожрет нас на завтрак и не подавится! – рявкнул Сизбо. – Что, разве в офицерских училищах арифметике больше не учат?

Сизбо говорил, а его пальцы проворно стучали по датчикам, установленным на правом подлокотнике кресла. В центре мостика находился куб головизора, и все пространство внутри куба занимало изображение поля боя. Две параллельные голубые линии показывали

курс обоих корветов и изгибались по направлению к ближайшей к ним луне Стрыи. Оранжевый след эсминца показывал, что тот использовал гравитацию планеты как трамплин для разгона, изменил курс и готовился к ответному удару.

– Но нас же двое...

– Да у одного хренова эсминца огневая мощь на шестьдесят процентов больше, чем у обоих хреновых корветов вместе! – заорал Сизбо. – Больше отношение мощности к весу и скорость в два раза выше, – чем он и воспользуется, чтобы загнать нас в...

«Олифант» дернулся – это заработали боковые двигатели.

– Ага! – зарычал Сизбо, глядя на экран головизора. – Надул тебя, мерзавца!

Линия, обозначающая курс «Олифанта», изогнулась. Близнец «Олифанта» «Порпентин» шел в кильватере и старался держаться как можно ближе. Отличие первоначального курса от нового, измененного, было незначительным, но оба корвета вошли в лунную радиотень как раз перед тем, как их преследователю удалось замкнуть на них системы самонаведения своих ракет.

– Сэр, мы сумеем... – начала было Мерфи, но Сизбо перебил ее:

– Вот дерьмо собачье – ну надо же!..

Сначала Мерфи ничего не поняла. Затем она увидела, как точки ракет отделились от эсминца, и до нее дошло то, что старший офицер понял сразу, когда заметил, как оранжевая линия, обозначающая курс эсминца, чуть-чуть искривилась. Легкое изменение траектории. Не очень значительное, если только не брать во внимание отдачу, с которой ракеты берут старт, а ты как раз и являешься целью для этих ракет.

– Восемнадцать секунд до попадания в «Порпентин», – тихо сказал Сизбо, – сто сорок семь до нас, чтоб меня перевернуло.

Он скорчил рожу.

– Ракетный отсек, – произнес он. Компьютер откликнулся:

– На связи.

– Пульни-ка в них, Дункан, – проворчал Сизбо и пошарил под надувными подушками своего противоперегрузочного кресла. Бутылки там по-прежнему не было. – По одной ракете каждые три секунды.

– Сэр, надо одновременно запустить все ракеты, что у нас есть, иначе мы не пробьем их защитные поля.

– Дункан, – спокойно перебил Сизбо, – не надо меня учить. Я сам знаю – нам их не одолеть. Точка. Так что перестань мечтать. Но мы можем подрастрясти их запасы булыжников, пока они будут сбивать наши. Так мы проживем на несколько секунд дольше.

– Ясно, сэр.

Первая ракета покинула стартовую трубу, и корпус «Олифанта» зазвенел.

– Конец связи.

Затем внезапно, как будто кто-то щелкнул переключателем в его пропитанных алкоголем мозгах, Сизбо начал повторять:

– Вот дерьмо. Вот дерьмо! Вот дерьмо!!!

Помолчал, потом сказал тихо и спокойно:

– Знаешь, крошка, Энджи был моим другом. Если у такого проспиртованного старого пердуна, как я, вообще могут быть друзья.

– Может быть, лейтенант Энджелл успеет покинуть... – начала было Мерфи и умолкла: точка, которой на экране был обозначен «Порпентин», ярко вспыхнула и превратилась в голубой огненный шарик.

Застучали короткие очереди вспомогательных орудий корвета. Ракеты, запущенные эсминцем, были сбиты. «Порпентин» исчез с экрана головизора.

– Дерьмо, – тихо повторил Сизбо.

Его пальцы продолжали двигаться. Перламутровые пунктирные линии и горошины – они обозначали курсы ракет и точки попаданий снарядов – вспыхивали и гасли.

Вспомогательные орудия «Олифанта» теперь стреляли непрерывно. Корпус корвета

вздрагивал при отдаче: ракеты покидали пусковые установки в тщетной попытке разорвать сгущающуюся вокруг корвета пелену смерти.

– Связь, – приказал Сизбо, – с флагманом, немедленно.

– «Готово», – ответил ПИР. Сигнал «Бремerton» к приему сообщения был получен.

– Подрыв точка двенадцать, – произнес Сизбо. – Пять-пять-три, один-семь-девять, девять и шесть к девяти. Ни пуха. Конец связи.

– Ничего не понимаю! – воскликнула Мерфи. Она смотрела то на своего командира, то на экран головизора. – Что вы там за цифры называли?

– Мерикур поймет, – проворчал Сизбо. – Если он не болван.

Он помолчал и добавил:

– Эх, детка, лучше бы ты оставила бутылку на месте.

– Он неправильно назвал координаты! – воскликнул стрелок. – Так они пойдут...

– Капитан Ямагучи, – произнес Мерикур, не отрывая глаз от головизора. – Буду вам крайне признателен, если вы прикажете дать три залпа по этим координатам.

– Ракетный контроль, – сказала капитан, выполняя команду Мерикура, – ввести координаты в целеуказатель. Третья батарея – пуск!

– Слушаюсь, мэм, – сказал стрелок сквозь зубы. Первый залп ракет, нацеленных на пустое место в пространстве, раздался через две секунды. Зарядные лотки подали новую дюжину ракет на пусковые установки. Второй залп. Третий.

– Позвольте мне сказать, сэр, – начал стрелок ледяным тоном. Он старательно избегал взгляда генерала Мерикура. – Заложенные в систему наведения ракет координаты неверны. Это слишком далеко. К этой точке ракеты подойдут уже по инерции и не смогут поразить цель, даже если эта цель там и объявится.

– Ничего страшного, – отозвался Мерикур, не отрываясь от головизора.

– При всем моем уважении, сэр, – продолжал гнуть свое стрелок.

В это время точка, обозначающая на экране «Олифант», вздрогнула. «Олифант» потряс двойной взрыв. Образовалось облако газа и мелких осколков, и на мгновение Мерикур подумал, что ракета Апекса нанесла смертельный удар по корвету.

– О! – внезапно произнес стрелок.

– Вот именно, – согласился Мерикур. – Сизбо идет прямо туда, куда мы отправим ракеты. Капитан Сизбо – блестящий тактик. Он правильно рассчитал курс эсминца.

– Он... в последний момент предпримет обходной маневр? – тихо спросила Ямагучи.

– Нет, он этого не сделает, – ответил Мерикур. – Если я вообще знаю Сиза – то есть капитана Сизбо, – он уже абсолютно точно знает, где именно ракеты эсминца прорвут его заградительный огонь и силовое поле, и знает, что у него самого нет ни малейшего шанса выжить. К тому моменту, когда «Олифант» доберется до наших ракет, корвет будет представлять собой раскаленное облако газа и обломков, годных только для того, чтобы скрыть наши ракеты от радаров эсминца.

– Финиш, – пробормотал кто-то на мостике, но все и так видели, что происходит. «Олифант» дернулся, когда боеголовка вражеской ракеты взорвалась прямо перед его носом. Еще три ракеты взорвались почти одновременно после того, как первая уничтожила систему ведения огня корвета.

Полдюжины спасательных капсул отделились от распадающегося на части «Олифанта». Они обладали достаточной массой, чтобы сработали поисковые датчики боеголовок вражеских ракет. На экране головизора вспыхнули несколько искорок и почти сразу погасли.

Ракеты «Бремerton» прошли сквозь облако газа – все, что осталось от корвета, – и ударили в его палача. Эсминец Апекса мгновенно испарился.

– Ого! – воскликнул стрелок.

Мерикур вздохнул.

– Должно быть, в трюме были еще аннигилирующие бомбы, – сказал он, стараясь подавить дрожь в голосе. И добавил: – За дело, господа! Битва еще не окончена.

В тысяче миль от них на планете Доланг Прелдер остановился, не выпуская рукояток плуга, и посмотрел вверх, на огненный болид, несущийся по небу. Он не знал, что это были остатки эсминца Апекса, не знал, что люди, спасшие ему жизнь, погибли, и даже не подозревал, что сражение все еще продолжается.

Все это было за пределами его понимания. Ему нужно закончить пахоту. Хоть трупный смрад давно уже и выветрился, норму все-таки надо было выполнять. Если не за себя, так за кого-нибудь еще. Так было раньше, так будет и впредь. Прелдер цокнул на запряженных в плуг нандеров и налег на рукоятки.

Экипаж «Бремертона» закричал от радости, когда второй эсминец Апекса прекратил свое существование. Молчал один Мерикур. Он стиснул зубы. Гибель двух корветов и Бог знает скольких людей – это не повод для ликования. Но своей смертью его солдаты спасли планету. Они заплатили за это своими жизнями. Никто, нигде и никогда не должен платить такую цену.

Оставшиеся корабли обеих эскадр перегруппировались. Линкоры Апекса шли бок о бок милях в пятидесяти – шестидесяти друг от друга. Любой корабль, который вздумает пройти между ними, попадет под перекрестный огонь. Крейсер шел с той же скоростью, держался поодаль и находился, таким образом, в вершине огромного равнобедренного треугольника.

Каждый корабль сам по себе был велик и грозен, но для обеспечения взаимной поддержки этого было мало. Атака кораблей Гармонии на любой из них встретит ответные ракеты и залпы плазменных батарей только одного из линкоров. Линкоры запустили двадцать четыре легких перехватчика. Явно недостаточно, чтобы отразить удары, на которые был способен флот Мерикура.

Мерикур разбил свои силы на две группы: одна – это «Бремертон» и авианосец, другая – два эсминца и оба транспортных корабля.

Второй группе было приказано держаться позади и постараться вообще не участвовать в сражении, если удастся. Эсминцы в подметки не годились массивным дредноутам, но они вполне могли защитить транспорты от вражеских перехватчиков.

Поэтому задача одолеть два линкора и крейсер лежала на одном крейсере и одном авианосце. Мерикур знал, что дела кажутся плохи лишь на первый взгляд. По своей разрушительной мощи его авианосец почти равнялся линкору. Он нес на борту сто четырнадцать атмосферно-космических многоцелевых истребителей. Каждый был способен уничтожить линкор удачно пущенной торпедой, и каждый представлял собой отдельную цель для врага, которую надо отслеживать и о которой надо беспокоиться.

Мерикур держал их про запас до последней минуты, чтобы сэкономить топливо, которое истребители пожирали в невероятных количествах. Иначе их бы пришлось заправлять топливом в самый разгар сражения.

Тем временем ракетно-торпедная дуэль становилась все напряженнее. Каждый из линкоров мог сбить одновременно в три раза больше ракет, чем «Бремертон» мог выпустить одновременно. Если Мерикур в ближайшее время не прибегнет к помощи истребителей, его крейсер будет быстро уничтожен.

Как бы в подтверждение этого палуба под ногами Мерикура задрожала. «Бремертон» получил прямое попадание ядерной торпеды. Но силовое поле выдержало удар.

Если две торпеды попадут одновременно, все будет кончено.

Мерикур поймал обеспокоенный взгляд Ямагучи и приказал:

– Тридцать истребителей держать наготове для замены тех, кто возвратится на дозаправку. Остальным – запуск!

– Есть, сэр! – И Ямагучи начала отдавать приказы.

Экстренный запуск сродни выстрелу из пушки, причем ты сам находишься внутри снаряда. Разница только в том, что через десять миль от пусковой катапульты тебе приходится брать управление снарядом на себя. Конечно, если ты достаточно сообразителен, достаточно быстр и совершенно спятил.

Джесси обладала всеми тремя качествами. Или когда-то ими обладала.

Пусть не часто, но аварии во время тренировок все же происходят. И когда они случаются, такие аварии могут быть хуже, чем в настоящем бою. В бою ты готов к тому, что можешь быть убит. Конечно, ты уверен, что в мир иной отправишься не ты, а противник, ты даже молишься, чтобы это случилось с ним. Но тебя все время гложет мысль, что на его месте можешь быть и ты. Словом, если ты и облажался во время боя, врасплох тебя это не застанет. Ты чувствуешь себя обгаженным – иногда в буквальном смысле слова тебе чертовски больно – если осталось, чему болеть, но врасплох ты не захвачен.

Аварии во время тренировок всегда происходят неожиданно. Им не полагается случаться. Они предназначены симулировать опасность, а не создавать ее. Чаще всего такой подход срабатывает, но иногда все идет наперекосяк, как и было в случае с Джесси. Психологический шок – это хуже боли. Он может лишить тебя уверенности в себе, лишить быстроты, лишить мужества.

Ее ведомый истребитель исчез через десять секунд после запуска. Он лег на один курс с противником и бросил «Синего – 1»- Джесси – на произвол судьбы. Пусть летит, куда ей заблагорассудится. Такие действия противоречили уставу, но какого черта! – ведомый знал, что Джесси на него не донесет. А если донесет кто-то другой, не беда. Он всегда сможет отвертеться – сказать, например, что потерял Джесси в суматохе.

Можно, конечно, потом отдать его под трибунал, но этот ублюдок все равно не будет летать в паре с пилотом, у которого котелок не в порядке. Дьявол! Командование швыряется в этот линкор чем придется, кроме разве что унитазов. В бой посылают даже психов.

Джесси не могла винить «Синего – 2». Руки у нее дрожали, поджилки тряслись, и вообще, ей захотелось завизжать. Она вспомнила, как истребитель Дольфа врезался в ее собственный, вспоминала головокружительное вращение и многократные перегрузки, когда ее катапультировало и она закувыркалась в пустоте.

Доктора починили ее тело, но не вернули задор в ее глаза, не восстановили ее уверенность в себе. Джесси сжала кулак, и ее крохотный корабль нырнул в сторону, прочь от надвигающихся на нее громадных линкоров.

Вокруг мерцали крохотные огоньки – далекие звезды, к которым она могла теперь отправиться. Не играло роли, что топливо кончится задолго до того, как она до них доберется, и что само это путешествие продлится тысячи лет. Звезды были яркими и чистыми, достойными, чтобы к ним лететь независимо от того, доковыляет она до них или нет.

Позади нее кипела битва. Джесси ее не видела, она могла только слушать радио.

«Синий – 1», «Синий – 1»... Куда ты, к черту, летишь?»-» Оставь ее, «Оскар – 1», она психопатка «. -» Дельта – 1»- «Дельте – 5»... Резко вправо... Он у тебя на хвосте «. -» Ну давай, пидор... Еще чуток... Получай!»-» О'кей, леди и джентльмены, давите их, покажем этим апексовским говнюкам, как надо воевать!»-» О Боже... больно! Как же мне больно! Пожалуйста, не бросайте меня тут, прошу вас!»-» Заткнись, Мег, – ты на командной частоте «.

Что-то оборвалось внутри Джесси, когда она слушала предсмертный хрип Мег. По щекам потекли слезы.

Она не плакала с момента аварии на тренировке. Пальцы сжались в кулак. Истребитель изменил положение в пространстве и вновь набрал скорость.

Затем, так же внезапно, как и начались, слезы пропали. Твари – они убили Мег! Пусть Мег и не нравилась Джесси, эти ублюдки не имели права ее убивать. Ни у кого нет права заставлять других страдать, как страдала Мег, да и как сама Джесси. Нет у них такого права!

Она включила головизор. Крупные корабли палили друг в друга как попало. Очереди плазменных батарей, разрывы ракет, комья пламени. Огромные туши кораблей словно бы исполняли страшный танец.

Истребители предпочитали атаковать с флангов, нежели пытаться пройти между линкорами – хотя и заход с фланга никоим образом не походил на увеселительную прогулку. Выйдя на цель, истребители встречали и ракеты, и собственные истребители противника.

Хотя истребителей Апекса было в несколько раз меньше, они смогли постоять за себя и разогнали первую волну атаки войск Мерикура. Но сейчас из двадцати четырех истребителей, составлявших оборонительный щит, осталось только десять, и вскоре они тоже будут сбиты. Но, несмотря на все старания противника, линкоры получили только легкие повреждения, а крейсер и вовсе был целехоньким.

Джесси прищурилась и начала разглядывать крейсер. А почему, собственно, этот гаденьш не получил ни единой царапины?

Она развернула истребитель, выключила двигатели и, беспорядочно кувыркаясь в пространстве, пошла по инерции – в надежде, что компьютеры обеих сражающихся сторон сочтут, что ее истребитель подбит, а сама она погибла.

Прошли секунды, затем минуты – вращение вывернуло кишки Джесси наизнанку, – а истребитель все продолжал двигаться. Не похоже, что маневр Джесси кто-нибудь раскусил. Она чуть коснулась приборов контроля за положением в пространстве, немного стабилизировала вращение незаметными – о чем она горячо молила всех святых – точечными импульсами.

Стреля заполнила экран главного обзора – большой желтый шар, покрытый ватными комками облаков. Силуэт линкора четко вырисовывался на фоне планеты. Линкор постепенно приближался и вырастал, пока не заслонил собой почти всю планету. На борту линкора беспорядочно мелькали вспышки – это плазменные батареи открывали огонь по атакующим истребителям.

Джесси это напоминало вспышки молний на Земле – природное явление, которое ты наблюдаешь с суеверным страхом, как будто оно представляет собой часть не твоего родного, а совсем иного мира. Другой линкор можно было заметить только по огненной короне выстрелов.

Истребитель Джесси двигался между двумя огромными кораблями, а прямо по курсу находился крейсер.

Крейсер лениво огрызался, когда случайный истребитель пытался попробовать на зуб его защиту, и отсиживался в тылу, пока другие корабли дрались.

Истребитель Джесси дрейфовал в самом сердце отряда Апекса. Три корабля могли стереть его в порошок уже тысячу раз, но для них он был просто еще одним обломком, засоряющим окружающее пространство.

Это или сработает, или нет. Джесси как бы смотрела на себя со стороны, даже когда думала о бесчисленных ракетах и орудийных жерлах, следящих за ее полетом и готовых открыть огонь.

Пора! Крейсер находился почти над ней. Мышцы Джесси напряглись, и она включила все корабельные системы.

Джесси дала самый полный газ и произвела одновременный залп из всего оружия, что было на борту, в то время как ее истребитель устремился прямо на брюхо крейсера. Четыре ядерные торпеды, шестнадцать ракет, начиненных мощной взрывчаткой, и тысячи выстрелов из многоствольных пульсаторов – такой удар получило силовое поле крейсера.

Генераторы силового поля не выдержали перегрузки, когда четыре ядерные боеголовки рванули одновременно, предохранители сгорели, и защитное поле крейсера исчезло. Джесси стрелой пронеслась через оранжевые шары ядерных взрывов. Поскольку силовое поле смогло поглотить большую часть энергии, взрывы почти не повредили ее истребитель.

Мег была настоящей сучкой. Честно говоря, Джесси была рада, что Мегги сыграла в ящик.

Истребитель разгонялся все быстрее и быстрее, и крейсер попытался остановить его, но тщетно.

Джесси врезалась в крейсер. Сила удара была такой, что истребитель просто испарился, превратился в плазменный шар. Яркая вспышка возвестила о гибели крейсера и всех, кто находился на его борту.

– Боже милостивый! Вы видели это? – воскликнула Ямагучи. – Кто-то протаранил

крейсер! Вы это видели?

Мерикур видел. Это событие могло повернуть ход сражения в их пользу.

Но он похолодел от мысли, что кто-то мог сделать такое. Пойти на риск – да. Но не такое. Это было сумасшествием.

Но у него не было времени рассуждать об этом: «Бремертон» получил прямое попадание ракеты, и правая переборка капитанского мостика просто исчезла вместе с доброй третью экипажа. Все незакрепленные предметы засосало в пробоину и вынесло в открытый космос. Мерикур почувствовал, как его тоже потянуло к дыре. Рывок страховочного пояса остановил его.

Ямагучи тоже осталась цела. Мерикур услышал в наушниках его гермошлема ее голос:

– Санитарной команде – на мостик! У нас пробоина в корпусе и не действует искусственная гравитация. Потери примерно тридцать процентов личного состава. Включить ручное управление орудиями. Всем отсекам – доложить обстановку.

«Машинное отделение перешло на ручное управление. Потерь нет». – «Лазарет перешел на вспомогательную систему. Санитарная команда отправлена». – «Торпедный отсек на ручном управлении, задействованы резервные компьютеры. Потерь нет».

Так продолжалось до тех пор, пока все подразделения до последнего не сделали доклада. Капитанский мостик получил самые большие разрушения. Значительная часть систем автоматического контроля над орудиями крейсера была уничтожена, несколько дальних радаров – тоже. Не слишком утешительные новости, но большинство подразделений корабля все еще функционировало, все отсеки, за исключением камбузной палубы, остались герметичными.

Было странно видеть звезды там, где следовало находиться переборке, хотя для корабля это роли и не играло. В искусственной гравитации и в переборках нуждались люди, но не корабль. Благодаря дублирующим системам, «Бремертон» будет продолжать функционировать в любом случае. Что же касается экипажа, космические скафандры помогут продержаться часов шесть, а за это время битва закончится.

Санитарная команда проникла на капитанский мостик через небольшой шлюз, который отделял его от главного коридора. Санитары унесли раненых. Оставшиеся на местах члены экипажа были слишком заняты, чтобы обращать на них внимание. Подсчитывать потери они будут позже. Позже они будут удивляться, почему убиты не они, а кто-то другой. Позже они напьются и начнут рассказывать друг другу, как все происходило. Плакать они будут тоже потом.

А сейчас они находились здесь, и сражение продолжалось. Послышались радостные возгласы.

Глаза Ямагучи заблестели.

– Истребители докладывают о поражении цели номер один, генерал. Им удалось всадить торпеду в правую часть машинного отделения. Левые двигатели остались целы, но вся их мощность идет на поддержание силового поля.

– Отлично, – произнес Мерикур. – Если цель номер один не может двигаться, значит, полдела уже сделано. Держите цель под постоянным обстрелом, но дайте приказ истребителям атаковать цель номер два.

Ямагучи начала выкрикивать короткие команды, а Мерикур принялся обдумывать следующий шаг. Калбранд находился на борту цели номер два, и до сих пор от него не было слышно и писка. У него остался единственный линкор. Так как же надо ему врезать, чтобы он сдался?

– Генерал! Цель номер два пошла на разворот!

Повернувшись к головизору, Мерикур и сам это увидел.

Последний линкор шел в сторону Стрыи. Попытка сесть на планету, когда ты находишься под атакой, самоубийственна. Да такие корабли и не предназначены для посадок в атмосфере.

Эти сволочи собираются-таки бомбить планету!

– Прикажите эсминцам атаковать, – сказал Мерикур. – И подведите «Бремертон» к главному люку линкора.

Бросив свои жестянки в бой, Мерикур лишал транспортные корабли защиты, но ничего не мог поделать. Во всяком случае, большинство истребителей Апекса были сбиты, а у остальных осталось слишком мало топлива и боеприпасов, чтобы они представляли собой серьезную угрозу.

Мерикур страстно молился, чтобы это было действительно так...

Старший механик Бэйнс дал машинам самый полный вперед, и крейсер начал набирать скорость. Ростом Бэйнс был два метра с лишним, и абордажный крюк казался игрушкой в его лапах. По кораблю прошел слух, что Мерикур планирует взять линкор на абордаж, и Бэйнс намеревался поучаствовать в этом.

Механик ухмыльнулся. Пусть другие пользуются пульсаторами и пистолетами. Бэйнс твердо верил, что ничто не может сравниться со сталью, испачканной кровью врага.

На борту «Бремертона» настоящий ад. Во время сближения линкор стрелял вовсю. Ракета за ракетой долбили силовое поле, прорывались сквозь него и проделывали в корпусе крейсера огромные дыры. Плазменные заряды превратили силовое поле «Бремертона» в сплошной сверкающий шар.

В командный пункт шел непрерывный поток сообщений о повреждениях и потерях.

Самым трудным для Мерикура было вынужденное бездействие, пока Ямагучи вместе со своим экипажем боролась за корабль, который, судя по всему, погибал.

Роль Мерикура заключалась в определении стратегии, он должен был смотреть на общую картину боя, отдавать приказы и затем отходить в сторону, чтобы не мешать. Он нашел, что это сделать очень трудно.

В какой-то момент – он не заметил, когда именно – рядом с ним появилась Бетани. Она ничего не сказала. Да в этом и не было необходимости.

Они умрут вместе.

Но вопреки всему, вопреки ракетным ударам и гибели людей, «Бремертон» выжил.

Мерикур хорошо видел линкор через дыру в корпусе, видел теплообменники, батареи пульсаторов, видел пушки, все еще изрыгающие смерть.

– Бэйнс говорит, что мы идем на пределе, – спокойно сказала Ямагучи. – Двигатели теряют мощность.

– Понял, – ответил Мерикур. – Передайте ему, что нам нужен один последний рывок. Затем швартуйтесь к линкору. Мы идем на абордаж. Прикажите всему экипажу, чтобы надели на левую руку какие-нибудь боевые повязки. Не надо помогать противнику и палить друг в дружку.

Ямагучи медленно повернулась к нему, в ее глазах застыл ужас.

– Что? Я полагала, мы собираемся дать залп с близкого расстояния, чтобы линкор не успел сбить наши торпеды, а затем удираем на полной тяге.

Мерикур тряхнул головой:

– На борту линкора находится Калбранд.

– Да, конечно, – согласилась Ямагучи. – Уничтожив его, мы вынудим другой линкор сдаться.

– Убийство губернатора Скопления Апекс, – сурово произнес Мерикур, – непременно будет расценено как мятеж против Пакта – независимо от наших побудительных причин. Мы идем на абордаж.

– Слушаюсь, сир! – И Ямагучи повторила его команду.

«Бремертон» догнал линкор, и через несколько секунд корабли соприкоснулись.

Половина двигателей крейсера была выведена из строя. Контакт с линкором больше напоминал столкновение, чем швартовку. Удар отбросил Мерикура и Бетани на всю длину страховочных шнуров.

Мерикур ухватился за какой-то поручень и нажал подбородком на клавишу радиопередатчика. Ему и во сне не могло присниться, что когда-нибудь придется брать

чужой космический корабль на abordаж. Прямо как в старинных книжках про пиратов!

– Абордажная команда, вперед! – крикнул он. – Прежде всего захватить машинное отделение! Повторяю – машинное отделение в первую очередь!

Бетани была рядом с ним. Как и он сам, вокруг левого локтя она повязала белый лоскут. Она перехватила его взгляд и подняла большой палец вверх.

Ему хотелось сказать, как он ее любит, но они были в скафандрах, а это означало, что его слова услышат и тысячи других людей.

Поэтому он тоже удовлетворился тем, что поднял большие пальцы обеих рук.

При выключенной гравитации abordажникам пришлось плыть в невесомости к главному люку, цепляясь за разного рода выступы. Несмотря на множество народу вокруг, Мерикур знал, что людей вовсе не достаточно для захвата линкора, чей экипаж превосходил их по численности почти втрое.

Мерикуру нужно было сконцентрировать удар своего отряда в одной точке. Значит, капитанский мостик побоку, главное – двигатели. Конечно, управляли линкором с мостика, но без двигателей много не науправляешь, и линкор не сможет сбросить бомбы на Стрию.

Когда Мерикур достиг главного шлюза, морские пехотинцы Ямагучи уже взорвали люк и ворвались внутрь линкора. Последовав за ними, Мерикур почувствовал, как искусственная гравитация линкора дернула его на пол. Он повернулся и ухитрился приземлиться на ноги.

Экипаж линкора был занят тем, что отражал атаки истребителей и эсминцев. Взвод морских пехотинцев, оказавшийся у главного шлюза, понес большие потери и был быстро опрокинут нападающими.

Морпехи дрались хорошо. Мерикуру было жаль их, но они, сражаясь, исполняли свой долг.

Но то же самое делал и он. Мерикур закричал, когда его отряд вырвался из главного шлюза, и побежал в глубь линкора вместе со всеми.

Впереди всех мчался Бэйнс и размахивал острым abordажным крюком. Он прямо-таки завопил от радости, когда еще один отряд морпехов Апекса вышел навстречу. Главный коридор линкора – место тесное и отвратительное, тут не очень-то подерешься. Скафандры лопались, пульсаторы дробили шлемы, тут и там умирали люди. В шлемофонах раздавались непрерывные крики, возгласы, и время от времени слышался чей-то предсмертный хрип.

«Слим, берегись, сзади!.. Черт, еле увернулся!»- «Поджарь его, поджарь, суку!»- «О, Господи, я ранен... у меня пробит скафандр... а-а-а-а!»

– Сюда, сэр! – крикнул старший механик. – Я служил на таком же сразу после училища.

Мерикур уклонился от удара, выстрелил в голову какому-то апексовскому морпеху и нырнул вслед за Бэйнсом в боковой проход. Слава Богу, что он принял решение захватить машинное отделение. Чтобы добраться до мостика, нужно было преодолеть в буквальном смысле слова несколько миль по целому лабиринту переходов и трапов.

Голова Бэйнса внезапно испарилась. Мерикура ослепил луч мощного лазера. Ничего не видя вокруг, Мерикур дал наугад длинную очередь стеклянных шариков. Рядом с ним то же сделала и Бетани. Несколько морпехов упало, из продырявленных скафандров с шумом выходил воздух.

Спотыкаясь, падая, вставая опять, Мерикур продвигался к люку, над которым висела табличка: «Машинное отделение». Он все еще не мог поверить, что добрался до цели, пока крышка люка не скользнула в сторону.

В дверях машинного отделения стояли двое солдат в скафандрах.

Мерикур понял, что пришел его черед. Вскидывая пульсатор, он знал, что выстрелить не успеет.

Внезапно стоящие перед ним солдаты исчезли в яркой вспышке. Из-за спины Мерикура вышел сержант-морпех. На одном плече он нес гранатомет.

– Простите, что помешал вам развлечься, сэр... Но я не смог удержаться.

– Извинения принимаются, сержант, – отозвался Мерикур. – С вас бутылка за испорченное развлечение.

– Так точно, сэр, – сказал сержант, переступая порог машинного отделения, – но сначала я устрою этим швабрам внезапную проверку.

Десять минут спустя все закончилось. Машинное отделение полностью находилось под контролем Мерикура, команда «Бремертона» вывела двигатели линкора из строя, главный коридор также был захвачен.

Виндзор прибыл через несколько минут, окруженный солдатами элитной гвардии. За ним нерешительно следовал Тенли.

Калбранд, угрюмый и усталый, появился на экране головизора, который стоял в машинном отделении. На Калбранде был скафандр, однако гермошлем он держал под мышкой. На капитанском мостике все еще поддерживалось нормальное атмосферное давление. Но каким бы уставшим Калбранд ни был, он все же цинично усмехнулся:

– Что ж, Виндзор, похоже, этот раунд закончился в вашу пользу.

Калбранд оглянулся, словно хотел осмотреть повреждения, полученные кораблем и находящиеся за пределами экрана, затем опять посмотрел на Виндзора.

– Но ваше дело на этом не закончилось. Дурной пример заразителен. Планета за планетой, Скопление за Скоплением – до тех пор, пока Пакт не прекратит свое существование.

Виндзор немного помедлил с ответом, потом тихо сказал:

– Я не хотел этого, Калбранд, но вы не оставили мне выбора. Какие бы последствия это ни вызвало, вы ответите за них так же, как и я.

К удивлению Мерикура, Калбранд согласился:

– Вы правы, причина и следствие всегда ходят рука об руку. Один из нас войдет в историю как великий герой, другой – как великий злодей. Хотел бы я знать, кем будете вы?

«16»

Мерикур устал, парадный мундир был ему тесен и давил там и сям, а люди все задавали и задавали без конца свои глупые вопросы.

«Что вы чувствовали, когда атаковали флот Апекса? Во что в тот момент была одета ваша жена? В космический скафандр? Но он такой неуклюжий. Бедняжка, могу себе представить, с каким трудом она его надевала. Я бы сразу убила Хуберта, предложи он мне такое».

Как всегда, Мерикур изо всех сил растягивал губы в улыбке и пытался сквозь грохот музыки услышать вопрос и сказать в ответ что-нибудь не самое глупое.

Последние несколько недель он закружился в водовороте общественной жизни. Хотя он и прекрасно понимал огромную политическую значимость торжественного губернаторского приема, но терпеть не мог посещать подобные мероприятия.

Выигранные сражения добавляют хлопот, а не уменьшают. Именно победителю приходится заниматься ранеными и убитыми, ремонтировать то, что еще можно починить, и пытаться удержать завоеванное.

После капитуляции Калбранда Виндзор и его штаб потратили массу времени и энергии, решая, что делать дальше. В отсутствии других средств сообщения, помимо кораблей, новости дойдут до Земли только спустя какое-то время. Но они туда в конце концов доберутся, и тогда победителей ждет суший ад.

Поэтому Виндзор принялся за то, что у политиков получается лучше всего: он пошел на компромисс. Причем не на один, а на бесконечное множество. Первым делом он посадил Калбранда на один из транспортов Мерикура и позволил ему вернуться домой. Было заманчиво, конечно, оставить его в качестве пленника, но у Виндзора хватало проблем и без того.

Освободив Калбранда, он мог оправдать свое вмешательство в дела Скопления Апекс, основываясь не только на морали, но и подведя юридический базис. Он теперь сможет утверждать, что намерение Калбранда разрушить Стрию было не только актом отъявленного

варварства, но и нарушением законов Пакта, поскольку правом уничтожить целую планету в карательных целях обладал только Сенат.

Калбранд попытается оправдать свои действия широкими полномочиями губернаторов в случае чрезвычайного положения. Но он уже сам будет защищаться, и дело будет низведено до уровня политической грызни, которой так славился Сенат.

Сам бывший сенатор, Виндзор был уверен, что сможет успешно завершить дело. Ему, конечно, объявят выговор или что-то в этом роде, и он опять займется делом. Главное – избежать даже малейшего намека на аннексию...

Потому что тогда его действия будут сильно смахивать на мятеж, а список мертвых губернаторов-мятежников и так уже достаточно велик.

Но имелись и более неотложные проблемы. Калбранд задействовал в операции на Стрые не весь свой флот. Губернатор Скопления Апекс, как только доберется домой, вполне сможет вернуться снова – вместе с оставшимися у него кораблями. Чтобы исключить такую возможность, Ямагучи приняла под свое командование все уцелевшие корабли Апекса и разместила их вокруг Стрыи.

Имея на руках флот подбитых кораблей, сотни раненых и полную планету обвиняемых в убийстве, Ямагучи не нуждалась еще и в экипажах с сомнительной лояльностью. Поэтому весь оставшийся в живых военный персонал Апекса также был посажен на транспортные корабли и отправлен домой вместе с Калбрандом.

Линкоры расположились на орбите вокруг Стрыи, где они могли послужить в качестве орудийных платформ, пока люди Ямагучи будут их ремонтировать. «Бремертон» теперь превратился в источник запчастей и металла.

А между тем линкоры, пусть и основательно поврежденные, плюс авианосец и один из эсминцев Мерикура оставались достойными противниками любым кораблям, которые может привести Калбранд.

Джому согласился остаться на Стрые и возглавить расследование всех убийств. Даже имея в своем распоряжении большое количество морских пехотинцев, легкой эту задачу он назвать не мог.

Виндзор был неумолим: убийство есть убийство, пусть и заслуженное, поэтому все виновные должны предстать перед судом.

Проблема заключалась в том, что все население Стрыи имело мотив и возможность совершить преступление. Джому придется опросить пять миллионов подозреваемых, чтобы найти виновных.

К счастью, правительство Стрыи оказывало ему всяческую поддержку. Оно так обрадовалось, что заполучило для проведения расследования незаинтересованную третью сторону, что два региональных губернатора сознались во всем немедленно, а остальные обещали помогать, чем только смогут. Джому надеялся, что помощь руководства планеты сделает и остальных стрыян более сговорчивыми.

Мерикур не завидовал Джому. Его собственная задача тоже была не из легких. Ему с Эйтором предполагалось править балом, пока Виндзор не вернется с Земли. Отправляясь туда по собственной воле, Виндзор надеялся упредить свой неминуемый вызов в Сенат, чтобы не дать сенаторам ни малейшего повода обвинить его в подстрекательстве к мятежу.

Поэтому прием в честь победы, совмещенный с вечеринкой в честь отъезда губернатора, был в полном разгаре.

Особняк Виндзора снова был битком набит офицерами в парадных мундирах и дамами в вечерних платьях, но на этот раз число инопланетян значительно увеличилось. Они были облачены либо в свои нарядные национальные костюмы, либо в простые скафандры, если инопланетяне не могли дышать воздухом Августины.

Некто предприимчивый убил сразу двух зайцев: на свой скафандр он налепил золотые блески. Если Мерикур не ошибался, это был посланник с Лавориана – 3. Бетани приветствовала инопланетянина на его родном языке, а ПИР Мерикура прошептал ему на ухо перевод.

В это время в динамике раздался голос Тенли:

– Уважаемые носители разума! Я могу говорить о достижениях этого человека часами... Но, в отличие от других политиков, дела его говорят громче слов. Поэтому без дальнейших преамбул имею честь представить вам губернатора Энтони Виндзора!

Все присутствующие разразились дружными аплодисментами, раздались крики: «Речь!», «Хотим речь!».

Виндзор поднял руки и подождал, пока аплодисменты стихнут. Он заговорил, и голос его разносился по всему залу:

– Уважаемые носители разума, спасибо! Тем из вас, кто поддерживал меня последние несколько месяцев, я от всего сердца выражаю искреннюю благодарность. Действительно, я ничего не смог бы добиться без вашей помощи. Но прошу вас, давайте не будем почивать на лаврах, наш тернистый путь только начался, и впереди лежит очень неровная дорога.

Как вам известно, завтра утром я улетаю на Землю. Там я выступлю и в поддержку Стрыи, и за всеобщее равенство инопланетных рас. Я бы очень хотел уверить вас, что Сенат согласится с моими доводами, что справедливость восторжествует и что больше не будет потерянных жизней. Но я не могу этого обещать. Я просто знаю, что я должен поехать, что наши голоса должны быть услышаны, что Сенату должна быть предоставлена возможность узнать все из первых рук.

Многие из вас спрашивали меня, что я буду делать, если мне откажут, и честно вам скажу: я не знаю. Но я знаю другое. Я никогда не отрежусь от концепции равенства, я никогда не буду действовать в интересах тирании и я никогда не предам вашего доверия.

Лаворианин не был единственным инопланетянином, проделавшим дальний путь. Слух о деятельности Виндзора распространялся от планеты к планете, от Скопления к Скоплению. Всевозможные правительства, как людей, так и инопланетян, послали своих представителей на Августину, чтобы засвидетельствовать свое уважение губернатору и получить более четкое представление о курсе Виндзора.

Кто этот человек? Сумасшедший, который одержал несколько чисто случайных побед, или лидер, появления которого ждали многие? Человек, который поднимет одряхлевший Пакт и вдохнет в него новую жизнь?

На другом конце зала Мерикур услышал смех. Смеялись над удачной шуткой Виндзора. Толпа слегка раздалась, и Мерикур увидел небольшое возвышение, на котором стоял Виндзор. По сценарию приема предполагалось, что отсюда Виндзор произнесет короткую речь, а затем пригласит всех к столу.

Мерикур беспокоился за безопасность губернатора, но члены «губернаторской сотни» загоразивали Виндзора своими одетыми в броню телами и пристально оглядывали толпу в поисках малейших тревожных признаков. Хорошо. То, что случилось на прошлом приеме, не должно повториться. До сих пор с мраморного пола каждое утро соскребали следы крови, которая просочилась в камень через мельчайшие трещины.

Мерикур оттянул пальцем жесткий воротник мундира и стал пробираться поближе к возвышению. Там было душно и многолюдно. Бетани стояла неподалеку. Он поймал ее взгляд и мотнул головой. Она кивнула, извинилась перед какой-то престарелой дамой, с которой беседовала, и ловко заскользила через толпу. Тенли призвал собравшихся к вниманию как раз в тот момент, когда оба, и Мерикур, и Бетани, приблизились к возвышению, где стоял губернатор.

Аплодисменты так гремели, так оглушали, что Мерикур даже не услышал выстрела.

В груди у Виндзора появилась дыра, и он упал.

Тело его еще не успело коснуться пола, когда Тенли запрыгнул на возвышение и бросил вниз пульсатор.

– Вы только что присутствовали при официальной казни, осуществленной Кона Татцу! – прокричал Тенли. – Эта мера была рассмотрена и одобрена Сенатом единогласно. Любая попытка причинить мне вред будет расценена как оскорбление Сената.

Многое произошло одновременно. Члены «губернаторской сотни» навалились на

Тенли, один из них схватил роковой пульсатор. Солдаты смотрели на Мерикура и ждали его приказаний. Кто-то кричал, чтобы привели врача. Бетани и Эйтор склонились над телом Виндзора.

Толпа подалась вперед – рассмотреть получше, что же произошло.

Смешанное чувство гнева и печали охватило Мерикура. Он встретился взглядом с Тенли. Конечно. Подстраховка.

Мерикур полагал, что он играл роль подстраховки, был последним предохранителем, установленным Кона Татцу на Виндзоре. Но ему следовало догадаться, что могут быть и другие. Тенли следил за ним, еще кто-нибудь следил за Тенли и так далее, без конца. И все это ради поддержания статус-кво.

В Кона Татцу боялись равенства инопланетян, боялись, что власть уплывет в чужие руки... Поэтому Виндзора судили и приговорили тайно. Слух о публичной казни разнесется быстро, и всякий сочувствующий идеям Виндзора дважды подумает, прежде чем идти по его стопам.

Идеи, за которые погиб Виндзор, умрут вместе с ним. В Кона Татцу были уверены в этом.

Тенли не обращал внимания на телохранителей, он смотрел только на Мерикура.

– Дамы и господа, от имени и по поручению Сената представляю вам нового исполняющего обязанности губернатора, Ансона Мерикура. Губернатор Мерикур принимает обязанности по управлению Скоплением Гармония до того, как Сенат подберет и назначит на этот пост подходящую кандидатуру. Являясь членом администрации Виндзора, генерал Мерикур выступал против безумной атаки Виндзора на Скопление Апекс, но вынужден был подчиниться приказам губернатора. Губернатор Мерикур, может быть, вы скажете нам несколько слов?

Мерикур восхитился. До чего же умно придумано! В Кона Татцу знали, что он до конца поддерживал Виндзора, но давали ему путь для почетного отступления. Они боялись и его. Даже у мертвого, у Виндзора остались верные ему сподвижники. Они могут восстать против Пакта...

Но они не восстанут против Ансона Мерикура.

Поднимаясь на возвышение, Мерикур почти физически ощущал тяжесть сотен взглядов. «Губернаторская сотня» ждала его приказа, Бетани и Эйтор ждали, что он сейчас предпримет, толпа ожидала – сама не зная чего.

Тенли улыбался.

Пульсатор весил меньше перышка, и казалось, действовал сам по себе. Стеклообразные шарики стерли высокомерную улыбку вместе с лицом Тенли.

Мерикур посмотрел вниз, на море ошеломленных людей и инопланетян. Слева от него стоял Эйтор, по правую руку стояла Бетани. Все в зале хотели услышать от Мерикура что-то значительное и историческое. Хотели, чтобы он объяснил, что происходит, сказал им, что делать, как-то их утешил.

Слова не шли на язык. Слова были уделом политиков, а не солдат вроде Ансона Мерикура.

По его щекам потекли слезы. Мерикур вспомнил слова губернатора Калбранда.

Глядя на толпу и почти не видя ее, Мерикур произнес:

– Это только начало. Наше дело продолжается. Планета за планетой, Скопление за Скоплением до тех пор, пока Пакт не прекратит наконец свое существование. И я молю Господа, чтобы мы построили на его месте что-нибудь получше.